

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БЕЛИНСКОГО

В «МОЛВЕ», «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»
И «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

⟨4⟩

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

(О «ГРАММАТИКЕ» г. КАЛАЙДОВИЧА)

Наконец «Грамматика» г. Калайдовича, столь давно обещанная, столь долгожданная, вышла, хотя и не вполне еще. Мы получили только первую часть ее, которая в старые времена называлась этимологией. Говорим, в старые времена, ибо «Грамматика» г. Калайдовича является с резкими притязаниями на *новость*. Почтенный автор изменил многое не только в систематическом расположении науки, но и в самой номенклатуре, освященной столькими веками древности. Сии нововведения, по намерению своему, не имеют ничего предосудительного; напротив, делают честь автору как выражения самобытности, без которой нельзя сделать вперед ни одного шагу, невозможно и думать об усовершенствовании, об успехе. Особенно грамматика, застрявшая неподвижно в старой колее в продолжение веков, имеет нужду в изменениях, сообразно с настоящей степенью умственного образования, с нынешними понятиями об архитектонике знания и методологии преподавания. Пора избавить нам грамматику, эту первую, насущную необходимость умственного образования, от тех ржавых пут, которыми оковали ее в старинных школах, от той варварской коры, по которой бродит ощупью, не видя ни зги, слепая рутина. Достигают ли сей цели нововведения г. Калайдовича, это вопрос, на который мы не хотим отвечать слегка из уважения к трудам почтенного автора. Надеемся не замедлить подробным, отчетливым разбором сей тяжелой, неблагодарной и вместе важной работы. Но предупреждаем заранее, что и критика и публика, столь давно подстрекаемые, едва ли найдут себя вполне удовлетворенными. Чем нетерпеливее было ожидание, тем взыскательнее будут требования.

⟨Молва», 1834, ч. VIII, № 46, стлб. 305—306⟩.

Печатаемая здесь заметка о «Грамматике» И. Ф. Калайдовича (1796—1853) анонимна. Мы приписываем ее Белинскому. Основания для этого: автор заметки — большой знаток по части грамматики. Таковым был Белинский с гимназических лет. В 1834 г., когда вышла в свет «Грамматика» Калайдовича, он уже начал писать собственную грамматику. Из уважения к «почтенному» Калайдовичу автор не хочет говорить «слегка» о его труде. Он надеется «не замедлить подробным, отчетливым разбором сей тяжелой, неблагодарной и вместе важной работы». Но он предупреждает «заранее, что и критика и публика, столь давно подстрекаемые, едва ли найдут себя вполне удовлетворенными. Чем нетерпеливее было ожидание, тем взыскательнее будут требования». Всё это мог сказать только Белинский, который, действительно, «не замедлил подробным,

отчетливым разбором» «Грамматики» Калайдовича. Этот разбор был помещен в двух следующих номерах «Молвы» (1834, № 47, стлб. 322—330 и № 48, стлб. 341—353). В своей статье, как и было обещано в заметке, Белинский предъявил большие требования к труду Калайдовича и нашел его неудовлетворительным (II, 28—42). Печатаемая заметка была как бы введением к пространной рецензии Белинского. Авторство критика тут бесспорно.

В. С п и р и д о н о в

<2>

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «ТЕЛЕСКОПА» И «МОЛВЫ»

По случаю отъезда издателя «Телескопа» и «Молвы» за границу и других не зависящих ни от него, ни от редакции обстоятельств, выход книжек обоих журналов был на некоторое время прекращен. Так как теперь все затруднения отстранены, и издатель сделал, с своей стороны, все нужные распоряжения, дабы редакция, коей он вверил, с разрешения начальства, издание своего журнала на время своего отсутствия, имеющего продолжиться около года; <sic> то, с сего времени, все №№ будут следовать друг за другом в непрерывном порядке. Редакция употребит все зависящие от нее средства и все свои усилия, чтобы гг. подписчики были в самом скорейшем времени удовлетворены выдачею отставших книжек и получили в свое время следующие. Посему, в уважение изложенных ею причин, гг. подписчики извинят ее в том, что несколько №№ «Молвы» они получают в двух №№, хотя и с полным числом листов, но не с полным числом картинок мод, которые, сверх того, уже стары. По выходе следующей тетради, заключающей в себе несколько манкированных №№, выдача «Молвы» будет производиться в прежнем порядке и *непрерывно* по субботам по утру, сообразно с программой.

Редакция находится на Петровке, в Рахмановом переулке, в доме князя Касаткина-Ростовского, в № 22.

<«Молва», 1835, ч. IX, № 24—26, стлб. 469—470>.

С 8 июня и до конца 1835 г. Н. И. Надеждин, редактор и издатель «Телескопа» и «Молвы», находился за границей. Точная дата его возвращения не установлена, но известно, что уже 26 декабря он был в Москве. В отсутствие Н. И. Надеждина всеми делами его журналов ведал Белинский, который, несомненно, и был автором публикуемого нами анонимного «Извещения», появившегося на страницах «Молвы» летом 1835 г.

Перед своим отъездом за границу Н. И. Надеждин сообщил Московскому цензурному комитету об учреждении им в Москве на период своего отсутствия «временной редакции», «управление делами коей поручил живущему там дворянину Белинскому».

«Правящий должность» председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голухвастов направил по этому поводу в Петербург следующее донесение:

10 июня <1835 г.>
№ 270

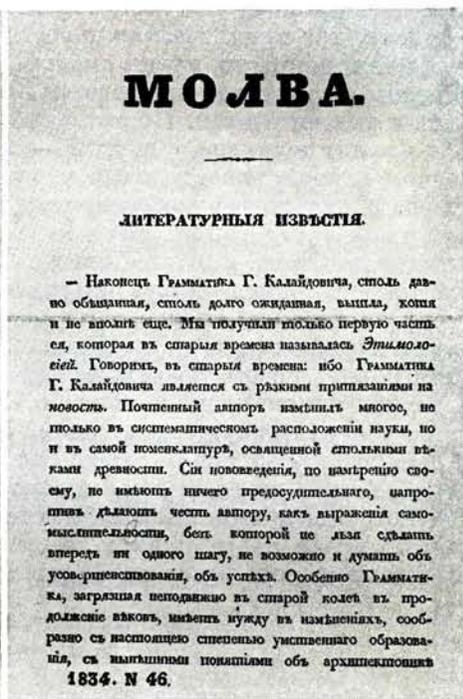
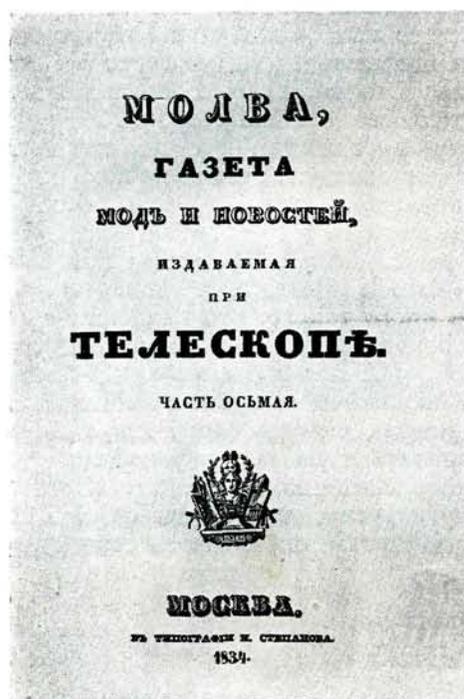
В Главное Управление Цензуры

Издатель журналов Т е л е с к о п и М о л в а донес Комитету, что он для пользования расстроенного его здоровья находится принужденным отправиться на несколько времени к минеральным водам в чужие края; так как долг его пред публикой обя-зывает его окончить издание его журналов на которые собрано уже подписей, то он распорядился, чтобы оные и в отсутствие его входили в свое время, на каковой конец оставляется им здесь временная редакция, в коей производство дел поручено им живущему в Москве дворянину Белинскому, к которому он и просил Комитет обращаться в случае... каковых либо приказаний. При сем не излишним считаем присовокупить, что о таком распоряжении он имел лично докладывать г. Министру Народного Про-

свещения и что в проезд его через С.-Петербург долгом поставит и письменно довести о сем до сведения его высокопревосходительства.

〈Отпуск донесения. — Московский областной исторический архив. Печатается впервые〉.

Через два дня, а именно 12 июня 1835 г., Голохвастов вновь обратился в Главное управление цензуры с запросом: «Может ли Комитет принимать на свое рассмотрение и одобрять к печатанию корректурные листы, которые будут присылаться из временной редакции, в коей производство дел поручено живущему в Москве дворянину Белинскому? К чему долгом почитает присовокупить, что впредь до получения по предмету сему разрешения Московский цензурный комитет остановил одобрением к печатанию

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЧАСТИ VIII «МОЛВЫ» НА 1834 г. И СТРАНИЦА В № 46 ЭТОЙ ГАЗЕТЫ С НЕИЗВЕСТНОЙ РАНЕЕ ЗАМЕТКОЙ БЕЛИНСКОГО О «ГРАММАТИКѢ» КАЛАЙДОВИЧА

статей, назначаемых к помещению в журналах „Телескоп“ и „Молва“. — Главное управление цензуры 18 июля 1835 г. сообщило Московскому цензурному комитету об удовлетворении ходатайства Н. И. Надеждина и указало, что «не следовало останавливать своевременный выход в свет номеров „Телескопа“ и „Молвы“» («Летопись жизни и деятельности Белинского». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 33—35).

Эти цензурные придирки и были «не зависящими от редакции обстоятельствами», которые почти на два месяца задержали выход книжек «Телескопа» и «Молвы».

Принадлежность публикуемого нами текста Белинскому устанавливается также и тем, что указанный в конце «извещения» адрес редакции «Молвы» являлся, вместе с тем, адресом Белинского. В доме кн. Касаткина-Ростовского по Рахмановскому переулку Белинский жил с 1835 по 1837 г. Надеждин же жил на Арбате.

В. Спиридонов

<3>

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», ИЗДАВАЕМОЕ г. СЕМЕНОМ

«Живописное обозрение» г. Семена — новость уже довольно старая или, по крайней мере, уже всем известная. Из всех русских журналов, которых, впрочем, не слишком много, «Молва» говорит о ней после всех: что делать? Это произошло не от ее воли, а от обстоятельств, ибо для нее, крылатой вестовщицы, приятнейшая обязанность состоит в том, чтобы извещать публику обо всем новом. Но бедняжке приходится быть совсем без дела, ибо политические новости не ее дело, а новостей литературных у нас так мало, или, лучше сказать, наши литературные новости так однообразны, что всегда надо говорить одно и то же, а это скучно и для журнала и для читателей. Но это обстоятельство, с одной стороны, затруднительное для журнала, с другой — очень выгодно для него, ибо ему можно говорить, как о новости, о том, что уже в самом деле отнюдь не ново и даже старо. У нас не трудно спешить за временем; ног не отобьешь, особливо гонясь за литературою. Мы еще не дожили до того времени, когда *вчера* становится *давно*, *нынче* забывается прежде *завтра*. Но, между тем, в этот небольшой промежуток, в который «Молва» отдыхала от своих, впрочем, очень не тяжких, трудов, случилось много такого, что подлежит ее ведению и с чего она не взяла обычной следующей ей дани: говорю о Петровском парке, новом летнем театре, в особенности о выставке, весенних и летних гуляньях и, наконец, о «Живописном обозрении». «Молва» постарается как-нибудь мимоходом, à propos, сказать слова два о первых двух новостях, а теперь хочет остановиться на последней. Есть и еще одна... Это — первый том знаменитого «Энциклопедического словаря», над которым судьба сыграла жестокую шутку, или, лучше сказать, который сыграл над публикою жестокую шутку, оправдав на себе мудрое изречение нашего великого баснописца:

Наделала синица славы,
А моря не зажгла!

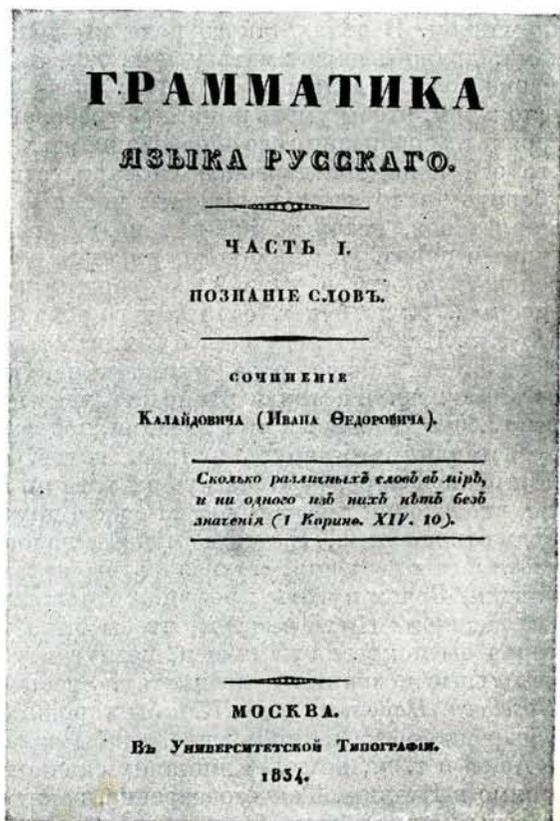
Ну да об этом после, когда-нибудь... может быть, даже и очень скоро... и очень много... Есть, наконец, и еще новинка, впрочем, тоже не совсем новая: это «Московский наблюдатель» — явление в высочайшей степени странное и непостижимое, так что иногда как будто *comme il faut*, а иногда смотришь и глазам не веришь... но и об этом тоже речь впереди...

Наш век есть век удобств, век улучшений во всех родах, век полной и совершенной победы человека над природой; сердце замирает от восторга при мысли о том, что уже есть, и еще более о том, что будет. Даже неподвижный, вечно спящий Восток, по выражению *Эдгара Кинга*, начинает помавать своею главою и отряхивать с вежд своих глубокий сон: тут его преддверие, прекрасная освобожденная Греция, а за нею он сам, в лице *Истамбула* и *Александрии*, оставляющий свой фанатизм, жадным ухом прислушивающийся, забыв древнюю, вековую, священную вражду свою к урокам неверного *Франкистана*... а там, еще далее, в колыбели человечества, европейские университеты, и в них поклонники Магадэвы, изучающие письма священного языка своих предков под руководством западных мудрецов!.. О, какой дивный и длинный путь уже пройден, сколько сделано великого на этом пути! Сокращения расстояния, уничтожена отдаленность, ученый Парижа, через неизмеримый океан, подает руку ученому Бостона или Филадельфии; книгопродавец Лондона доставляет средства книгопродавцу Москвы сообщать своим соотечественникам успехи

его отечества!.. Нет, вопреки *Карамзину*, *оптимизм* должен быть душою истории!..

И в самом деле, что должно составлять цель существования каждого человека, каждого народа, всего человечества, как не просвещение? А когда это стремление к просвещению было так сильно, так обще, так дружно, как не в наше время? Как бы в отличие от древности, в которой знание было уделом не многих, уделом особой касты, тщательно скрывавшей этот благоуханный цвет от глаз профанов и оставлявшей прочую часть народа пресмыкаться в невежестве, характер нашего времени состоит во всеобщности просвещения, в его доступности для всех и каждого... Теперь это уже не какой-нибудь частный интерес, теперь это общее, человеческое дело. Его успехам служит всё — торговля и ремесло, расчет и бескорыстие, война и мир...

К числу средств, для распространения света познаний по всем классам общества, принадлежат дешевые издания разных книг и повременных изданий. Их содержание, характер и тон принаравливаются к понятиям того класса людей, для которого они издаются. Особенное внимание обращено на самые низшие слои общества. Чтобы заставить читать бедного и невежественного человека, надо дать ему книгу дешевую и толковитую, надо уметь говорить с ним *его* языком как о высоких, так и об обыкновенных предметах; надо, наконец, сообщить ему понятия, хотя легкие, хотя поверхностные, обо всех предметах ведения человеческого, ибо теперь всё жаждет знания *универсального*: универсальность в просвещении есть лозунг нашего времени. С этою целию в Европе начали издаваться сочинения, заключающие в себе систему какого-нибудь отдельного знания, изложенную как можно проще и доступнее для непосвященных

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ «ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАЛАЙДОВИЧА

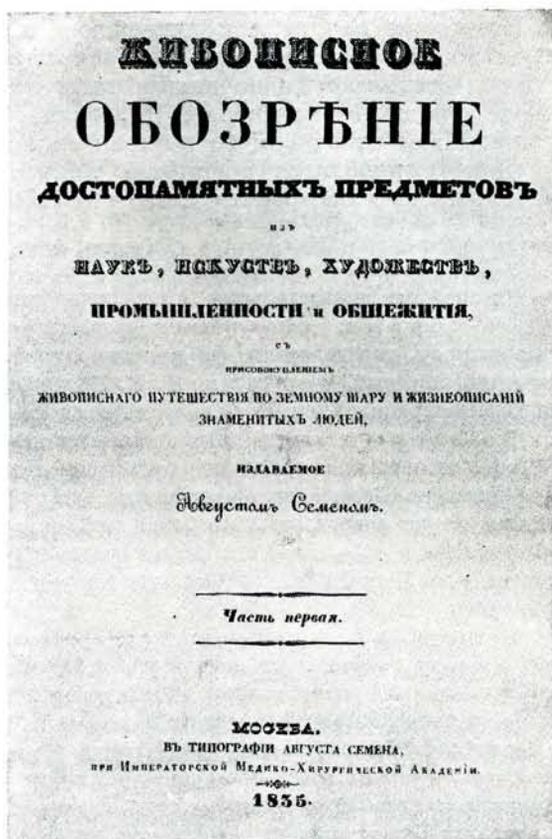
«Грамматике» посвящена неизвестная ранее заметка Белинского в «Молве» № 46 за 1834 г.

в таинства науки. Это делается таким образом: какой-нибудь богатый книгопродавец заказывает такого рода сочинение известному ученому, печатает его в числе многих тысяч экземпляров и распускает по самой дешевой цене, приобретая самые дорогие выгоды, ибо непомерное множество покупателей доставляет ему больше барыша, нежели сколько мог бы он получить от своей книги, напечатав ее в меньшем числе экземпляров и пустив по большей цене. Потом стали издаваться журналы для такого же употребления; сперва они были робки, не так опрятны, но необыкновенный успех дебюта сделал их и смелее и опрятнее. Чтобы еще более заманить внимание покупателей, эти журналы стали издаваться с рисунками, изображающими трактуемые предметы, к чему особенно подало повод изобретение *политипажного* способа гравирования, сделанное английским художником Нейтом. Из таких журналов наиболее известны: в Англии: *The Penny Magazine*, *The Penny Cyclopaedia* и др.; в Германии: *Pfennig's Magazine*, *Welt und Zeit*; во Франции: *Magazine pittoresque*, *Magazine universel*, *Musée de Famille* и пр. Их содержание энциклопедическое, т. е. *обо всем*; некоторые по алфавитной системе, как энциклопедические словари, иные по материям, так что каждый том представляет систему какого-нибудь знания, но большая часть без всякого порядка и связи.

Наконец и у нас пробудилось это движение, явились эти усилия сделать доступным для всех [и] каждого просвещение. Дай бог — в добрый час молвить, в худой помолчать! Наше отечество представляет для благородной и деятельной души тысячи способов делать добро и трудиться для общего блага. И это тем отраднее, что само правительству всегда готово содействовать свою помощью всякому благонамеренному и полезному предприятию, а общество, жаждущее просвещения, готово поддержать его своим вниманием. В делах такого рода мы должны соображаться с иностранцами, должны перенимать у них, должны подражать им; но это подражание должно делаться с толком, иначе оно будет обезьянством. Главное дело в том, чтобы уметь понимать требования нашего отечества и удовлетворять их сообразно с его образованием и характером. Легко может статься, что эти энциклопедические словари, эти обозрения вместо того, чтоб убавить число невежд, умножат число педантов, всезнаек, верхоглядов, шарлатанов, которые, кое-как нахватавшись всего без толку, обо всем судят и рядят. Нет никакого сомнения в том, что у нас вообще недостает основательности в учении, всё вершки да вершки, а это становится несносным. Худо будет, если такого рода предприятия еще более усугубят это зло. Надобно подумать о том, чтобы предупредить его. Не лучше ли в изданиях такого рода принять какую-нибудь систему, разумеется, не алфавитную, которая равно ни к чему не ведет, а располагать таким образом, чтобы каждый том издания, подобно («Живописному обозрению», представлял что-нибудь полное, целое, систематическое?.. Нельзя ли, по крайней мере, располагать их хотя по аналогии, по сходству материи, так чтобы один предмет вел за собою другой, имеющий к нему какое-нибудь отношение?.. В таком случае в голове читателя, по прочтении тома, части или отделения, оставалась бы целая, нераздельная, живая галерея картин? Зачем пугать профанов строгостию системы или наукообразным изложением? Но не мешает, чтобы была тайная, невидимая система, которая бы помогала памяти и, не пугая ученостию, доставляла бы основательные познания о предметах. Здесь не мешало бы вспомнить метод *Базедова*, *Перольта* и др. Как бы хорошо было, если бы кто-нибудь издал обозрение света в таком виде, чтобы читатель путешествовал из Европы в Азию и т. д., не делая никаких скачков и не перепрыгивая из Швеции прямо в Италию. Такое обозрение, заключая в себе *современные* понятия о вещах мира, было бы истинным всемирным путешественником, любо-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
НА 1835 г.

«Журналу посвящена неизвестная
ранее статья Белинского в «Молве»
№№ 24—26 за 1835 г.

пытною и полезною книгою, ибо дало бы средства прежде всего узнать то, что всего необходимее, т. е. землю со всеми ее чудесами, и было бы чем-то целым и систематическим.

Но это всё желанія и предположенія, о которых всякий вправе думать и говорить как угодно; я этим отнюдь не имею цели уронить в общественном мнении предпріянія г. *Семена*, которому отдаю полную справедливость и желаю всякого успеха. Кроме недостатка системы, которая, по моему мнѣнію, необходима*, во всем прочем к его «Живописному обозрѣнію» не к чему придратъся. Выбор предметов, ясность и удовлетворительность статей, отличающихся верностию фактов и современностию взгляда, красота рисунков, опрятность, можно сказать, роскошь и дешевизна издания — дают ему полное право на признательность публики и успех предпріянія. Его «Живописное обозрѣніе» в наружных достоинствах нимало не уступает иностранным изданиям сего рода. Это делает честь его старанію и усердію. Это явленіе тем пріятнее, что у нас, в Москвѣ, оно еще *первое*. Заметим кстати, что все такого рода предпріянія у нас затѣваются иностранцами; нашим доморощенным *Лавока* некогда заниматься такими делами**: одни из них скупают и издаютъ рукописи литераторов Толкуна и Смоленскаго рынка — гг. *Орлова, Кузмичева, Глхрва, Сигова* и пр.; другие... ну, да бог с ними!..

* Впрочем, может, эта систематичность невозможна по причине рисунков, ибо стальные доски вырезаются Нейтом в Англии а к г. *Семену* присылаются гартовые гравюры, вылитые на этих досках.

** Справедливость требует сделать исключеніе в пользу г. *Смирдина*; жаль только, что его благонамеренность и усердіе не всегда достигают своей цели.

Поставляя для себя приятнейшею обязанностию способствовать, по возможности, всякому благонамеренному предприятию, мы с особенным удовольствием сообщаем нашим читателям и известие об издании г. Семена и наше о нем мнение. Но, чтобы сделать наше известие полнее, выписываем слова самого почтенного издателя.

«Далее приводится обширный текст проспекта-объявления издателя «Живописного обозрения» Семена о своем издании».

«Молва», 1835, ч. IX, №№ 24—26, стб. 455—468».

Главнейшие доказательства принадлежности статьи Белинскому:

В о - п е р в ы х, автор ставит и разрешает в этой статье серьезные принципиальные вопросы, определяющие физиономию журнала. Это мог сделать скорее всего Белинский, который, в отсутствие Н. И. Надеждина, находившегося с июня по декабрь 1835 г. за границей, стоял во главе «Телескопа» и «Молвы».

В о - в т о р ы х, автор статьи ссылается на «обстоятельства», которые помешали «Молве» своевременно поговорить о «Живописном обозрении». В этом же номере «Молвы» помещено «Извещение от редакции „Телескопа“ и „Молвы“», где также делается ссылка на «не зависящие от редакции обстоятельства», которые задержали выход «Телескопа» и «Молвы» почти на два месяца. Ясно, что обе эти ссылки сделаны одним лицом, т. е. Белинским, который был автором «Известия» (см. предыдущую публикацию).

В - т р е т ь и х, в статье читаем: «Но, между тем, в этот небольшой промежуток... случилось много такого, что подлежит ее („Молвы“) ведению и с чего она не взяла обычной следующей ей дани: говорю о Петровском парке, новом летнем театре, в особенности о выставке, весенних и летних гуляньях и, наконец, о „Живописном обозрении“». „Молва“ постарается как-нибудь мимоходом, à propos, сказать слова два о первых двух новостях, а теперь хочет остановиться на последней». Всё это могло сказать лицо, стоявшее во главе «Телескопа» и «Молвы», а таковым лицом, в отсутствие Н. И. Надеждина, был Белинский.

В - ч е т в е р т ы х, и далее читаем в статье: «Есть и еще одна (новость)... Это — первый том знаменитого „Энциклопедического словаря“, над которым судьба сыграла жестокую шутку, или, лучше сказать, который сыграл над публикою жестокую шутку... Ну, да об этом после, когда-нибудь... может быть, даже и очень скоро... и очень много...»

Такие обещания мог давать только или редактор или главный критик «Телескопа» и «Молвы», а тем и другим, в отсутствие Н. И. Надеждина, был Белинский.

В - п я т ы х, автор статьи продолжает: «Есть, наконец, и еще новинка, впрочем, тоже не совсем новая: это „Московский наблюдатель“ — явление в высочайшей степени странное и непостижимое, так что иногда как будто *comme il faut*, а иногда смотришь и глазам не веришь... но и об этом тоже речь впереди...». — И тут явно чувствуется Белинский, который потом часто иронически называл «Московский наблюдатель» журналом «светским» («*comme il faut*») и который, в отсутствие Н. И. Надеждина, один только мог обещать потом поговорить об этом журнале. И данное здесь обещание Белинский выполнил, поместив через семь месяцев на страницах «Телескопа» большую статью под заглавием: «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“».

В - ш е с т ы х, в статье анонима упоминается имя Лавока. В статьях и рецензиях Белинского мы часто встречаем это имя, и везде, как и в этой статье, этому французскому книгопродавцу критик противопоставляет русских издателей-любочников, именую их: «наши доморощенные Лавока», «наши Лавока», «наши досужие Лавока» (ср. II, 48 и 110; III, 50; IV, 103; VIII, 347; XIII, 416 и 433).

В - с е д ь м ы х, в статье анонима поименованы писатели «Толкуна и Смоленского рынка»: Орлов, Кузмичев, Глхрв (И. Глухарев), Сигов и пр. Именно эта группа писателей-любочников весьма часто фигурирует в статьях и рецензиях Белинского (ср. II, 48, 110, 253, 297 и 301; IV, 65; VI, 160, 210; VII, 233).

В-восьмых, аноним статьи пишет: «К числу средств, для распространения света познаний по всем классам общества, принадлежат дешевые издания разных книг и современных изданий. Их содержание, характер и тон приноравливаются к понятиям того класса людей, для которого они издаются. Особенное внимание обращено на самые низшие слои общества. Чтобы заставить читать бедного и невежественного человека, надо дать ему книгу дешевую и толковитую, надо уметь говорить с ним *его* языком как о высоких, так и об обыкновенных предметах.— И здесь определенно чувствуется Белинский, который много и горячо писал о просвещении простого народа путем хорошей и доступной для понимания последнего книги, яро боролся с лубочными изданиями, распространявшимися среди народа, и разъяснял, какого «содержания, характера и тона» должны быть книги, предназначавшиеся для народа (ср. IV, 301; VIII, 109—111; XII, 375—376, 391, 423—428 и 442—443).

В-девятых, в статье анонима имеются слова: «а прогос» и «опрятно». Это любимые словечки Белинского, которыми пестрят его статьи и рецензии.

В-десятых, в пользу авторства Белинского говорит и необычное правописание в статье: «этъ усилия» и «этъ обоврения». Так писал Белинский.

Можно было бы увеличить число признаков авторства Белинского, но полагаем, что и приведенных достаточно, чтобы не сомневаться в принадлежности ему настоящей статьи.— Авторство Белинского, независимо от нас, устанавливает и Ф. М. Головенченко.

В. С п и р и д о н о в

<4>

«ПРИМЕЧАНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА «ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА» ШЕКСПИРА»

Представляя публике перевод «Венецианского купца», которого до сих пор не имела еще русская литература и который сделан одним из первоклассных литераторов наших, Н. Ф. Павловым, нужным считаем заметить, что, сколько мы знаем, подобного перевода Шекспира у нас еще не было, и убеждены, что этот перевод может служить образцом того, как должно переводить у нас великого поэта. Вот на чем основаны наши убеждения. Во-первых, этот перевод сделан *точно* с английского, при пособии всех известнейших комментаторов Шекспира. Во-вторых, «Венецианский купец» переведен прозою, а по нашему мнению, проза — е д и н с т в е н н а я форма, в которой Шекспир должен быть передаваем русским читателям, если хотим познакомить их как можно ближе с его творениями: в стихах самый добросовестный переводчик иногда по необходимости прибавит к словам Шекспира несколько своего духа — и тем, разумеется, увлечет читателя из того обаяния, в котором Шекспир неослабно держит вас от начала до конца своей драмы; попробуйте же хоть на минуту ослабить это обаяние — и перевод ваш не достигнет своей цели, он испортит подлинник. В-третьих: обороты Шекспира иногда неестественны, высканы; иногда мысль у него, так сказать, насилует язык, а между тем выражение всегда оригинально, сильно, полно поэзии; это насиле, даже самый п о р я д о к с л о в в переводе г. Павлова сохранены вполне, по крайней мере, сколько позволял русский язык, и при всем том такая точность ни мало не вредит изяществу, чистоте и правильности русской речи. Конечно, в переводе «Венецианского купца» могут быть найдены фразы, которые легко было бы сделать красивее, глаже, лучше и, без сомнения, переводчик *сумел* бы сделать эти учительские поправки, когда уже теперь всякий, даже бесталаннейший писак, пишет гладким до плоскости слогом; но он *не хотел* этого, не хотел не потому, чтобы ленился — перевод его сделан уже давно, сверялся и пере-

сматривался несколько раз, — но потому что хотел передать русским читателям дух и силу шекспирова творения вполне, без малейшего изменения, без малейшей прикрасы, и в этом оправдывает его всякий, кто хоть немного может постигать изящное в глубоких, исполинских созданиях британского поэта.

О достоинстве самой драмы, здесь помещаемой, надобно или говорить много, или ничего не говорить; на сей раз избираем последнее, в полной уверенности, что образованный читатель и без наших указаний отыщет все красоты этого чудного творения, а отыскать их так легко в этом близком, верном, в полной мере изящном переводе г. Павлова. Ред.

«Отеч. зап.», 1839, т. V, № 9, отд. I, стр. 257—259».

Шекспир принадлежал к числу тех мировых писателей, которые не только привлекали пристальное внимание Белинского, но и являлись предметом его постоянных критических и теоретических раздумий. Уже в «Литературных мечтаниях» имя Шекспира неотделимо для Белинского и от его страстной влюбленности в театр, и от его теоретических исканий. Он внимательно изучает произведения великого драматурга по французскому прозаическому переводу под ред. Гизо и Пишо (см. в наст. томе работу Л. Ланского о «Библиотека Белинского»). Переводы Шекспира на русский язык («Гамлет», «Виндзорские кумушки» и др.) подвергаются в рецензиях критика тщательному изучению и тонкой оценке.

«Венецианский купец» переведен прозою Н. Ф. Павловым и поставлен на московской сцене впервые в 1835 г. (рецензия в «Молве», 1835, № 4, 61—67). Собираанием материалов для «Отечественных записок» в Москве занимался Белинский. Естественно, что Белинский, близко знавший Павлова, находившийся с ним в деловых и дружеских отношениях, мог быть посредником между ним и Краевским. И естественно было бы, чтобы именно Белинский сопроводил примечанием перевод Павлова. На это указывает прежде всего теоретический характер примечания. Проблемы теории перевода особенно интересовали Белинского в 1839 г. и как раз в связи с Шекспиром. «Но в литературе нашей, — писал Белинский в 1838 г. — и уже давно: вопрос — как должно переводить Шекспира?» (III, 337). Теоретическое рассмотрение проблем перевода Шекспира мы находим и в рецензии критика на русское издание «Виндзорских кумушек» (IV, 83—92).

Наконец, в статье о «Горе от ума», которая писалась как раз в августе — октябре 1839 г., Белинский специально касается этих же занимавших его проблем перевода Шекспира. Он пишет здесь, что драма сочетает эпический и лирический элементы, и поэтому «лирические выходы и излияния в монологах до того лирические, что они непременно должны быть писаны стихами и, переданные в переводе прозою, теряют свой поэтический букет и переходят в надутую прозу, чему доказательством могут служить лучшие места шекспировых драм, переведенных прозою» (Собр. соч. в трех томах. Т. I. 1948, стр. 476).

Казалось бы, это рассуждение решительно противоречит содержанию публикуемого нами текста. Однако не кто иной как сам Белинский устраняет это мнимое, при всей его внешней очевидности, противоречие и, вместе с тем, прямо указывает, что примечание к переводу «Венецианского купца» принадлежит ему. Он делает это в подстрочной сноске к цитированному месту статьи о «Горе от ума». Текст сноски гласит: «Да не покажется читателю противоречием этой мысли то, что сказали мы, помещая в „Отечественных Записках“ перевод „Венецианского купца“ (1839, том V, книжка 9, отд. III). Мы убеждены в том, что для совершеннейшего перевода шекспировых драм стихами надобно и переводчику быть Шекспиром; иначе перевод его будет хоть сколько-нибудь неверен — неверен по идее или форме, и всегда будет более или менее субъективен. Шекспир для чтения может и должен быть переводим прозою. Если кому удастся перевести, как должно, шекспирову драму стихами, это будет подвиг, которого одного достаточно для целей жизни» (I, 467).

Это разъяснение Белинского является исчерпывающим доказательством принадлежности ему анонимного редакционного примечания к публикации перевода «Венецианского купца» в «Отечественных записках» 1839 г.

Отметим попутно, что, вероятно, под воздействием взглядов Белинского на проблему перевода Шекспира для чтения, находился Н. Х. Кетчер, когда задумывал свой полный прозаический перевод на русский язык произведений английского драматурга.

М. Поляков

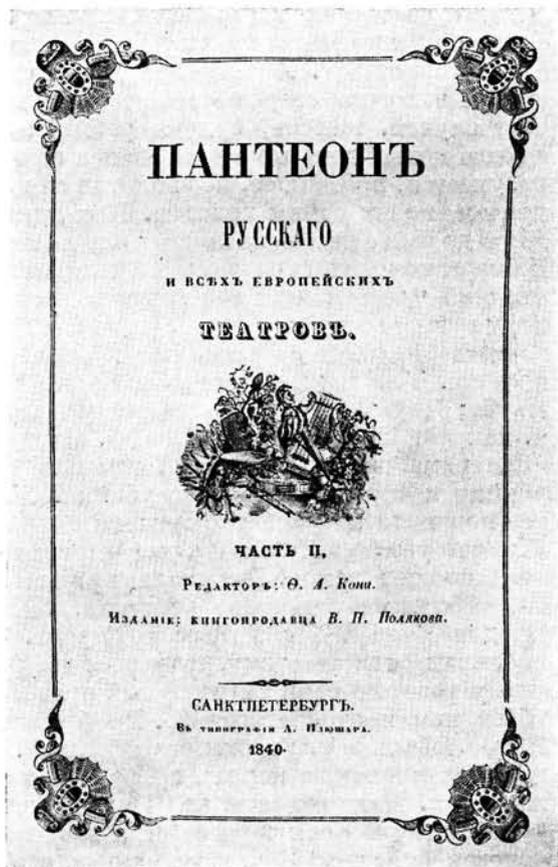
<5>

ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ ТЕАТРОВ

ЧАСТЬ II. РЕДАКТОР: Ф. А. КОНИ.

Издание: Книгопродавца В. А. Полякова. С. П. бург. В тип. А. Плюшара. 1840.
В 8-ю д. л., в две колонны. 55 и 67 стр.

Четвертая книжка «Пантеона» дарит нас драмою Александра Дюма «Карл VII, Король французский» — подарок недорогой, неблестящий, но... за неимением лучшего, спасибо и за это. Современное состояние русской литературы приучило нас быть не слишком взыскательными. Г. А. Дюма бывает очень несносен с своими дикими претензиями на гениальность и на соперничество с Шекспиром, с которым у него общего столько же, сколько у петуха с орлом: тот и другой — птицы; но,

ОБЛОЖКА IV-Й КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ»
Этой книжке посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных записках» № 6 за 1840 г.

кроме того, он добрый малый и талантливый беллетрист. Самую нелепую сказку умеет он рассказать вам так, что, несмотря на бессмысленность ее содержания, натянутость положений и гаэртство эффеков, вы прочтете ее до конца. Он мастер так же слепить и драму, особенно историческую, где содержание и характеры подает сама история, и слепить так, что ее можно и прочесть от нечего делать, и посмотреть на сцене даже с удовольствием, если ее хорошо играют. Такова его пятиактная драма в стихах «Карл VII, Король французский».

Карл Савуази, граф Сеньёле, давно женат на Беранжере, которую очень любит и которая еще больше его любит. Она женщина примерная, муж ее уважает и высоко ценит; но вот беда: она бесплодна, а мужу ее страсть хочется иметь наследника, который продолжал бы род графов Сеньёле. Графа нет дома. Он, под видом богомолья, отправился для исполнения политических поручений короля, и действие начинается тем, что он возвращается в дом свой, в одежде пилигрима, не узнанный никем из своих служителей, кроме Якуба. Этот Якуб — мухаммеданин, что видно из того, что он беспрестанно клянется Мухаммедом. Граф, будучи в Сирии, спас его от смерти, перевязав его рану и утолив его жажду водою; потом привез его во Францию и надел на него ошейник раба, но обращался с ним кротко. Слуги его не любят и беспрестанно оскорбляют, и он отвечает им длинными монологами, великолепными фразами и угрожает кинжалом. Один из них, Раймонд, пользуется почти дружбою графа и особенно не любит Якуба, который, в свою очередь, видит в нем своего смертельного врага, потому что Раймонд нанес ему в Сирии ту рану, от которой он, без помощи графа, непременно бы умер. Очевидно, что в лице Якуба Дюма субъективно изобразил свой идеал человека-героя, т. е. человека с пламенными страстями, сильною волею и глубокою душою. Разумеется, субъективность г. Александра Дюма сделала из Якуба болтуна, резонера и человека зверски-смелого и кровожадного. Этот Якуб рассказывает случай, как он, будучи ребенком, подстерег следы львицы, полз за нею целый день по степи, нашел ее в пещере, начал с нею драться и, разумеется, победил ее, не заплатив за победу не только жизнью или здоровьем, но ни одним волосом. Как дитя могло сладить с львицею, как Якуб дрался с нею — на шпагах или на пистолетах — об этом г. Александр Дюма не говорит ни слова, и мы должны ему верить на слово, ибо Якуб — великий человек, как все герои повестей и драм г. Александра Дюма, по мнению которого всякий великий человек непременно должен один-один выходить на льва, тигра, слона, удава и побеждать его, как поросенка. Таков уже образ мыслей г-на Александра Дюма. Раймонд обижает Якуба; Якуб говорит подлинные монологи, каждый — с добрую версту, и, наконец, закалывает Раймонда. Входит граф, сбрасывает с себя одежду пилигрима, плачет о смерти Раймонда, клянется убить своею рукою его убийцу и спрашивает — кто убийца? Якуб говорит — я! Узнавши, что его подвигло на убийство мщение за рану, граф раздумывает собственноручно убивать Якуба и хочет его судить. Вдруг докладывают о прибытии короля в замо́к. Граф велит принять его без почестей и хочет, чтобы он, в качестве простого человека, был свидетелем феодального суда. Входит Карл VII с Агнессою Сорель. Граф предлагает Якубу прощение, если он скажет ему, что у него нет больше врагов. Якуб отвечает, что есть у него еще один смертельный враг и что это сам он, но что он его не убьет, помня его благодеяние. Граф велит его казнить, но король спасает Якуба, объявив его своим оруженосцем. Граф напоминает королю о феодальных правах, а король графу — о королевских правах, и дело улаживается. Надо сказать, что Якуб любит Беранжеру и готов по одному ее мановению и сам зарезаться и все человечество перерезать. Страшный человек, бог с ним! Беранжера видит, что граф не заметил ее присутствия,

и скоро узнает от капеллана, что уже получена от папы ее разводная с мужем, что она сейчас должна удалиться из замка, в который сейчас должна вступить Изабелла Нарбон, чтобы венчаться с графом. Беранжера видится с графом, умоляет его подождать разводом, пока она умолит бога даровать ей сына. Граф отвечает, что не время ждать в годину междоусобной войны и кровопролитных войн, и дает ей ясно знать, что ей ничего не остается, как сейчас же выехать из замка. Беранжера одевает в свое платье служанку, которую и выводит из замка вместо нее. Еще и прежде Беранжера знала о страсти к себе Якуба, поддерживала ее, не подавая ему никакой надежды, но теперь она подает ему явные надежды. Между тем, граф убеждает Карла VII быть королем не именем только, но и самым делом. Карл отшучивается и не хочет слышать о своем государстве, которое терзают англичане и его собственные вассалы. Тогда граф нападает на любовницу короля, прекрасную Агнессу Сорель, грозит ей проклятием отечества и возбуждает в ней стремление действовать на короля во благо отечеству. Агнесса действует успешно: король просыпается от своего ленивого усыпления в одну минуту, надевает шлем и латы, берет меч и, вместо охоты, отправляется на войну. Граф принимает невесту и ведет ее к алтарю, а Беранжера между тем обольщает Якуба надеждами на взаимность и успевает согласить его на убийство графа. В то время, как граф возвращается из церкви с новобрачною, принимая поздравления от своих вассалов, и входит с нею в спальню, Якуб поражает его кинжалом, а Беранжера, услышав стон мужа своего, принимает яд. Следует эффектная сцена в неистовом роде... Мы забыли сказать, что граф, чтобы отнять у Якуба всякую причину ненависти против себя, дал ему формальную отпускную. Якуб бросается к Беранжере, чтоб бежать с нею, и видит, что она умирает, объявив себя мужу его убийцею. Тогда Якуб показывает служителям свою вольную, клянется Мухаммедом, называет их псами негодными, говорит им, что он свободен и сейчас отправляется в пустыни. Тем и кончается штука. Почему Якуба не поразила смерть Беранжеры, показавшая ему, что графиня его не любит и обманула, употребив его орудием своего мщения мужу; почему ненавидевшие его слуги графа не воспользовались таким удобным случаем убить его, — об этом справьтесь у талантливого автора, а мы не знаем.

Разумеется, в этой драме нет ничего и похожего на характеры, а все образы без лиц, особенно Якуб, который представляет собою воплощенную фразу, преогромно-вздутую наподобие мыльного пузыря. Впрочем, надо сказать правду: Карл VII очерчен недурно и хоть несколько походит на более или менее удачно-обрисованный характер.

Перевод «Карла VII» очень хорош. Правда, в нем встречаются и такие стихи, как, например:

Жезл—*тьяра* (т. е. тиара) все, как надо...
Преклоните и пр.

Словно орел, ты свил себе гнездо

Когда, ваше величество, найдете

В первом непростительная *пиитическая вольность* доброго старого времени; в двух последних нет меры. Кроме того, речи простолюдинов уж слишком местами обрусены, как напр.:

Ты поросенок! Я-те дам лук трогать...

Смотри, брат, я ведь за вихор, как раз.

Но эти маленькие недостатки выкупаются многими хорошими местами, как вот следующие:

...Не вспомните ль из песней вы одну,
 Которую в вечерний час, бывало,
 Перед шатром, на нильских берегах,
 При наших дружеских пирах,
 Нам черноокая красавица певала.
 Вы помните ее воздушный стан,
 Взор огненный, пленительные речи,
 И локон смоляной, и мраморные плечи,
 И песни дивные — отраду мусульман!
 Вы помните восторги огневые,
 Как под прозрачной пеленой,
 Кружась, она взор манит за собой,
 И мой отец цехины золотые
 Ей сыплет щедрою рукой!
 Нет, милая Агнесса — счастье, радость —
 Возможность быть с тобою целый день,
 Тонуть в лазури глаз твоих небесных,
 Усталую главу склонять к твоей груди.
 И смешивать с твоим свое дыханье,
 И в сладостном восторге трепетать,
 И заглушать роскошным поцелуем
 Твоей любви стыдливый легкий шопот!

Стихи, право, очень недурны, а таких много в целой драме. Желаем, чтобы г. Межевич не ограничился одним этим опытом и принялся бы за французские драматические произведения, передавая их нам хоть прозою, хоть стихами — это все равно для нас. Наша современная литература так бедна, что почти нечего читать; а наш репертуар еще беднее — кроме водевилей, не на что и посмотреть. И потому как бы хорошо было, если бы искусная рука, переводя французские драмы, не слишком церемонилась с ними, а переделывала и выправляла бы, сообразно с здравым смыслом и эстетическим вкусом. Что-нибудь — лучше ничего. Где же взять художественных произведений!

За драмою Дюма следует в 4-й книжке «Пантеона» двухактный водевиль «Жозеф, парижский мальчик (Le Gamin de Paris)», очень недурно переведенный г. Федоровым. Прочтя его, мы еще более убедились, что водевили и пишутся и переводятся для сцены, а не для чтения.

За водевилем следуют стихи гг. Алексева, Ивельева, П. Федорова, А. Марлинского и кн. Кропоткина. Между ними есть стихотворение г. Вельмана.

За стихотворениями следует «Оборотень, рассказ шестидесятилетнего гусара», соч. Александровой-Дуровой. Хотя «Пантеон» и уверяет нас, что этот рассказ может быть и драмой и водевилем, но мы ему, на этот раз, решительно не верим — по трем причинам: во-первых, из чего можно сделать драму, из того нельзя сделать водевиля, и наоборот; во-вторых, содержание этой повести не совсем правдоподобно, хотя она рассказана и увлекательно; в-третьих, задачи для драм и водевилей всегда остаются без выполнения, и «Пантеон» гораздо бы лучше сделал, если бы вместо стихотворений и рассказов явился публике с тремя драматическими пьесами.

«Отеч. зап.», 1840, т. X, № 6, отд. VI, стр. 83—86.

В Полное собрание сочинений Белинского под редакцией С. А. Венгерова вошли отзывы критика об одиннадцати номерах журнала «Репертуар» и десяти номерах «Пантеона» за 1840 г. (см. V, 160—167—№ 448; 231—245—№ 458; 276—277—№ 468; 277—284—

№ 469; 285—288—№ 473; 377—380—№ 479; 402—406—№ 490; 453—459—№ 501; 514—518—№ 507. С полным основанием предполагая, что и остальные номера этих журналов за 1840 год в «Отечественных записках» рецензировал Белинский, В. С. Спиридонов включил рецензии на 12-й номер «Репертуара» и 12-й номер «Пантеона» (напечатанные в «Отечественных записках» 1841 г., № 2) в XII том Полного собрания сочинений Белинского (253—254). Таким образом, в Полное собрание сочинений критика вошли рецензии на все номера журнала «Пантеон» 1840 г., за исключением рецензии на четвертый номер. Последняя оставалась до настоящего времени не разысканной. Комментируя публикацию отзывов о 12-х книжках «Репертуара» и «Пантеона», В. С. Спиридонов отметил, что «отзыва о четвертом номере последнего журнала не имеется в „Отеч. записках“» (XII, 529.—Разрядка наша.—Ю. М.).

В действительности, отзыв о четвертом номере «Пантеона» за 1840 г. существует и напечатан в «Библиографической хронике» «Отечественных записок» 1840 г., № 6, стр. 83—86, вслед за рецензией Белинского на книгу А. Славина (Протопопова) «Жизнь Вильяма Шекспира» и на 5-й номер «Репертуара» 1840 г.

Несомненно, что этот отзыв принадлежит Белинскому, так как трудно предположить, чтобы именно 4-й номер «Пантеона» рецензировал кто-либо другой, в то время как все остальные номера журнала рецензировались Белинским.

Анализ рецензии также убеждает нас в том, что автором ее является Белинский. Мы находим в ней обычную у Белинского жалобу на «бедность» русской литературы и, в частности, драматического репертуара («Наша современная литература так бедна, что почти нечего читать; а наш репертуар еще беднее — кроме водевилей, не на что и посмотреть» — ср. VI, 158, 429; VII, 346 и др.); встречаемся с излюбленной Белинским мыслью, что пьесы «и пишутся и переводятся для сцены, а не для чтения», что их «нельзя читать» (ср. II, 455; V, 161, 219, 406; VII, 131; VIII, 120 и др.); обнаруживаем весьма характерные для Белинского выражения: «образы без лиц» (ср. V, 438; VI, 73 и 490; VII, 107, 152 и др.), «сообразно с здравым смыслом и эстетическим чувством» (ср. VI, 430).

Рецензируя предыдущий 3-й номер журнала, Белинский писал: «Из всего этого видно, что в „Пантеоне“ есть чего и почитать, есть над чем и подумать, есть чем и позабавиться и развлечься. С нетерпением ожидаем следующей книжки и т. е. 4-го номера.—Разрядка наша.—Ю. М.», в надежде, что и в ней будет о чем поговорить нам с читателями. А то, право, ведь и поговорить-то почти не о чем: плохие самодельные романы да „Репертуар“ г. Песоцкого — о чем тут будешь говорить?..» (V, 281).

Намерение «поговорить с читателями» о 4-й книжке «Пантеона» было исполнено Белинским в публикуемой нами рецензии, принадлежность которой критику мы считаем доказанной.

Ю. Масанов

<6>

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: ИОАНН ЦИМИСХИЙ. БЫЛЬ X ВЕКА

СОЧ. Н. ПОЛЕВОГО.

Москва, 1841. Две части. С эпитафией <из второй части>:

В вечной борьбе, которую жизнь естественная должна выдерживать против жизни неестественной, в битве между умеренностью и излишеством, являются опасные мгновения и тогда-то настает время показать нашу добродетель, нашу доблесть.

Сималиций Киликийский, Epictetae philosophiae monumenta.

Во всякой литературе бывают особенного рода неутомимые деятели, которые пользуются часто большою известностью, слынут за людей даровитых, но которые, в самом-то деле не будучи людьми бездарными, более способные и ловкие, нежели талантливые люди. Они берутся за все и, относительно, во всем успевают и во всем обнаруживают ту степень умения и ловкости, которую толпа охотно признает за талант и даже гений. Словно

чутьем знают они, когда надо писать стихи, когда драмы, водевили и либретто для опер, когда рассуждать о санскритском языке, политической экономии и даже о философии, — предметах, сбивчиво и темно известных им, даже и по слухам. Разумеется, успехи их основываются на причинах чисто внешних, как-то: на том, что их произведения по плечу близорукой толпе, на бедности литературы, лености истинных талантов и пр. Легкие и многочисленные сочинения таких «готовых гениев» расходятся во множестве, читаются с жадностью и потом скоро забываются, сменяемые подобными же, только новыми эфемерами. Имена таких писателей пользуются при жизни громкою известностью, — но по смерти тотчас же исчезают, уступая место другим, подобным же знаменитостям. Бывают для этих господ минуты критические, случаи роковые: они иногда выписываются, повторяют одно и то же, видят при жизни опасных себе соперников в людях одинакового с ними разбора. Но ловкость и тут не оставляет их: они иногда замолкают, выжидая благоприятного времени, и если, на их счастье, истинные таланты почему бы то ни было перестают действовать, а соперников нет, — они принимаются за старое — и старое сходит у них за новое. При упадке литературы или временном ее затмении, когда не выходит ничего нового и примечательного, — все бывает хорошо и благосклонно принимается публикою, которой надо же что-нибудь читать и которая, за неимением изящного, бывает благодарна и за посредственное.

Все сказанное нами несколько не может относиться к почтеннейшему Н. А. Полевому. Он пользуется громкою известностью в русской литературе, и его известность основана на истинной заслуге. Издатель замечательного у нас журнала, он составил им эпоху в нашей литературе и имел на нее сильное влияние. В этом случае великая заслуга его неоспорима, и его успехи нельзя отнести ни к каким внешним причинам: то и другое основывалось на уме, таланте и деятельности. Что же до поэтических произведений г. Полевого, — их успех основан более всего на успехе «Московского Телеграфа», равно как и успех подписки на его неоконченную «Историю русского народа». Впрочем, его романы и повести и сами по себе не без достоинств как произведения легкой беллетристики. С 1837 года г. Полевой заметил, что настало время театра и драматической литературы: переделка «Гамлета» Шекспира, исправление «Многого больного» Мольера и множество драм и водевилей были плодом этой сметливости. В этих произведениях и работах его было много достоинств, но только отрицательных; г. Полевой имел полное право сказать многим нашим драматургам, которые ему же указали путь: «Оно, положим, плохо, да сделайте-ко лучше, а главное — поделайте-ко больше». Драматургам нашим пришлось бы ответить на этот грозный вопрос скромным молчанием; — а победа и без того была на стороне г. Полевого. Но вот уже почтеннейший Николай Алексеевич перестал пожинать лавры Мельпомены и Талии и, видя, что Пушкина нет, и «Арапа Петра Великого» кончить некому, Гоголь не пишет, Лажечников молчит, гг. Загоскин, Булгарин и Греч больше романов не пишут, а Вельтман редко является в свет, и что только гг. Зотов и Воскресенский изредка радуют российскую публику своими произведениями, — решился приняться за старое. Сказано — сделано. И вот напечатан вторым изданием «Аббадонна» — и притом без конца, который, вероятно, скоро будет напечатан первым изданием; теперь вышли «Византийские легенды». Они были написаны давно уже — еще в то время, когда г. Полевой занимался романами и вообще вещами, которые труднее писать, чем бенефисные пьески или драмы, вроде «Уголино». Хорошо сделать во время хороший запас: благодаря ему никогда не выпишетесь и в удобное время и в добрый час, при общем молчании, будете оживлять заснувшую литературу.

вета», 1840, №№ 4, 8, 10, 45, 55, 61), две большие статьи полемиического характера («Журналистика». — «Лит. газета», 1840, №№ 43 и 54) и ряд отзывов о новых книгах (последние остались не известными С. А. Венгерову и были собраны В. С. Спиридоновым в XIII томе Полного собрания сочинений Белинского).

Менее исследован вопрос об участии Белинского в «Литературной газете» 1841 г., когда ее редактором стал Ф. А. Кони. До настоящего времени была известна лишь одна анонимная статья Белинского в «Литературной газете» этого года, являющаяся ответом критика В. С. Межевичу на его заметку в № 1 «Репертуара» за 1841 г. («Лит. газета», 1841, № 24, 27 февр.). Между тем, не вызывает сомнений, что сотрудничество Белинского в «Литературной газете» 1841 г. не ограничилось публикацией одной этой статьи. На это указывает, между прочим, то обстоятельство, что в «Программе» издания «Литературной газеты» на 1842 г. («Лит. газета», 1841, № 116, 14 окт., стр. 463—464 и специальная вклейка к годовому комплекту газеты с цензурной пометкой 16 дек. 1841 г.) имя Белинского упоминается в числе основных сотрудников: «Русские литераторы ученые и артисты, принимавшие участие в „Литературной газете“ и в „Пантеоне“ в 1841 году, будут украшать ее своими статьями и в следующем году. Мы можем назвать из них Арнольда (музыкальный критик), Башуцкого, Бобылева, М. Бибилова (корреспондент из Италии), Бурьянова, Брейтинга (известный певец), Бонавентуру (псевдоним), Б е л и н с к о г о (критик)...» (следует ряд других имен. — Разрядка наша. — Ю. М.). Вряд ли имя Белинского было бы помещено в этом списке, если бы он дал в «Литературной газете» 1841 г. только одну статью (ответ Межевичу), и вряд ли редакция имела бы основание при эпизодическом сотрудничестве Белинского в «Литературной газете» 1841 г. анонсировать его участие в этом издании в следующем 1842 г. Участие Белинского в «Литературной газете» 1841 г. отмечено также Ф. А. Кони в его статье «Журналистика» (в годовом оглавлении газеты статья имеет подзаголовок «Прощание с „Северной пчелой“»), напечатанной в № 122 «Литературной газеты» от 28 октября 1841 г. Отвечая на обвинение «Северной пчелы» в том, что «Литературная газета» «пишется таким языком, которого ни читать, ни понять нельзя», Кони пишет: «Что это за известие? „Литературная газета“ состоит из статей большей части русских литераторов; в ней пишут Ут Вельтман, Сахаров, Гребенка, Панаев, Основьяненко..., Кольцов..., Некрасов..., Б е л и н с к и й... и др., которых имена и знание языка известны русской публике с самой лучшей стороны» («Лит. газета», 1841, № 122, 28 окт., стр. 487. Разрядка наша. — Ю. М.). Следует принять во внимание, что это пишется спустя в о с е м ь м е с я ц е в после появления статьи Белинского о Межевиче. Доказательства принадлежности Белинскому публикуемой нами анонимной рецензии на «Византийские легенды» Н. А. Полевого («Лит. газета», 1841, № 40, 15 апр.) таковы.

Исследователями неоднократно отмечалась своеобразная манера Белинского, любившего повторять, иногда дословно, мысли, высказанные им раньше, а в новых статьях цитировать отдельные места из своих сочинений, уже появившихся в печати (см., напр., V, 555, прим. 91). В рецензии на «Византийские легенды» Полевого мы находим почти дословное повторение мыслей, в свое время уже высказанных Белинским в его статье о переводе Н. А. Полевым «Гамлета» Шекспира — «Гамлет, принц датский» («Моск. наблюдатель», 1838, т. XII, кн. 1; см. III, 336—349). В этой статье Белинский писал, имея в виду Полевого: «Иногда в литературе являются особенного рода деятели: <они> имеют бесконечное влияние на свое время и не производят ничего, что бы пережило даже их самих. Обыкновенно такие люди отличаются деятельностью многостороннею и разнообразною; ни в чем не обнаруживают решительного гения или сильного таланта и ко всему показывают большую способность; не принадлежат ни к какому предмету знания или деятельности исключительно и берутся за все и во всем успевают...» и т. д. (III, 339. — Разрядка наша. — Ю. М.). Рецензия на книгу Полевого «Византийские легенды» начинается с видоизмененного повторения приведенных выше слов: «Во всякой литературе бывают особенного рода неутомимые деятели, которые пользуются часто большою известностью, слышат за людей даровитых, но которые на самом-то деле, не будучи людьми бездарными, более способные и ловкие, нежели талантливые люди.

Они берѹтся за все и, относительно, во всем успевают и во всем обнаруживают ту степень умения и ловкости, которую толпа охотно призывает за талант и даже гений...» (Разрядка наша.— Ю. М.)

В своих рецензиях Белинский охотно и часто начинал статью обобщающей характеристикой автора рецензируемой книги как определенного типа литературного деятеля, или обобщающей характеристикой типа данного сочинения, а затем делал оговорку, что все сказанное не относится к тому конкретному лицу, книга которого им рецензируется. Напомним, например, характерный в этом отношении отзыв Белинского о сочинении Л. Бранта «Аристократка» (VIII, 105—109). Этот же прием использован и в рецензии на «Византийские легенды» Н. А. Полевого.

Основной заслугой Н. А. Полевого в русской литературе здесь признается издание им «Московского телеграфа»: «Издатель замечательного у нас журнала, он составил им эпоху в нашей литературе и имел на нее сильное влияние». Это мысль Белинского. Он неоднократно подчеркивал большое значение Полевого как журналиста и издателя «Московского телеграфа».

О Полевом как писателе, о его романах и повестях в рецензии сказано, что они «и сами по себе не без достоинств как произведения легкой беллетристики». Такую именно оценку творчеству Полевого давал Белинский, всегда указывавший, что сочинения Полевого относятся к беллетристике (в том известном понимании, какое вкладывал критик в это понятие), а не к области истинно-художественных произведений.

В отзыве на «Византийские легенды» говорится о переводе Полевым «Гамлета» как о «переделке», о переводе «Мнимого больного» как об «исправлении», о том, что «Гюголь не пишет, Лажечников молчит... Вельтман редко является в свет и что только гг. Зотов и Воскресенский изредка радуют российскую публику своими произведениями». Все это неоднократно повторялось Белинским в его рецензиях и статьях 1840—1841 гг.

Напомним, наконец, что критика сочинений Полевого в «Отечественных записках» и «Литературной газете» 1840—1841 гг. была «монополией» Белинского: Белинский рецензировал все новые сочинения Полевого, давал отзывы о постановках его пьес, об отдельных его журнальных статьях, вел полемику с Полевым и т. д., и естественно, что он не мог не отозваться на вышедшие отдельной книгой «Византийские легенды».

Все собранные факты дают право считать доказанной принадлежность Белинскому рецензии на «Византийские легенды» Полевого.

Ю. М а с а н о в

<7>

МОСКВЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ

Ф. ГЛИНКИ

Москва. В типографии Н. Степанова. В 4-ю д. л. 2 стр.

Странное дело, как иногда малые причины рождают великие следствия, а великие причины иногда не производят никаких следствий! Иная книга и велика (т. е. форматом и числом страниц), а сказать о ней нечего; иная всего две странички, как вот это стихотворение г. Ф. Глинки «К Москве Благотворительной», а о нем, кажется, сколько ни говори, все не наговоришься вдоволь. И страннее всего, что по поводу этого стихотворения решительно нечего сказать о поэзии, потому что оно, т. е. это стихотворение, относится не столько к области поэзии, сколько к другой, более почтенной сфере жизни, именно к «нравственности»; вот почему о нем, т. е. о стихотворении г. Ф. Глинки, можно написать хоть целую книгу.

Г. Глинка почетное лицо в нашей литературе, — то, что называется известностью, славой, авторитетом. К этому особенно способствовало его долговременное и усердное служение музам. Начиная с двадцатых годов текущего столетия, вы не найдете ни одного журнала, ни одного

альманаха, в котором бы не встретилось имя г. Глинки. Много сочинений, в стихах и прозе, разбросано г. Глинкою по всем, без исключения, периодическим изданиям. Те и другие совершенно равного достоинства: проза всегда гладка, стихи часто гладки, а иногда в них даже мелькали искорки чувства и поэзии. Но особенность их заключается в том, что общий их недостаток составляет вместе и их общее достоинство: все они монотонны, все на один лад, все поют у г. Глинки, и проза поет, как стихи (на один голос *о чем-то, где-то, когда-то, куда-то*); но это, повторяем, и составляет их высокое достоинство, ибо постоянное убеждение в одних и тех же (и притом высоких) истинах, хотя и высказываемых всегда одними и теми же словами и фразами, — такое постоянное убеждение, неизменяющееся, недвижущееся ни вперед, ни назад, всегда почтенно. Итак, г. Глинка стяжал себе двойную славу, сперва как поэт, потом как поэт нравственный. Но первая слава продолжалась недолго: со времени появления Пушкина тайна версификации была разгадана, и поэтов на Руси явилось столько, что Ф. Н. Глинка совершенно потерялся в их густой толпе. Однакож, он резко выдвигался вперед из этой многочисленной дружины тем, что неизменно пел одно и то же, пел одними и теми же словами. Наконец, и это начало надоедать; на стихи Ф. Н. Глинки начали появляться нападки, и вот уже давно для русских журналов и альманахов имя Ф. Н. Глинки получило цену мимо его стихов. В этом отношении к Ф. Н. Глинке можно применить слова пушкинского «Современника» о г. Грече: «Г. Греч давно уже сделался почетным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания; так обыкновенно почтенного пожилого человека приглашают в посаженные отцы на все свадьбы» (*Современник* 1836, т. I, стр. 195). Этим бы, кажется, и суждено было продолжаться и кончиться мирному литературному поприщу Ф. Н. Глинки: его стихов никто бы не читал, но все бы печатали: он воспевал бы себе, в особых брошюрках, благотворительные обеды и другие торжественные случаи, и вообще, с честью для себя и пользою для поэзии, никого не обижая, ни в ком не возбуждая зависти, продолжал бы, вместе с другим почтенным ветераном нашей литературы, князем Шаликовым, быть присяжным, неизменным поэтом «Москвы благотворительной и хлебосольной», — как вдруг, к удивлению всего читающего мира, ему вздумалось изменить своему призванию и пуститься — страшно сказать! — в полемику... Верный официальнойности, он тиснул в официальной газете нечто в роде буллы, гремящей анафемою против каких-то журналов, будто-бы открыто, без маски, проповедующих безнравственность. Мы сначала подумали, что почтенный певец «Москвы благотворительной» намекает на какие-нибудь иностранные журналы, не почитая даже возможным предполагать существование подобных изданий на святой Руси; «Отеч. Записки» так, вколызь, упомянули о странной и неуместной выходке благонамеренного поэта «Москвы хлебосольной», кстаті посмеявшись над тем, что некоторые моралисты, не понимающие поэзии, называют нравственностью в поэзии. Известно, какую сильную, благородную и приличную выходку навлекли на себя «Отеч. Записки» со стороны единственного теперь московского журнала. В этой же книжке «Отеч. Записок» читатели найдут и скромный ответ на удалую выходку москвича. Итак, об этом нечего больше говорить — до новой выходки того же журнала; но мы почитаем здесь кстаті сказать не много, но определенительно о том, как понимают «Отеч. Записки» нравственность и ее отношения к поэзии, чтоб однажды навсегда отстранить от себя благонамеренные возражения и жалобы «нравственных» журналов.

По нашему мнению, сказать о ком-нибудь, что он не уважает нравственности — все равно, что назвать его дурным человеком. Без глубокого нравственного чувства, человек не может иметь ни любви, ни чести, —

ничего, чем человек есть человек. Если безнравственность человека происходит от пустоты и ничтожности его натуры, — он только презретен и жалок; если же безнравственность соединяется в нем с умом и силою воли, — он презретен и ненавистен, он ядовитое чудовище, он лютей зверь, страшнее всех зверей, ибо зол по натуре, развратен сознательно и богат средствами делать все зло, какое хочет. В философском отношении сфера нравственности — сфера абсолютная, следовательно, родственная поэзии, ибо все абсолютное однородно, односущно, истекает из одного общего начала, которое есть — бог. Но тем не менее, обе эти сферы совершенно особны, и смешивать одну с другою в понятии отнюдь не должно.

ЛИСТОВКА «МОСКВЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ» Ф. Н. ГЛИНКИ

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественныхъ Запискахъ» № 7 за 1841 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Что такое благо, как не истина в действии, не истина воли? — и однакож наш ум отличает друг от друга истину и благо, как два понятия родственные, но в то же время и совершенно особенные. — Цель знания истина, и потому знание облагораживает человека; но великий ученый совсем не одно и то же, что добродетельный человек в практическом значении этого слова: оба они родственны друг другу, оба служители одного бога; но великий ученый, будучи великим ученым, может все-таки не совершить ни одного подвига добродетели во всю жизнь свою, незапятнанную ни одним дурным поступком: а великий подвигоположник добродетели может не уметь определить сознательною мыслию ни одного своего подвига. Разум без чувства есть ложь, так же как и неразумное чувство есть только чувственность; следовательно, разум и чувство родственны, односущны;

но тождественны ли они? не суть ли это два совершенно особенные понятия? В таком точно отношении находится нравственность к поэзии и поэзия к нравственности: они родственны, но не тождественны. Лучшим и яснейшим доказательством сказанному может служить то, что не всякий нравственный человек — непременно и поэт. Поэзия, в высшем значении своем, не только не может быть безнравственною, но не может не быть нравственною; всякое художественное произведение непременно нравственно, хотя бы оно и вовсе не имело в виду нравственности, — тогда как мнимохудожественное произведение, даже и направленное к нравственной цели, уже не нравственно в высшем значении этого слова, хотя и не безнравственно. Истина везде и во всем одна и та же; но в проявлении своем она различна и особна. В мышлении истина сама себе цель; но искусство достигает истины только будучи само себе целью и не делая своею целью истины, от которой оно само заимствует и силу, и величие, и святость свою; так же точно, как в действиях благой воли только благо само себе цель, а не красота и не истина (в значении мышления), хотя оно в то же время и прекрасно и истинно. Нельзя верить добродетели человека, который только говорит о добродетели; нельзя верить глубокому знанию ученого, который только ведет себя порядочно; нельзя верить таланту поэта, который только рассуждает в стихах. Поэзия есть воспроизведение действительности: подобно действительности, она говорит фактами, явлениями, образами. Посмотрите на бесконечный океан, на глубокий шатер неба, на опоясанные облаками горы: на них не написано ни одной буквы о величии божием, ни одного предписания о поклонении ему, — а между тем, как громко, как внятно и торжественно говорят они душе человеческой о величии господа, и каким благоговением, какою любовью исполняют к нему сердце?.. Такова и поэзия: она ничего не доказывает, но все показывает; орудие ее — не силлогизм, а образ; действие ее на человека чисто-непосредственное, как действие самой природы. Поэзии не нужно восхвалять добродетель, — надобно показать ее святой образ, и люди полюбят добродетель; поэзии не нужно порицать порок, — надобно только показать его, и сердца людей наполнятся ненавистью к пороку. Правда, поэт имеет право и поучать; но в таком случае, во-первых, он выходит из сферы безусловной поэзии на межевую черту, отделяющую сферу поэзии от сферы религиозного чувства; а, во-вторых, он и поучает средствами самой же поэзии — мыслью более отрешенною от безусловной художественности, но все-таки образною и всегда огненною. Притом же, поучая, поэт, так сказать, только временно выходит из своей сферы; оставив ее совершенно, он может приобрести себе не меньшее достоинство провозвестника высоких истин, но поэтом уже перестает быть. И потому нет ничего несправедливее и нелепее, как требовать от него поучения, когда он не расположен поучать, или заставлять его всю жизнь петь одно и то же.

Но всегда ли под «нравственностью» люди разумеют то, что в самом деле есть «нравственность»? и не облачают ли они часто в это громкое слово своих личных и ложных понятий? Где критериум для истинной нравственности?.. Чтоб решить этот вопрос, надо написать больше, нежели сколько дозволяет нам время и место, — яснее и удовлетворительнее, нежели сколько мы можем сделать теперь. И потому скажем только, что необходимый признак, обуславливающий собою нравственность литературного (о художественном мы уже не говорим по причине, выше изложенной) произведения, есть непременно — пламенное одушевление, сообщающееся душе читателя, глубокое и сильное чувство, проявляющееся в живой образности, в огненном слове, в оригинальной и всегда новой мысли даже при старом предмете сочинения. Скажите же, после этого, могут ли я назвать нравственным произведение апатическое, мертвое, бездар-

ное, набитое общими мыслями, взятыми напрокат из любой азбуки? Человек до поту бьется, чтоб уверить меня, что должно любить ближнего, никому не завидовать, помогать бедным и пр.: я не сомневаюсь, я верю, что все это — святые истины; но в то же время я зеваю, я чувствую скуку, а не любовь к ближнему, ибо проклинаю ближайшего ко мне из всех их, т. е. сочинителя. Правила истинны, а книга дурна, — и я никогда не назову ее нравственной. Неужели грех смеяться над такою нравственностью? А «Отеч. Записки» смеялись и всегда будут смеяться только над такою нравственностью. — Но что сказать о тех произведениях, в которых пошлая, узенькая мораль общежития выдается за чистейшие основания нравственности?.. Например, иной не шутя уверяет, что должно

ДОМ ВАРГИНА НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ ПЛОЩАДИ И ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ В МОСКВЕ,
В КОТОРОМ ЖИЛ В 1834 г. БЕЛИНСКИЙ

Угловой дом справа на переднем плане. Квартира Белинского выходила на Тверскую
Литография Арну-отца, 1840-е гг.

«Живу я теперь на Тверской улице почти против дома генерал-губернатора, в мезонине, который составляет собою 3-й этаж огромного дома Варгина» (из письма Белинского к матери от 25 мая 1834 г.)

Исторический музей, Москва

быть почтительным ко всем и каждому, т. е. и к честному и к негодяю, потому что не знаешь, от кого можешь получить пользу. Вы смеетесь, читатели, а ведь это так, к несчастью: не в одних нравственных книгах такого рода, но и в действительности, как часто отец называет безнравственную дочь свою за то, что она не хочет выйти замуж за старого, богатого сластолюбца; сына — за то, что тот совестится уверять в своем почтении другое лицо, которое он имеет право считать подлецом! как часто, говорю я, *нравственные* старики восклицают к безнравственной молодежи, которая, например, не хочет брать взятки и казнокрадствовать:

Вот то-то все вы гордецы!

Смотрели бы как делали отцы,

Учились бы на старших глядя:

Мы, например, или покойник дядя — и прочее...

Хороша нравственность! А сколько есть людей, которые от всего сердца убеждены, что это чистейшая нравственность?.. Неужели же не должно нападать на *такую* нравственность со всею энергиею благородного негодования, со всею желчью сарказма, со всею полнотою презрения?..

Что, наконец, сказать о той нравственности, которая есть только маска, прикрывающая спекуляцию?.. Но довольно... или, говоря словами Милонова, известного сатирика доброго старого времени:

Но, муза, замолчим, покорствовать умея,
До первого глупца, иль первого злодея!..

⟨Отеч. зап.», 1841, т. XVII, № 7, отд. VI, стр. 3—7⟩

С 1841 г. начал издаваться «Москвитянин», первый номер которого открылся декларативной статьей С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». Статья эта, определявшая направление нового журнала, достаточно известна как программное выступление официозного апологета «православия, самодержавия и народности». В числе сотрудников «Москвитянина», вполне разделявших его направление, был и Ф. Н. Глинка (1786—1880), поэт и публицист, в прошлом один из видных деятелей правого крыла декабристского движения (член «Союза благоденствия»). Вскоре же после выхода первого номера «Москвитянина» на страницах «Московских ведомостей» (1841, № 16) Глинка напечатал хвалебную статью о новом журнале, причём его направление резко противопоставил защите «безнравственности» в поэзии и «безверия» в философии. Хотя об «Отечественных записках» в статье Глинки и не было никаких прямых упоминаний, но, несомненно, что он имел в виду журнал Краевского, где Белинский в своих статьях систематически пропагандировал мысль о родственности эстетического чувства с нравственным и обосновывал автономию чувства от всякой принудительной опеки. Белинский утверждал, что «вопрос о нравственности поэтического произведения должен быть вопросом вторым и вытекать из ответа на вопрос — действительно ли оно художественно» (IV, 470). Исходя из этого положения, Белинский дал свой замечательный разговор «Героя нашего времени», в котором встал на защиту Печорина от проповедников лицемерной морали (подробнее см. Н. И. Мордовченко. «Лермонтов и русская критика 40-х годов». — «Лит. наследство», № 43—44, стр. 768—770). Белинский систематически преследовал в поэзии то, что он называл «моралью и моральничаньем». Враги Белинского квалифицировали это как проповедь «безнравственности» и «безверия». В указанной выше статье о «Москвитянине» Глинка писал: «Едва ли не дожили мы уже до того, что мнение, которое передавалось шепотом, произносится вслух. Смелее приподымая маску, уже начинают проповедывать, что поэзия должна быть без нравоучения, философия — без веры. Посмотрим, куда придем мы с поэзиею безнравственною, с философиею безверною!»

Выпады Глинки против «Отечественных записок», конечно, сразу же были поняты и не остались без ответа. В рецензии на брошюрку А. Орлова «Малолеток» в четвертом номере «Отечественных записок» 1841 г. автор этой рецензии А. Д. Галахов упоминал, между прочим, имя Глинки в качестве защитника нравственности в поэзии. Глинке были посвящены следующие иронические строки: «Да, нравственность есть поэзия, поэзия есть нравственность. Нравственный поэт наш, Ф. Н. Глинка, того же мнения. В одном из номеров весьма нравственной газеты «Московские ведомости» он поместил очень нравственную статью о тождестве нравственности и поэзии, привязав это нравственное суждение к самой нравственной цели: похвале журнала, в котором он участвует. Нам остается восхищаться нравственною статьею Ф. Н. Глинки, упрекать себя за прежние заблуждения и душевно пожалеть, что Иван Федорович Шпонька, такой прекрасный нравственный человек, никогда не брал пера в руки — вероятно из застенчивости...» (VI, 594—595).

В лагере «Москвитянина» рецензия на «Малолеток» была воспринята как оскорбление Глинки и вызвала бурю возмущения (см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VI, стр. 81). С анонимной статьей, под заглавием «К Отечественным запискам», в шестом номере «Москвитянина» 1841 г. выступил Шевырев. Недвусмыслен-

но имея в виду Белинского, Шевырев называл его «журнальным писакой», который «осмеливается» в своем журнале «праздновать шабаш поэзии и нравственности и, забыв все приличия, извергает насмешки и клевету на писателя, огражденного от подобных оскорблений мнением литературным и общественным». В редакции «Москвитянина», видимо, и не подозревали, что рецензия на «Малолеток» была написана не Белинским, а Галаховым. Дело было, однако, не в том, кому принадлежала рецензия, а в существе вопроса, вокруг которого развернулась борьба и который имел для Белинского принципиальное значение — философско-эстетическое и политическое. И в том, и в другом отношении направление «Москвитянина» было реакционным. Поэтому-то Белинский и включился в борьбу: в седьмом номере «Отечественных записок» 1841 г. он выступил с исключительно резкой и боевой статьей «Шестая книжка Москвитянина и Ф. Н. Глинки» и здесь же он напечатал свою рецензию на листовку Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. зап.», 1841, т. XVII, № 7, отд. VI, стр. 3—7), до сих пор неизвестную и не вошедшую ни в одно из изданий собрания сочинений Белинского.

Принадлежность Белинскому настоящей рецензии документально устанавливается публикуемым во втором томе настоящего издания письмом А. Д. Галахова к А. А. Краевскому от 10 июля 1841 г. Относительно помещенных в седьмом номере «Отечественных записок» статей и рецензий Белинского. Галахов пишет здесь следующее: «Отзыв о Загоскине в критике „Ста литераторов“ многим не понравился. Вы напрасно так резко отозвались. О Шишкове прекрасно (в той же рецензии Белинского), за что, равно за разбор книжки „Москве благотворительной“, заочно, я и Кудрявцев, кланяемся Белинскому».

Рецензия на листовку Глинки как бы подводила итог многочисленным суждениям Белинского на протяжении ряда лет по вопросу о соотношении нравственности и поэзии: это был один из важнейших вопросов его эстетической концепции.

Н. Соколов

<8>

ЖУРНАЛИСТИКА

<О ЖУРНАЛЕ «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»>

В нашей журналистике мало движения, потому что в ней мало жизни. Под жизнью и движением мы разумеем *развивающуюся мысль*. Но как не каждый человек, особо взятый, *живет*, т. е. *мыслит*, но большая часть людей заживо покойтся непробудным сном смерти, т. е. ест, пьет, покупает, продает, но не мыслит, — так точно и большая часть наших журналов движется только потому, что, начиная год первым № книжки или листка, оканчивает его — кто 12-м, кто 52-м, кто 300-м. При этом регулярном движении, у наших журналов есть еще и другое: одни отстают выходом, другие умирают скорострительно, третьи тихо кончаются естественною смертию, а на месте их появляются другие. С 1834 года в нашей журналистике безусловно владычествовала «Библиотека для Чтения». Она пережила «Телескоп» и «Молву», своих ожесточенных врагов, которые давно уже томилась смертною агонию и оживились было на минуту ненавистию к новому и толстому журналу. «Современник» поддерживался только именем своего основателя и, в 1837 году, его посмертными творениями, которые печатались в нем. В 1835 году в Москве явился новый непримиримый враг «Б. для Ч.» — «Московский Наблюдатель»; но, поддерживаемая умом, дарованием и ловкостью своего издателя, «Б. для Ч.» сделала вид, что даже и не заметила этого нового врага. На другой же год своего существования, «Московский Наблюдатель» начал *засыпать*, говоря рыболовным термином. В 1838 году он вздумал было ожить, из желтого цвета — эмблемы головной боли, облекся в зеленый цвет — эмблему надежды; но хотя его надежды и были велики, однако, покоряясь воле

судьбы неумолимой, он скончался в мале. Между тем, владычество «Б. для Ч.» было давно уже утверждено на прочных основаниях. Успех ее был чудовищный и, разумеется, заслуженный, если только успех всегда может служить оправданием делу. Впрочем, почему же бы и не так? Что ни говорите о Тамерланах, Чингис-Ханах и Атиллах, но они — великие люди: при жизни их никто не смел сомневаться в этом, а когда они умерли, все трепетали тени их и, таким образом, привыкли видеть в них великих людей. И в самом деле, теперь, когда уже «Б. для Ч.» совершила полный свой цикл, когда ее конец уже граничит с началом и кольцо — символ вечности — готово сомкнуться, т. е. голова готова уцепиться за хвост, — теперь смешно было бы не видеть и не признавать в «Б. для Ч.» журнала, замечательного по многим достоинствам, а в ее издателя — человека с умом, талантом и журнальной ловкостью. Одна оригинальность есть уже доказательство неоспоримого достоинства; посредственность всегда ползет по проторенным тропинкам и никогда не дерзает пролагать новой дороги, хотя бы это было только в орфографии и касалось замены больших букв маленькими в прилагательных, от собственных имен происходящих, каковы: *французский* суп, *вяземские* пряники и т. п., и отменения странного обычая кланяться известным званиям большими буквами, как в словах: *майор*, *генерал*, *князь* и т. п. Г. Сенковский первый понял, какой формы для журнала требует русская публика — и смело начал выдавать двенадцать больших книг, вместо 24 тощих; для скорости издания ввел нумерацию по отделениям и с тех пор эта форма осталась господствующею до сих пор. В первом году «Б. для Ч.» публика видела в ней произведения Пушкина, Жуковского, кн. Одоевского и других уважаемых ею писателей; журнальная ловкость издателя не замедлила возвестить о появлении новых гениев — гг. Кукольника и Тимофеева. До нового все охотники, а кто в чем-нибудь успел и говорит смело и уверительно, тому все верят, и потому «Б. для Ч.» явилась полною представительницею русской литературы: в ней должны были кончить свое поприще старые литераторы, в ней должны были продолжать давно уже и с блеском начатое поприще литераторы еще в полноте сил своих, и в ней же должны были начать свое поприще возникающие таланты. Много умных статей в отделе «Наук и Художеств», забавная перечень книг, разнообразная и живая смесь, — все это делало «Б. для Ч.» в глазах публики чудом чудным и дивом дивным. Самая критика ее показалась на первых порах необыкновенно оригинальною и глубокомысленною, ибо состояла из одних выписок из разбираемой книги и похвал, вроде следующих: *не дурно*, *хорошо*, *очень хорошо*, *прекрасно*, *превосходно*, *великий Гете*, *великий Кукольник* — *становлюсь перед вами на колени*. Наконец, самое отсутствие мысли в «Б. для Ч.» для многих казалось достоинством. Но тут была и другая причина: постоянное гонение идеи, нападки на умозрение, на систему, на убеждение, на веру в возможность знания, в непреложность истины, словом, гонение на разум, в пользу произвола понятий и неразумности, — все это есть своего рода убеждения, система, мысль, словом — *доктрина*, какая бы ни была ее причина и цель, — и все это гораздо лучше, нежели решительное отсутствие всякого взгляда, всякого воззрения на все, кроме личной выгоды и карманной пользы. Но вот проходит год — имена с обертки «Б. для Ч.» исчезают; настоящие литературные знаменитости публично отрекаются от всякого участия в этом журнале; старые журналы громко вопиют против него. Но «Б. для Ч.» уже ничего не боится; она себе на уме: лишившись содействия *настоящих* знаменитостей, она обратилась к *будущим*, зная, что от ее собственной воли зависит наделать их, сколько угодно. Притом же, дело было уже сделано — около 5 000 подписчиков приобретены, соперников не являлось, ум и ловкость издателя были те же, система его — та же:

попрежнему он нападал на полемику, почитая ее несовместною с достоинством «Б. для Ч.»; и попрежнему нападал на кого хотел и отвечал кому хотел в «Литературной Летописи» (вся тонкость политики издателя заключалась в том, чтобы нападать и защищаться мимоходом, при разборе разных книжонок, а не в особых статьях под названием *рекритик* и *антикритик*); попрежнему критики его состояли из выписок из разбираемой книги и из общих мест собственного изобретения; попрежнему в отделе словесности были плохие стихотворения, а оригинальные повести по-новому стали плохи, переводные же всегда были, по крайней мере, занимательны, а иногда и действительно хороши; в отделении наук попрежнему встречались дельные и занимательные ученые статьи; «Литературная Летопись» попрежнему была нередко плосковата, иногда остроумна и всегда уморительно-забавна, а смесь разнообразна и интересна; выход книжек попрежнему был точен и неукоснителен. И потому все шло как нельзя лучше; публика и пригляделась и привыкла к «Б. для Ч.», как привыкает она к одному и тому же актеру, и рукоплещет ему, если не по настоящим его заслугам, то по воспоминанию о прошедших; как привыкает она к одному и тому же магазину и неохотно меняет его на новый и лучший. Привычка — вторая натура! Однакоже под луною всему бывает конец — не избежать его не только земному шару, но и «Б. для Ч.». Надо заметить, что ход этого журнала с самого начала был под гору, а не в гору, следственно, ход более быстрый и блестящий, чем прочный и долговременный: с каждым годом подписчики «Б. для Ч.» хоть десятками, да убавлялись, а не прибавлялись; но как число ее подписчиков с первого же раза было необыкновенно велико, то убыль несколько лет была для нее незаметна, т. е. пока десятки не превратились в сотни, а сотни не стали угрожать соединением в тысячи. 1839 год был эпохою кризиса для «Б. для Ч.». Она как-то видимо поблекла, как будто утомилась. Остроты ее приелись публике и набили ей оскомину: одно и то же прискучило. В «Б. для Ч.» стали являться какие-то странно и дико написанные, длинные и непонятные статьи о художествах. Наконец, «Б. для Ч.» начала запаздывать и отстала от других журналов целою книжкою. Все это не могло не действовать на публику, глаза которой были уже обращены на другой журнал, в котором она предвидела более существенную и выгодную для нее замену «Б. для Ч.». Теперь дело «Б. для Ч.» кончено; она — вопрос решенный. Повидимому, ее издатель как будто утратил свой журнальный такт, которым он был одарен так богато: в «Б. для Ч.» нынешнего года мы с удивлением увидели «Витторию Аккоромбону», давно уже прочитанную русскою публикою в «Отечественных Записках»; увидели какой-то роман, который, без всякой связи, уже несколько месяцев испытывает терпение публики; увидели, в целых двух книгах, какие-то странные рассуждения о версификации и Гомере, рассуждения, доказывающие, что тот и другой предмет совершенно выходят из сферы знакомых и доступных для автора предметов... «Литературная Летопись» давно уже еле дышит и ее «раздирательные» остроты давно уже не выходят из пределов двух или трех страничек... А жаль, все-таки жаль: что ни говорите, а «Б. для Ч.» была замечательным явлением в нашей журналистике, и с ее кончиною публика лишится журнала, который в свое время был очень хорош...

В начале настоящего года наша журналистика как-будто оживилась и зашевелилась. Явились «Русский Вестник» и «Москвитянин»; «Сын Отечества» перешел под новую редакцию О. И. Сенковского и подвергся преобразованию. Из этих трех новинок самая лучшая — последняя. В «Сыне Отечества» попадаются интересные литературные статьи; политические всегда интересны, потому что всегда написаны умно и живо; смесь часто бывает остроумна. Издание «Сына Отечества» изящное, напо-

минающее собою «Revue de Paris». Как жаль, что этот журнал почти не читается русскою публикою, — так что его издатель принужден перепечатывать из него свои статьи в «Б. для Ч.», отчего они, впрочем, не делаются известнее неблагодарной публике. «Русский Вестник» успел заинтересовать некоторую часть публики одним из тех ловких объявлений, на которые так искусна «С. Пчела», о чем бы ни шло дело — о новом ли романе которого-нибудь из ее издателей, о новом ли журнале, в котором участвует один из ее издателей, или о новой кондитерской, новой табачной лавке. Программа доставила бы значительный успех антрепренерам «Русского Вестника», если бы они имели осторожность помедлить выдачею первой книжки; но книжка явилась рано — и мы, право, не знаем, издается ли еще «Р. В.»... Теперь нам следует сказать несколько слов о «Москвитянине», что мы и сделаем в одном из следующих номеров.

«Лит. газета», 1841, № 77, 12 июля, стр. 307—308).

Из статей, напечатанных в «Литературной газете» 1841 г., обращает на себя внимание анонимная статья в № 77, под рубрикой «Журналистика». Статья эта, в основном, посвящена характеристике журнала О. И. Сенковского «Библиотека для чтения».

Можно было бы предположить, что из всех известных сотрудников «Литературной газеты» 1841 г. эта статья могла бы быть написана Ф. А. Кони, Некрасовым или Белинским. Но редактор «Литературной газеты», ведевилист Ф. А. Кони, и в своей критической деятельности держался, главным образом, театральной сферы: в «Литературной газете» он писал обычно обзоры и отзывы о театральных постановках. Правда, он принимал участие и в критическом отделе газеты, и, в частности, в № 122 «Литературной газеты» 1841 г., в отделе «Журналистика» им напечатана полемическая статья, направленная против «Северной пчелы», в ответ на ее нападки на «Литературную газету». Но в данном случае Кони выступал как редактор «Литературной газеты», и эта статья подписана его полным именем. Отметим, кстати, что свои статьи и рецензии в «Литературной газете» Ф. А. Кони, как правило, подписывал полным именем или инициалами Ф. К. (ср., напр., рецензии в «Лит. газете» 1841 г., №№ 17, 18, 111 и 118). К этому надо прибавить, что в момент появления статьи о «Библиотеке для чтения» (18 июля 1841 г.) Ф. А. Кони в Петербурге не было (см. В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в. Некрасов и его современники. Л., 1930, стр. 18). Таким образом, авторство Ф. А. Кони в данном случае исключается. Мало вероятно и авторство Некрасова. Некрасов в 1841 г. только начинал свою критическую деятельность, и хотя он дал в «Литературной газете» 1841 г. несколько отзывов о новых книгах, тем не менее, его участие в этом издании было значительно шире представлено беллетристикою, фельетоном и театральною критикою.

И, наоборот, есть основание считать, что статья о «Библиотеке для чтения» в «Литературной газете» 1841 г. написана Белинским. Большая часть статей, шедших в «Литературной газете» под общим заглавием «Журналистика», написана в 1840 г., Белинским (ему же принадлежит анонимная статья в этом отделе «Лит. газет» 1841 г., № 24 — ответ Межевичу). В своих ежегодных обзорах русской литературы и во многих статьях и рецензиях в «Отечественных записках» критик неоднократно останавливался на оценке современных журналов, в том числе и «Библиотеки для чтения». О «Библиотеке для чтения» Белинский много писал и до 1841 г., в частности в период своего сотрудничества в «Молве» и «Телескопе» (см., напр., II, 346—347; III, 29—31, 485—491 и др.). Оба эти издания вообще часто выступали против журнала Сенковского, что имеет в виду Белинский в том месте комментируемой нами статьи, где говорится, что «Телескоп» и «Молва» «давно уже томились смертною агониею и оживились было на минуту ненавистью к новому и толстому журналу», т. е. к «Библиотеке для чтения». Таковы внешние данные.

Анализируя содержание статьи № 77 «Литературной газеты» 1841 г., мы находим ряд признаков, подтверждающих авторство Белинского.

В начале статьи автор ее отмечает, что «в нашей журналистике мало движения, потому что в ней мало жизни». И далее поясняет: «Под жизнью и движением мы разумеем *развивающуюся мысль*. Но как не каждый человек, особо взятый, *живет*, т. е. *мыслит*, но большая часть людей заживо покоится непробудным сном смерти, т. е. ест, пьет, покупает, продает, но не мыслит, — так точно и большая часть наших журналов движется только потому, что, начиная год первым № книжки или листка, оканчивает его — кто 12-м, кто 52-м, кто 300-м».

Именно в этом же 1841 г., к которому относится статья «Литературной газеты», Белинский писал: «Каждый народ живет своей жизнью, а как жить не значит только родиться, есть, пить и умирать, но и мыслить, знать — то, следовательно, каждый народ живет и своим сознанием» (VI, 531); или: «Да, жить не значит столько-то лет есть и пить, биться из чинов и денег, а в свободное время бить хлопнушкой мух, зевать и играть в карты: такая жизнь хуже всякой смерти... Жить — значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть» (VI, 8).

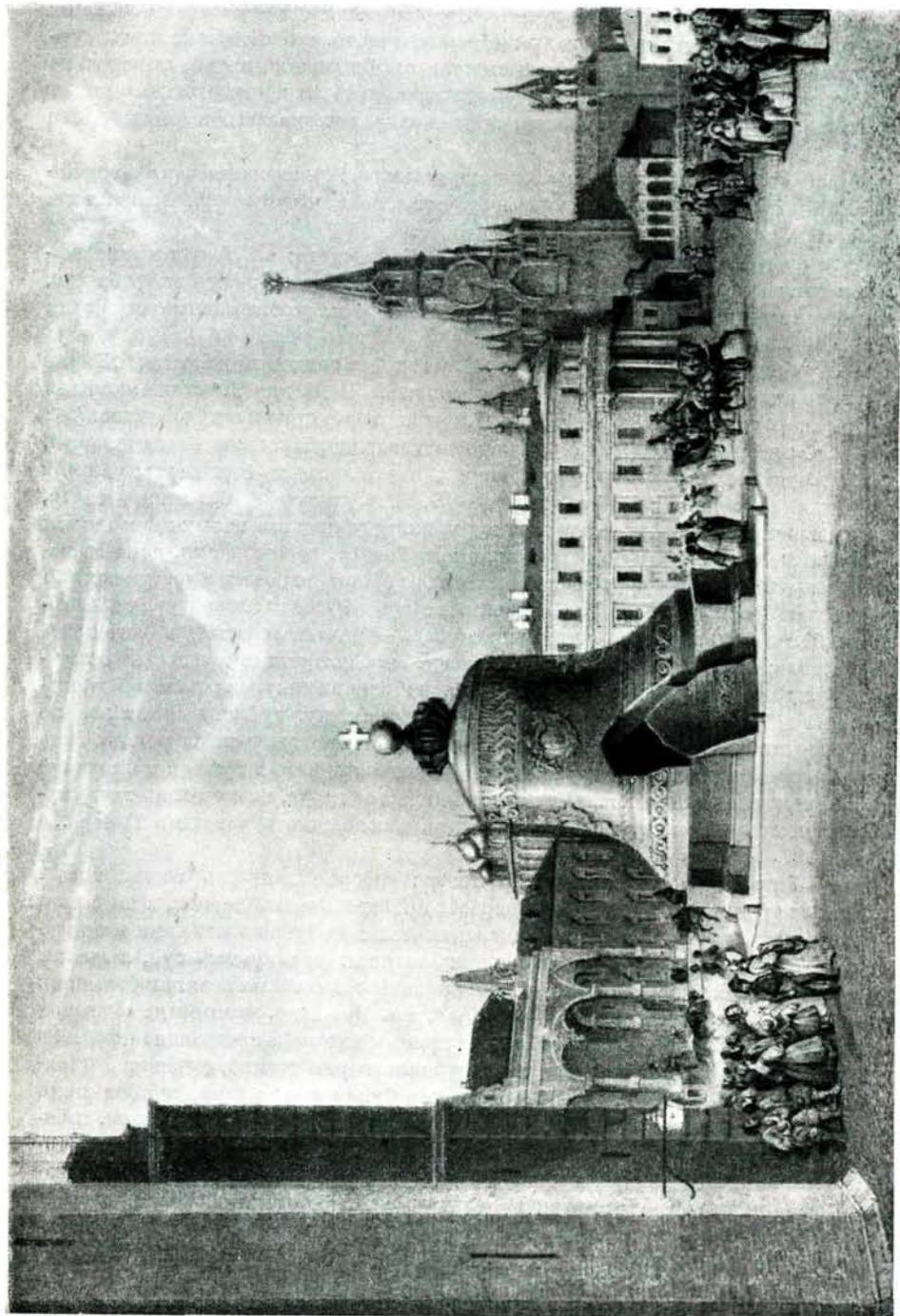
Автор анонимной статьи, характеризующая направление «Библиотеки для чтения», отмечает «постоянное гонение идеи, нападки на умозрение, на систему, на убеждение, на веру в возможность знания, в непреложность истины, словом, гонение на разум, в пользу произвола понятий и неразумности...» Подобную же оценку «Библиотеке для чтения» мы находим у Белинского. Еще в статье «Русские журналы» («Моск. наблюдатель», 1839, ч. II, № 3) Белинский писал: «Направление этой „критики“ <т. е. критики «Библиотеки для чтения».— Ю. М.>, как и всего журнала, — вражда против умозрения, против мысли...» (IV, 216). Почти то же самое повторено Белинским в статье «Русская литература в 1840 году»: «Он <т. е. журнал «Б-ка для чтения».— Ю. М.> вдруг провозгласил, что прогресс человечества — вадор; что, следовательно, история — тоже вадор; что разум — просто надувает человечество; что знание невозможно, наука и учение — ни к чему не ведут...» (IV, 482).

Автор статьи в «Литературной газете», развивая мысль о направлении «Библиотеки для чтения», вместе с тем находит, что «все это есть своего рода убеждения, система, мысль, словом — *доктрина*, какая бы ни была ее причина и цель, — и все это г о р а з д о лучше, нежели решительное отсутствие всякого взгляда, всякого воззрения на все, кроме личной выгоды и карманной пользы». (Разрядка наша.— Ю. М.). Это вполне совпадает с высказываниями Белинского, который считал, что «самый ошибочный взгляд лучше отсутствия всякого взгляда» (VI, 330.— Разрядка наша.— Ю. М.).

Напомним также, что по поводу направления «Библиотеки для чтения» Белинский в свое время писал: «Нам не нравится направление Б. для Ч., но нам нравится, что в ней есть направление — качество, принадлежащее не всем нашим журналам; мы не разделяем мнений Б. для Ч. и даже не любим их, но мы любим ее за то, что у ней есть мнения, которые есть не у всех наших журналов» (IV, 213).

О критике «Библиотеки для чтения» автор статьи в «Литературной газете» пишет: «Самая критика ее показала на первых порах необыкновенно оригинальною и глубоко-мысленною, ибо состояла из одних выписок из разбираемой книги и похвал, вроде следующих: *не дурно, хорошо, очень хорошо, прекрасно, превосходно, великий Гете, великий Кукольник — становлюсь перед вами на колени*». В цитированной уже выше статье «Русские журналы» Белинский писал: «„Критика“ в „Библиотеке“ обыкновенно состоит из выписок из рассматриваемых сочинений, выписок, к которым приделано несколько мнений, ни на чем, кроме произвола редактора, не основанных и ничем, кроме его острот и шуток, не подкрепленных» (IV, 216). Известный эпизод с Кукольником, которого Сенковский поставил наравне с Байроном, Шекспиром и Гете, был, как известно, «излюбленным» у Белинского, например: «...Этот журнал «Б-ка для чтения».— Ю. М.» поставил на одну доску великого Гете с господином Кукольником, упал перед обоими на колени и, закрыв глаза, в восторге начал кричать: „Великий Гете! Великий Кукольник!“» (V, 482).

В статье «Литературной газеты» далее говорится, что «в первом году „Б. для Ч.“ публика видела в ней произведения Пушкина, Жуковского, кн. Одоевского и других уважаемых ею писателей... Но вот проходит год — имена с обертки „Б. для Ч.“ исче-

МОСКВА. ИВАНОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ В КРЕМЛЕ
Литография Бишбуа с рисунка О. Моцферрана, 1836 г. Фигуры сделаны В. Адамом
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

зают; настоящие литературные знаменитости публично отрекаются от всякого участия в этом журнале...» Но, несмотря на это, «публика и пригляделась и привыкла к „Б. для Ч.“... и потому все шло как нельзя лучше». Это обстоятельство отмечено Белинским в статье «Русская литература в 1840 году»: «Несмотря на то, что с обертки этого журнала на другой же год его существования слетели все блестящие имена, заманившие публику, несмотря на то, что все литературные знаменитости печатно отказались от участия в издании, — публика российская продолжала восхищаться им около [пяти лет...]» (V, 482).

В изучаемой нами статье читаем: «...лишившись содействия настоящих знаменитостей, она («Б-ка для чтения») обратилась к *будущим*, зная, что от ее собственной воли зависит наделать их, сколько угодно».

Это же утверждение находим в другой статье Белинского: «...Между этими знаменитостями многие были сделаны на скорую руку, ради предстоящей потребности, многие незнаменитости были произведены в знаменитости, произведены самим этим журналом...» (II, 349).

В «Литературной газете» говорится, что «1839 год был эпохою кризиса для „Б. для Ч.“. Она как-то видимо поблекла, как будто утомилась... В „Б. для Ч.“ стали являться какие-то странно и дико написанные, длинные и непонятные статьи о художествах...»; в „Б. для Ч.“ нынешнего года мы с удивлением увидели „Витторию Аккоромбону“, давно уже прочитанную русскою публикою в „Отечественных Записках“; увидели какой-то роман <„Эвелина де Вальероль“. — Ю. М.>, который, без всякой связи, уже несколько месяцев испытывает терпение публики; увидели в целых двух книгах какие-то странные рассуждения о версификации и Гомере, рассуждения, доказывающие, что тот и другой предмет совершенно выходят из сферы знакомых и доступных для автора предметов». То же самое пишет Белинский в статье «Русская литература в 1841 году»: «„Б. для Ч.“ с 1839 года как будто пошатнулась — начала опаздывать, чего с нею прежде не бывало; начала печатать статьи об искусстве, которых смысл доселе остается тайною для публики и здравого смысла. В девяти книжках тянулся роман г. Кукольника „Эвелина де Вальероль“; получая следующую книжку, публика забывала, что прочла в предшествовавшей... В пятой книжке вдруг появился экстракт из романа Тика „Виттория Аккоромбона“, вполне переведенного и напечатанного в третьей и четвертой книжках „Отечественных Записок...“ Четвертая книжка ее вдруг, ни с того, ни с сего, пустилась рассуждать о Гомере, гекзаметре, о том, как должно переводить Гомера...» (VII, 48—49).

В статье «Литературной газеты» автор пишет: «посредственность всегда ползет по проторенным тропинкам и никогда не дерзает пролагать новой дороги, хотя бы это было только в орфографии и касалось замещения больших букв маленькими в прилагательных, от собственных имен происходящих, каковы: *французский суп, виагемские пряники* и т. п., и отменения странного обычая кланяться известным званиям большими буквами, как в словах: *майор, генерал, князь* и т. п.». Известно, что против «больших букв» настойчиво боролся Белинский. Уместно привести хотя бы следующие цитаты из его рецензий: «Теперь некоторые „светские“ журналы горою стоят и отчаянно отстаивают подъячизм в языке и не хуже какого-нибудь Сумарокова кланяются большими буквами не только князьям и графам, но и литераторам, и гениям, и поэзии, и читателям» (III, 28); «Не понимаем, вследствие какого (т. е. человеческого или другого какого) смысла некоторые люди (большею частию старинного образования, учившиеся по академической грамматике) употребляют большие буквы в словах: „французский“, „немецкий“ и т. п. За что такая честь французскому супу или немецкой колбасе?..» (X, 249—250).

* Имеется в виду анонимная статья «Выставка русских художественных произведений в С. Петербурге и Риме в 1839 г.» («Б-ка для чтения», 1839, т. XXXVIII). Цитирую эту статью в заметке о романе П. П. Каменского «Искатель сильных ощущений», Белинский писал: «Неужели и такие фразы можно принять за характеристику художественных созданий, а не за влудую сатиру на искусство и критику искусства?» («Лит. газета», 1840, № 5, 17 янв.; ср. V, 15—21).

Авторство Белинского подтверждается и совпадающими оценками «Литературной летописи» и других отделов журнала «Библиотеки для чтения» в анонимной заметке и в известных статьях и рецензиях Белинского; и одинаковыми фразеологическими оборотами, например: «раздирательные» остроты — об остротах Сенковского в «Литературной летописи» «Библиотеки для чтения» (ср. V, 482); «На другой же год своего существования, „Московский наблюдатель“ начал *засыпать*, говоря рыболовным термином» (ср.: «Драма заснула, говоря рыболовным термином...», VI, 436 и др.); «В 1838 году он

ОБЛОЖКА И ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО ВЫПУСКА «ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»,
ИЗДАНОЙ Ф. И. ЭЛЬСНЕРОМ

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных записках» № 1 за 1841 г. и №№ 1, 3, 4 за 1842 г.

«Московский наблюдатель» вдумал было ожить, из желтого цвета... облекся в зеленые цветы...» (ср.: «... вдруг весною 1838 г. «Московский наблюдатель» вдумал ожить, — и вот поюнул и позеленел...», V, 239).

Все приведенные данные не оставляют сомнения в том, что статья о «Библиотеке для чтения» в «Литературной газете» 1841 г. написана Белинским.

Ю. Масанов

⟨9⟩

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Издание Ф. И. Эльснера Санктпетербург, 1841. В тип. Карла Крайя. В 8-ю д. л. Выпуск I 32 стр.

Если эта первая тетрадь «Истории Петра Великого», соч. г. Ламбина, с 500-ми рисунками служит образчиком исторических идей и исторического таланта составителя, равно как и дарований рисовальщиков, — то все

издание рекомендует себя не совсем хорошо. Во введении, на 30 страничках, автор обозрел историю России, политическое и нравственное состояние ее до Петра Великого. Обзор этот — голая риторика в духе г. Кайданова. Между прочим, в этом кратком очерке, где с трудом можно было бы показать общеисторическое развитие России, г. Ламбин нашел место повторить все сказки о происхождении Руси и баснословном ее периоде: он говорит о Рюрике, называет Олега *воинственным*, говорит о набегах его на Константинополь; *мудрая* Ольга устроит у него *государственный* порядок и смягчает полудикие нравы племен славянских; Святослава называет он «первообразом норманского рыцаря», тогда как по известию Льва Дякона, собственными глазами смотревшего на Святослава при свидании его с Иоанном Цимисхием, это был «первообраз азиатского витязя», и пр. Если позволено судить по начинаниям г. Ламбина, то можно быть уверену, что «История» его будет весьма плохую компиляциею, составленною без всякой мысли. Нигде так ясно не выразилась бы мысль автора, как в общем очерке истории России до Петра; читатель по одному этому очерку мог бы уже видеть, чего ожидать от последующих тетрадей, — и теперь полное право имеет не ожидать ничего. Впрочем, подобное издание при недостаточном тексте могло бы еще щегольнуть картинками, но и картинки решительно плохи и по композиции, и по выполнению.

«Отеч. зап.», 1841, т. XIX, № 12, отд. VI, стр. 57.

<10>

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне.
Издание Ф. И. Эльснера. Выпуск II. 33—64 стр.

Второй выпуск «Истории Петра Великого», соч. г. Ламбина, приобретшей себе незавидную известность, не уступает первому, а последующие, вероятно, превзойдут и первый и второй, по пословице: «чем дальше в лес, тем больше дров». Всякий взглянувший на суздальские политипажи этого издания, гравированные однакоже в Лондоне (вероятно, в гостинице «Лондон», что на углу Гороховой улицы и Исаакиевской площади), всякий, взглянувший на них, согласится, что не было на Руси предприятия более оскорбительного для чтения, для эстетического чувства и здравого смысла. Конечно, всякий по-своему может изьявлять усердие к памяти величайшего из царей земных, о котором память вдвойне священна для сердца русского; Екатерина Великая не только не была оскорблена плохими портретами своей особы, издававшимися для простого народа, но еще изъявила свое удовольствие, что ее народ любит изображение своей монархини, не умея, в простоте своей, судить о верности его с подлинником. Но эта жалкая и безобразная компиляция и спекуляция издается не для мужиков, а для людей образованных, которые видели и знают как издаются такие вещи в Европе, которые недавно раскупили «Историю Наполеона» ради рисунков Ораса Верне. Мы уже не говорим о том, что у нас есть академия художеств, есть даровитые художники, следовательно, есть все средства выполнить подобное предприятие не только *примчно*, но и изячно...

Вглядитесь же, бога ради, в эти *лубочные пятна*, где нет ни рисунка, ни отделки, ни исторической верности, ни изобретения, ни смысла — что это такое? Неужели эта фигура, красующаяся на 40-й странице, тотчас

после смерти царя Алексея, описанной (стр. 39) в лицах, неужели, спрашиваем мы, это прекрасная Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, мать Петра Великого, оставшаяся после смерти супруга в полном развитии красоты своей?.. Вглядитесь в политипаж 41-й страницы: комната, на стене ландкарта, в стороне черная доска для ученических упражнений, задом к ней сидит на креслах гембсовской работы (по форме) какой-то человек с книгой; возле него стоит другой человек с закинутыми назад руками, а за ним следует пушка на лафете; подле пушки трое детей, из которых у одного на голове что-то вроде огромной трехугольной шляпы, закрывающей до половины его лицо. Вы ищете объяснения этого «кунштিকা» в тексте и находите там, что царевич Петр с самых юных лет любил воинские упражнения, которыми каждый день тешился с своими сверстниками, детьми придворных царицы, матери своей. Как же — ищите вы — зашла такая огромная пушка в учебную комнату? На это получите объяснение у Голикова, в первом томе, на странице 139: там сказано, что царевич тешился с детьми на дворе, что родитель его «видя толикую к военным действиям в нем склонность, собрал нескольких дворянских единоклетных с ним детей и, сделав *приличное их возрасту оружие*, велел их обучать военным выметкам». Текст г. Ламбина есть не что иное, как отрывки или переделка, — и притом нескладная, апатичная, бездушная, одушевленного и живого, хотя и простодушного, почти безграмотного рассказа Голикова. Но об этом после; обратимся опять к суздальским «кунштикам». На стр. 44-й, изображающей сцену жалобы царевича Петра на дерзость боярина Ивана Языкова, царь Федор Алексеевич представлен в короне, которая чуть не вдвое длиннее всего лица и головы его, а юный Петр в костюме, в котором ходят в наше время благородные дети от трех до семи лет. На стр. 53-й царевна Софья представлена в бальном костюме дамы нашего времени. Мы не говорим, что ни в одной из этих фигур на этих политипажах нет ничего типического, характеристического, нет жизни, выражения; мы говорим только, что они непохожи ни на какие фигуры. Это просто расштрихованные плохим карандашом каракули.

Текст «великолепной» истории, как мы уже и заметили выше, есть не что иное, как плохая перефразировка Голикова, часто приукрашиваемая риторическими фразами. Так, напр., где Голиков рассказывает просто — «было», там г. Ламбин, или г. Эльснер, или оба они общими силами прибавляют «одно современное сказание уверяет», не указывая на источник, откуда взято ими «современное сказание». Чтоб показать нашим читателям *как* г. сочинитель «великолепной» истории перефразирует Голикова, делаем, для сравнения, выписку из того и другого:

Г. Л а м б и н.

Одно современное сказание уверяет, что еще в младенчестве сказался воинственный дух царевича; когда в третье его тезоименитство один купец, между прочими подарками, поднес ему маленькую саблю, царевич так был восхищен этим подарком, что, не обращая внимания на прочие игрушки, с жадностью схватил саблю, *р а с с е л о в а л* *к у п ц а* (реторика!) и побежал к царю, прося, чтоб он наградил (почему же не прося наградить?) купца и его самого препоясал саблею. Царь исполнил желание сына: купца пожаловал гостем и, по прочтении духовником молитвы, сам препоясал его тою саблею, *как бы посвятив в витязи*. С того времени сабля была любимую игрушкою отрока и неразлучным спутником его повсюду; нередко он и засыпал с нею. *Такая черта (?) ребенка, прибавляет сказание (!..)*, была предметом многих разговоров (?) и все удивлялись, говаривали (почему же не просто — говорили?), *что отроча сие будет, когда возмужает?*

Голиков.

С самых первых младенческих лет Петра I примечена в нем главнейшая склонность к военным действиям: ибо когда в третье его тезоименитство поднес ему один купец маленькую саблю, то царевич на все прочие дары взирал равнодушно, а саблю с такою принял радостью, что велел купцу тому себя приподнять, поцеловал его, сказал, что он будет его помнить; а царя, родителя своего, просил пожаловать его, а себя опоясать тою саблею. Царь, в удовольствие его, купца пожаловал гостем, и саблю тою, по прочтении духовником молитвы, его опоясал. Обрадованный царевич приказал сыскать купца того, сам ему объявил милость царскую, а саблю не могли уже с него снять, да нередко и засыпал он с нею. Великий родитель его, видя толикую к военным действиям в нем склонность, собрал несколько дворянских единоклеточников с ним детей и, сделав приличное их возрасту оружие, велел их обучать военным выметкам; что толико обрадовало царевича, что он, целуя руки его, пролил из благодарности слезы, и с того времени лучшее было его веселие, в чертогах и на дворе, с теми детьми упражняться в военных учениях. Таковая великая склонность в столь малолетнем отроке была предметом всех разговоров, и удивляючися тому говаривали: *«что отроча сие будет, когда возмужает?»*

Голиков — единственный источник г. Ламбина, и г. Ламбин следует за Голиковым, подобно тени, забавно передразнивая его. Впрочем, в конце второго выпуска есть ссылка на какое-то сочинение г. Масальского, которого г. Ламбину не заблагорассудилось поименовать, хотя бы в выноске, как это требует всякое историческое сочинение. Не зная или не помня никакого исторического труда г. Масальского, мы вправе думать, что выписка сделана «великолепным» историком либо из забытого теперь публикою посредственного романа г. Масальского «Стрельцы», либо из забытой теперь публикою плохой повести его «Бородолюбие...» Весьма приличный источник для истории г. Ламбина, который, в первом выпуске, ведь цитировал же стихи из «Ильи Муромца», да еще исправленные и переделанные его пиитическим пером!..

Говорят, что один «известный и опытный» литератор и сочинитель взялся выправлять слог г. Ламбина, движимый *бескорыстною* любовью к русской истории... Не знаем, как далеко простирается *действительное* участие одного сочинителя в компиляции г. Ламбина и спекуляции г. Эльснера, но это бескорыстие невольно приводит нас на память стих из одной старинной и известной всем поэмы:

Из чести лишь одной я в доме сем служу...

А между тем, говорят, готовялась к печати «История Петра Великого» с картинками Брюллова, т. е. *Карла Брюллова*, нашего гениального художника и, может быть, первого живописца в Европе нашего времени...

Одно только можно сказать в пользу «великолепной» истории: она печатается на хорошей бумаге и хорошим шрифтом; но и тут не без греха: печать изуродована безобразною пестротой заглавных букв, без всякой надобности, вопреки правилам орфографии, употребляемым везде, даже в названии месяцев...

Нет, мы уверены, что русская публика не поддержит своим участием предприятия, которое должно оскорблять ее национальное чувство... Говорят — о ужас! — г. Эльснер хочет издать свою жалкую компиляцию на иностранных языках: что подумает Европа о наших литераторах и историках, что подумает она о состоянии искусств в России — отечестве Брюллова, творца так хорошо известного ей «Последнего дня Помпеи»?..

<11>

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Вып. III. 32 стр.

Об этом издании нового говорить нечего: оно продолжает быть все тем же и таким же, чем и каким было вначале, по тексту и картинкам. Когда оно переменится к лучшему в том или другом или в обоих этих отношениях, мы не замедлим поговорить о подобной чудной метаморфозе; но как это чудо еще не совершилось, то мы пока скажем о том, что случилось уже.

В № 34 «Сев. Пчелы» прочли мы странную рекритику на д е л ь н у ю статью г. Полевого об издании г. Эльснера.

Г. Полевой сказал несколько горьких истин об историческом т а л а н т е г. Ламбина и изяществе рисунков; отзыв его показался слишком холодным г. Булгарину и он г р я н у л в 34 № «Сев. Пчелы» следующей декларации:

«Нам весьма неприятно, что мы должны разногласить с почтенным Н. А. Полевым, которого литературные труды и заслуги мы вполне уважаем. При всех своих познаниях и при всей своей благонамеренности Н. А. Полевой доказал критикою («Русский Вестник», № 10, 1841, стр. 158—188) на первую тетрадь истории г. Ламбина истину древнего правила, что никто не может быть судьей в собственном деле. Н. А. Полевой,

Д Ъ Я Н І Я
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
 МУ Д Р А Г О
 П Р Е О Б Р А З И Т Е Л Я
 Р О С С І И,
 С О В Р А Н Н Ы Я
 Изъ достоѣрныхъ источниковъ
 и расположенныя по годамъ.
 Ч А С Т Ъ I

М О С К В А,

въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,

1788.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ
 И. И. ГОЛИКОВА «ДЕЯНИЯ ПЕТРА
 ВЕЛИКОГО», ЧАСТЬ I, 1788 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского
 Музей И. С. Тургенева, Орел

как известно, печатает теперь большую историю Петра Великого, и во время его занятий ему предложили составить Краткую историю для полнотипажного издания. Любя искренно свой предмет, Н. А. Полевой согласился на предложение и написал уже более половины Краткой истории, как вдруг вышла в свет первая тетрадь г. Ламбина, и труд Н. А. Полевого остался под спудом! Событие это, хотая иными словами (?), рассказано самим Н. А. Полевым на стр. 161—163 критики. Мы несколько не сомневаемся, что никакое расчетливое побуждение не руководило пером критика, но, зная сердце человеческое, нельзя не согласиться, что критик не мог оставаться хладнокровным в этом деле. Н. А. Полевой утешался надеждою, что жизнеописание его любимого героя будет издано со всевозможною роскошью и затмит полнотипажное издание жизни Наполеона, и вдруг все надежды рушились! Спрашиваем всех психологов (зачем же не просто — честных людей?): может ли нам нравиться предмет, разрушивший наши любимые надежды? — Надобно быть более, нежели стойком, чтоб отвечать утвердительно! А в этом случае поотеченный Н. А. Полевой высказал мало стоицизма. Он разгневался, и проч.»

Вот язык истинной дружбы! Так должны писать истинные литераторы!..

«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 3, отд. VI, стр. 28».

<12>

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С 500 оригинальными рисунками, гравированными в Лондоне. Выпуск IV
(Цена каждого вып. 60 к. сер.; за пересылку доставляется 1 р. 50 к.)

Предприятие г. Эльснера так довольно собою и бескорыстным заступничеством одного знаменитого сочинителя, что и не думает измениться к лучшему. Это обстоятельство и нас делает постоянным в наших отзывах о плохой компиляции г. Ламбина, о суздальских картинках и о предприятии благонамеренного г. Эльснера. Вглядитесь в картинку на 93-й странице: юного Петра представляет безобразная куклолка, стоймя надетая, а не посаженная на коня; кругом псовы охотники с лукошками на головах и в руках; с правой стороны вы видите толстого мужика верхом на лошади — он держит сосворенных собак; задом к нему зрится другая мужицкая фигура на лошади же: лукошко на голове фигуры № 2 приросло своею верхушкою к обнаженной голове фигуры № 1, а слетевшее с фигуры № 1 лукошко приросло к спине фигуры № 2. Целое этой картинки неотразимо прекрасно! Для остроумного и забавного пера содержание картинок на 107 и 108 страницах могло бы подать повод к большой критической статье: это неисчерпаемая бездна смешного! Что именно хорошо, — так это ревилльионовские виньетки, ни с того, ни с сего щедрою рукою рассыпанные по бездарному изданию.

Теперь о тексте. Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно в историческом повествовании: без всяких усилий, но с большим успехом, совпадает оно то с тацитовским слогом г. Кайданова, то с чувствительным тоном «Ильи Муромца», то с эпическою высокопарностию «Марфы Посадницы»... Об идеях и взглядах г. Ламбина нечего и говорить; г. Ламбин берет их целиком и готовыми из богатого, в этом отношении, источника — «Деяний» Голикова, которые он с таким чудовищным успехом перефразирует.

«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 4, отд. VI, стр. 60—61».

Известно, как высоко ценил Белинский деятельность и историческое значение Петра I. «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России», — писал Белинский в 1841 г. (VI, 119). Белинский посвятил Петру I свои известные статьи, написанные по поводу издания трудов И. И. Голикова, В. Бергмана и Е. Аладьина и не законченные критиком по цензурным условиям. Имя Петра I часто встречается и в других статьях и рецензиях Белинского. Неоднократно Белинский подчеркивал отсутствие в русской исторической литературе обобщающих работ о Петре I, недостаточную разработку и критическую оценку уже имеющихся материалов о его «жизни и деяниях». Вполне естественно поэтому, что Белинский с большим вниманием относился ко всякой вновь появлявшейся книге о своем любимом историческом деятеле.

В 1841 г. в Петербурге начала выходить отдельными выпусками книга историка, библиотекаря Академии наук Н. П. Ламбина (ум. в 1882 г.) «История Петра Великого». Издание всего труда закончилось в 1843 г.

В «Отечественных записках» 1841—1842 гг. появилось четыре рецензии на отдельные выпуски этой книги: в № 12 1841 г. — на 1-й выпуск, в № 1 1842 г. — на 2-й выпуск, в № 3 1842 г. — на 3-й выпуск и в № 4 1842 г. — на 4-й выпуск. Общая оценка работы Н. П. Ламбина, как «компиляции» и «спекуляции», данная в этих рецензиях, аналогична такой же оценке этой «Истории Петра Великого» у Белинского. В статье «Русская литература в 1842 году» Белинский, упоминая книгу Ламбина, писал: «Успех изданной г. Семеновко-Коморовским „Истории Наполеона“ с политипажами картин Ораса Верне породил компиляцию г. Ламбина с чудовищными политипажами работы плохих рисовальщиков» (VIII, 25).

В другой статье Белинского «Литературные и журнальные заметки (Русская журналистика и капустные кочерыжки)», напечатанной в № 10 «Отечественных записок» 1842 г., по поводу книги Ламбина говорится, что «мнение о внутреннем и внешнем безобразии компиляции г. Ламбина и спекуляции г. Эльснера установилось тотчас же по выходе первых тетрадей этого чудовищного издания» (VII, 402).

Во всех четырех анонимных рецензиях текст «Истории» Ламбина называется «компиляцией», составленной по работе И. И. Голикова о Петре Великом. Так, например, в рецензии на 2-й выпуск автор пишет: «Текст г. Ламбина есть не что иное, как отрывки или переделка, — и притом нескладная, апатичная, бездушная, одушевленного и живого, хотя и простодушного, почти безграмотного рассказа Голикова... Голиков — единственный источник г. Ламбина, и г. Ламбин следует за Голиковым, подобно тени, забавно передразнивая его». Автор рецензии приводит далее для сравнения обширные цитаты из работ Голикова и Ламбина. В рецензии на 4-й выпуск читаем: «Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно в историческом повествовании: без всяких усилий, но с большим успехом, совпадает оно то стацитовским слогом г. Кайданова, то с чувствительным тоном „Ильи Муромца“, то с эпической высокопарностью „Марфы Посадницы“... Об идеях и взглядах г. Ламбина нечего и говорить: г. Ламбин берет их целиком и готовыми из богатого, в этом отношении, источника — „Деяний“ Голикова, которые он с таким чудовищным успехом перефразирует».

Все эти сравнения книги Ламбина с трудом Голикова и проведение текстовых параллелей мог сделать лишь знаток «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова. Таким знатоком, несомненно, был Белинский, в свое время работавший над корректурой 2-го издания книги Голикова у Н. А. Полевого (см.: К с е н о ф о н т П о л е в о й. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. — В кн.: Николай Полевой. Ред. Вл. Орлова. Л., 1934, стр. 350—351), неоднократно отмечавший работу Голикова в своих рецензиях и, конечно, использовавший ее для своих неоконченных статей о Петре Великом, написанных в том же 1841 г., когда начала выходить и книга Ламбина. Отмечая в первой статье о Петре Великом работу Голикова, Белинский оценивает ее как «бескорыстный и простодушный труд, достойный «величайшего уважения»: «Тридцать томов остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рас-

сказе нередко заметно одушевление, достойное предмета его возбудившего; в основе лежит бессовнательное, но тем не менее верное созерцание идеи, выраженной явлением Петра Великого... Итак, труд Голикова есть почти *все*, что сделано нашею литературою для истории Петра Великого» (VI, 120.— Курсив Белинского.— Ю. М.).

В отзыве о 1-м выпуске книги Ламбина рецензент пишет: «Нигде так ясно не выразилась бы мысль автора, как в общем очерке истории России до Петра; читатель по одному этому очерку мог бы уже видеть, чего ожидать от последующих тетрадей, — и теперь полное право имеет не ожидать ничего». Мы знаем, что Белинский относился отрицательно к подробным историческим исследованиям «о начале Руси», которыми были заняты многие «записные наши исторические критики». «Им как будто и нужды нет, — писал Белинский, — что решение этого вопроса не делает ни яснее, ни занимательнее баснословного периода нашей истории... А между тем, этот первый и бесплодный период русской истории поглощает или, по крайней мере, поглощал всю деятельность большей части наших ученых исследователей, которые и знать не хотят того, что имена Рюриков, Олегов, Игорей и подобных им героев наводят скуку и грусть на мыслящую часть публики и что русская история начинается с возвышения Москвы и централизации около нее удельных княжеств...» (VI, 120—121). С этой точки зрения 1-й выпуск книги Ламбина ни в какой мере не мог удовлетворить Белинского, так как Ламбин лишь «нашел место повторить все сказки о происхождении Руси и баснословном ее периоде» (см. текст рецензии на 1-й выпуск книги Ламбина).

Это сходство проявляется и в ряде мелких особенностей, которые свидетельствуют о том, что все четыре рецензии на отдельные выпуски книги Ламбина написаны Белинским. Так, например, в рецензии на 2-й выпуск автор пишет: «Одно только можно сказать в пользу „великолепной“ истории: она печатается на хорошей бумаге и хорошим шрифтом; но и тут не без греха: печать изуродована безобразною пестротой заглавных букв, без всякой надобности, вопреки правилам орфографии, употребляемым везде, даже в названии месяцев...». Общеизвестно, что именно Белинский постоянно боролся с чрезмерным употреблением прописных букв и не пропускал случая отмечать в своих рецензиях устарелое употребление их «где надо и не надо» (см. II, 266—267; III, 28; VI, 293; VII, 217; IX, 390; X, 13; XII, 249—250, 371, 416 и др.). В этой же рецензии упоминается «посредственный» роман Масальского «Стрельцы» и «забытая публикой плохая повесть его „Бородолюбие“». Всего скорее эти упоминания мог сделать Белинский как критик-профессионал, хорошо знавший русскую литературу и в ее «посредственных» образцах.

Рецензия на 3-й выпуск книги Ламбина служит автору лишь поводом для информации читателей о полемической статье Булгарина, в ответ на отрицательный отзыв Полевого о работе Ламбина. Белинский всегда останавливался на «журнальных стычках» Полевого и Булгарина. Poleмику, связанную с отрицательной характеристикой Полевым «Истории Петра Великого» Ламбина и «заступничеством» Булгарина, Белинский отмечает далее в «Литературных и журнальных заметках» в № 10 «Отечественных записок» 1842 г. (VII, 402), рассматривая ее как «пролог к знаменитой войне из-за кочержек».

Говоря об иллюстрациях к книге Ламбина, автор рецензий постоянно называет их «суздальскими». Это характерное слово Белинского, определяющее их плохое качество и безвкусицу (ср. II, 331; V, 487; VI, 157, 238; VII, 226, 285 и мн. др.).

Наконец, во всех рецензиях на книгу Ламбина встречаются и другие характерные для стиля Белинского слова и выражения, например: «не было на Руси предприятия более оскорбительного для зренья, для эстетического чувства и здравого смысла» (ср. VI, 430), «баснословный период» русской истории (ср. VI, 121; VII, 20), «рисовальщики» и т. д., а также выделение отдельных слов курсивом, которое часто встречается у Белинского, на что в свое время обратил внимание еще С. А. Венгеров.

Не останавливаясь на ряде общих признаков, которые также говорят в пользу авторства Белинского (его интерес к иллюстрированным изданиям, рецензирование обычно петербургских изданий и проч.), отметим еще одно обстоятельство. В № 11 «Отечественных записок» за 1843 г. была опубликована еще одна рецензия на книгу Ламбина после завершения всего издания. В этой рецензии кратко повторена общая оценка ра-

боты Ламбина, вытекающая из рецензий на отдельные выпуски. Автор этой рецензии пишет об «Истории» Ламбина следующее: «Говорить о ней много нечего. Текст — жалкая компиляция, дурно составленная из книги Голикова; картинки—цвет и краса лубочной суздальской рисовки и гравировки». В. С. Спиридоновым эта рецензия включена в XII том Полного собрания сочинений Белинского (XII, 547).

Все приведенные факты положительно решают вопрос о Белинском, как авторе рецензий на отдельные выпуски «Истории Петра Великого» Н. П. Ламбина, опубликованные в «Отечественных записках» 1841—1842 гг.

Ю. Масанов

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО» КАРАМЗИНА, ИЗДАНИЯ И. ЭЙНЕРЛИНГА

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных Записках» №№ 2 и 12 за 1842 г.

<13>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

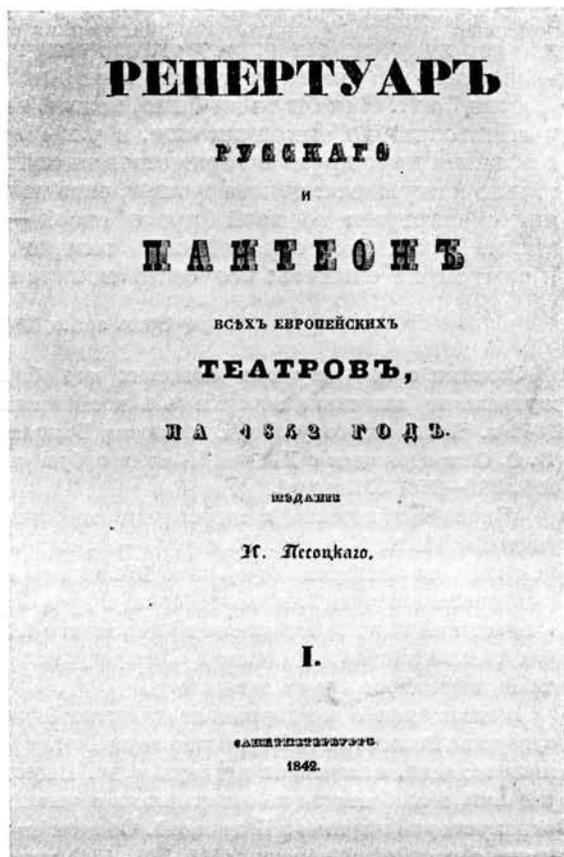
Издатель разных учебных руководств г. Эйнерлинг предпринял новое издание Истории государства Российского, Карамзина. Он хочет напечатать все 12 томов с полными «Примечаниями», — компактно, в два столбца, четким шрифтом, в большом формате, так, чтоб все 12 томов уместились только в три тома. Предприятие весьма полезное; давно была пора подумать о нем! Компактные издания в Европе размножаются с каждым днем все более и более. Теперь вы можете иметь всех знаменитых писателей, от Геродота и Гомера до Виктора Гюго и г. Ламартина включительно, за самую умеренную цену. Громада сочинений Вольтера, стоившая прежде около 500 рублей, теперь уместилась в 12 компактных томах и стоит с небольшим 100 рублей. Гиббон, Тьери, Робертсон, Декарт, Бэкон, Цицерон, Сенека, Тацит, Бюффон, Мальбранш и проч. и проч., издаваемые под общим названием «Panthéon Littéraire» и прода-

ваемые отдельно, доступны теперь для самого небогатого человека, потому что цены этих книг уменьшены впятеро против прежних цен. В этом-то и заключается выгода компактных изданий: тут берегается бумага и меньше платится за печатание. У нас, до сих пор, издан был компактно только Фон-Визин (в 1838 году, в Москве), и это издание достигло своей цели: оно стоило не более 5 руб. асс., втрое или вчетверо дешевле прежних, Г. Эйнерлинг назначает компактному изданию «Истории» Карамзина цену — 50 р у б л е й а с с и г н а ц и я м и; следственно, только вдвое дешевле против того, что стоило второе полное издание этого творения, напечатанное на иждивении Слениных, и двадцатью рублями д о р о ж е издания, сделанного два раза Смирдиным. Не наше дело входить в расчеты издательские; но как мы в отношении к издателям книг составляем также часть публики, то не можем не заметить, что цена, назначенная г-м Эйнерлингом за новое издание «Истории» Карамзина, довольно-высока. Если б он за полные «Примечания», с которыми намеревается напечатать «Историю», прибавил немного, например, рублей пять, к цене, по которой Смирдин продавал свое издание, то, верно, нашел бы больше подписчиков, и в России разошлось бы еще несколько тысяч экземпляров знаменитого творения. Конечно, «Примечания» составляют весьма важную, едва ли не важнейшую часть труда Карамзина в ученом отношении, — но это для у ч е н ы х; большинство же публики, которое имел в виду Смирдин, издав «Историю» Карамзина с сокращенными примечаниями и которое раскупило уже теперь до 10 000 экземпляров этой книги, едва ли нуждается в полных «Примечаниях», довольствуясь текстом, так увлекательно написанным, и указаниями, которые находились в примечаниях сокращенных. Притом же, если д в е н а д ц а т ь томов просторной печати и с широкими полями Смирдин продавал по 30 руб. асс., то как продавать компактные три тома по 50 руб. асс.?.. Будет ли это выгодно для самого издателя?.. Но, повторяем: это не наше дело; мы же, с своей стороны, желаем от всего сердца, чтоб предположения наши сбылись и чтоб предприятие г-на Эйнерлинга имело такой успех, каково он надеется. Всякий лишний экземпляр такого творения, как «История государства Российского», проданный в публику, есть успех в народном образовании. В программе издания г. Эйнерлинг говорит, что он имеет в виду, между прочим, и учащееся юношество; но для учащегося юношества при «Истории» Карамзина необходим и «Ключ» к ней, составленный П. М. Строевым по изданию Слениных. Даже оба издания, сделанные Смирдиным, были неудобны именно потому, что к ним не приходился этот «Ключ», и г. Эйнерлинг, нам кажется, для пользы собственного предприятия должен бы прежде приобрести право напечатать этот «Ключ» так же компактно, как намеревается напечатать и всю «Историю»: тогда, по крайней мере, хоть немного оправдалась бы увеличенная цена, которую он назначил. Но, к сожалению, он ничего не говорит в программе своей об этом необходимом пособии для употребления «Истории государства Российского». — Первый том издания г-на Эйнерлинга выйдет не позже марта; второй — спустя шесть месяцев позже; третий и последний — к январю 1843 года. По отпечатании первого тома — сказано в программе — цена книги для неподписавшихся *возвысится* (?!). За пересылку каждого тома прилагается весовых четыре фунта.

В конце прошлого месяца, когда уже оканчивалась печатанием эта книжка нашего журнала, мы получили *Стихотворения Аполлона Майкова* — нового замечательного таланта, с которым уже отчасти знакомы читатели «Отечественных Записок». В будущем месяце мы поговорим об этом отрядном явлении. — Роман г. Кукольника, *Эвелина де Вальероль*, напеча-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА
«РЕПЕРТУАР РУССКОГО И ПАН-
ТЕОН ВСЕХ ЕВРОПЕЙСКИХ
ТЕАТРОВ»

Журнал упоминается в неизвест-
ной ранее рецензии Белинского
в «Отечественных Записках»
№ 2 за 1842 г.

таный в девяти книжках «Библиотеки для Чтения» прошлого года, издан теперь отдельно в четырех весьма красивых томиках. Мы уже сказали отчасти свое мнение об этом произведении в отделе Критики первой книжки нынешнего года (стр. 45). Нам не удалось еще видеть первого выпуска *Сочинений Гете*, на-днях вышедшего, и поэтому ничего не можем сказать об этом предприятии.

«Литературная Газета» в нынешнем году сделалась гораздо полнее и разнообразнее. Перемена формата много послужила ей в пользу. Выходя один раз в неделю тетрадями, заключающими в себе 20 и иногда 24 страницы, напечатанные в два столбца убористым шрифтом, и заключая в каждом номере своем от 40 до 50 страниц обыкновенной печати, она ежемесячно представляет статей на целый том в 160—200 страниц обыкновенного журнального формата. В первых четырех номерах ее напечатаны статьи Лажечникова, Основьяненки, Гребенки, Подолинского и других; постоянно печатаются разборы новых театральных пьес, через несколько дней после представления их на сцене, смесь пестрая, разнообразная и современная; библиография полная, следящая за всеми новыми русскими книгами, тотчас по появлении их в книжных лавках; разборы книг большею частию отличаются основательностью и правдою. Так, напр., в 4-м номере замечателен разбор «Репертуара Русского и Пантеона всех Европейских театров на 1842 год» — этого забавного издания, чего-то вроде литературной двутроби, тощей и бледной... Да, позвольте! Где же недоданные в о с е м ь книжек «Пантеона» за 1841 год, и двена-

дцатая книжка «Репертуара» за тот же год?.. Не понимаем, как у людей достаёт духу, не окончивая одного издания, начинать другое под тем же названием! Неужели тут есть какой-нибудь расчёт книгопродавческий? Избави бог!.. Как бы то ни было, только недоданные книжки «Репертуара» и «Пантеона» не выходили ещё, а уж «Репертуар» и «Пантеон» кинулись в объятия друг друга и торжественно слились в одно целое; но это целое только кажущееся: целого тут нет, есть только часть, т. е. остался прежний «Репертуар» во всей красе своей — издание пустое, бесцветное и весьма жалкое: европейских театров, т. е. европейской драмы тут и слыхом не слышать; все своя, доморощенная дребедень.

«Отеч. зап.», 1842, т. XX, № 2, отд. VI, стр. 87—88).

Заметки о литературных новостях под общим заглавием «Библиографические и журнальные известия» печатались в нескольких книжках «Отечественных записок» 1842 г. Часть их, безусловно, написана Белинским и в свое время была включена В. С. Спиридоновым в XII том Полного собрания сочинений критика (см., напр., XII, 294, 368—369, 375 и др.).

«Библиографические и журнальные известия», помещенные в «Отечественных записках» 1842 г., № 2, отд. VI, стр. 87—88, состоят из четырех частей: 1) известия о новом издании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, 2) информация о выходе стихотворений Аполлона Майнова, романа Кукольника «Эвелина де Вальероль» и сочинений Гете, 3) известия о приостановке издания А. Н. Струговщичевым «Художественной газеты» и 4) отзывы о «Литературной газете» и «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров».

В извещении о предпринятом издателем Эйнерлингом новом издании «Истории государства Российского» Карамзина автор останавливается на характеристике «компактных» изданий, отмечая их преимущества. Известно, что целесообразность этого типа изданий, в особенности по отношению к сочинениям известных русских писателей, неоднократно подчеркивал Белинский. Об этом он писал в рецензии на «компактное» издание сочинений Фонвизина (III, 420—421), которое, кстати говоря, упоминается и в тексте настоящего известия, а также в отзывах о собраниях сочинений Ломоносова (V, 431), Державина (X, 12) и др. В «Библиографических и журнальных известиях» особенно отмечается вопрос о цене нового издания «Истории государства Российского», причем автор приходит к выводу, что цена его «довольно высока». Это же отмечено в статье Белинского «Русская литература в 1842 году»: «Пятое издание (компактное, в 4-х томах) „Истории государства Российского“, предпринятое Эйнерлингом, было бы истинным подвигом со стороны издателя, если б дешевизна издания соответствовала его красоте, изяществу, удобству и полноте» (VIII, 27). Говоря о «Примечаниях» Карамзина к «Истории государства Российского», автор «Библиографических и журнальных известий» пишет: «Конечно, „Примечания“ составляют весьма важную, едва ли не важнейшую часть труда Карамзина в ученом отношении». Подобную же оценку «Примечаний» находим у Белинского: «... его примечания к „Истории государства Российского“ едва ли еще не драгоценнее самого текста» (VII, 19). Наконец, автор «Библиографических и журнальных известий», основываясь на программе издания «Истории» Карамзина, разосланной Эйнерлингом, выражает сожаление, что это издание не будет содержать «Ключа» к труду Карамзина, составленного П. М. Строевым по изданию Слениных («Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина». Соч. Павла Строева. 2 ч. М., 1836). На это место «Библиографических и журнальных известий» Белинский ссылается в своей рецензии на первую книгу «Истории» Карамзина в издании Эйнерлинга, помещенной в «Отечественных записках» 1842 г., № 7: «Мы говорили же о намерении г. Эйнерлинга издать все 12 томов „Истории государства Российского“ Карамзина в трех компактных книгах — намерении полезном в высшей степени. Мы жалели только, основываясь на программе, разосланной г. Эйнерлингом при газетах, что издание его не будет вполне удовлетворительно, не заключая в себе

ни «Ключа» к творению Карамзина, ни других приложений» (VII, 266.— Разрядна наша.— Ю. М.). Приведенные данные позволяют с полным основанием считать Белинского автором первой части «Библиографических и журнальных известий».

В следующей части «Библиографических и журнальных известий» читаем: «... Мы получили *Стихотворения Аполлона Майкова* — нового замечательного таланта, с которым уже отчасти знакомы читатели „Отечественных записок“. В будущем месяце мы поговорим об этом отрадном явлении». Известно, что именно Белинский первый привлек внимание читателей к дарованию А. Н. Майкова (ср. С. А. Венгеров.— V, 562). Он отметил его литературный дебют, рецензируя «Одесский альманах» на 1840 г. (V, 228), а в отзыве на «Римские элегии» Гете в переводе А. Н. Струговщикова вновь подчеркнул даровитость молодого поэта. Наконец, обещание «поговорить», вообще характерное для Белинского, в данном случае является отсылкой к его известной статье «Стихотворения Аполлона Майкова», появившейся, как и указывалось в «Библиографических и журнальных известиях» в следующем месяце — в 3-й книжке «Отечественных записок» 1842 г. (VII, 81—102).

По поводу только что вышедшего отдельным изданием романа Н. В. Кукольника «Эвелина де Валбероль» автор «Библиографических и журнальных известий» пишет: «Мы сказали уже отчасти свое мнение об этом произведении в отделе Критики первой книжки нынешнего года (стр. 45)». Оценка романа Кукольника в отделе Критики дана Белинским в его статье «Русская литература в 1841 году» (VII, 55). Наконец, указание на только что вышедший первый выпуск Сочинений Гете связывается с рецензией на это издание, появившейся в следующей книжке «Отечественных записок» (1842, т. XXI, Библиографическая хроника, стр. 16—17). Принадлежность этой анонимной рецензии Белинскому устанавливается В. М. Жирмунским в нижеследующей публикации настоящего тома. Не представляет сомнения, что и эта краткая информация о новых книгах в «Библиографических и журнальных известиях» написана Белинским.

Возможно, что Белинским написана и третья часть «Библиографических и журнальных известий», содержащая информацию о приостановке А. Н. Струговщиковым издания «Художественной газеты». Однако для категорического утверждения этого мы не располагаем достаточным количеством объективных данных, а поэтому эта часть «Библиографических и журнальных известий» в настоящую публикацию не включена.

Заключительная часть «Библиографических и журнальных известий» посвящена характеристике «Литературной газеты» и объединившихся с 1842 г. журналов «Репертуар» и «Пантеон». Характеристика «Литературной газеты» полностью совпадает с высказываниями Белинского об этом издании в его ежегодных обзорах русской литературы. «Пантеон» и «Репертуар» постоянно пользуются вниманием Белинского: все отзывы об этих журналах на страницах «Отечественных записок» 1840 г. принадлежат Белинскому, причем преимущество он отдавал «Пантеону», в котором печатались переводные пьесы, в том числе пьесы Шекспира, в то время как «Репертуар» заполнялся водевилями «домашней работы». Откликаясь на извещение об объединении «Репертуара» и «Пантеона», Белинский в рецензии на 1-й выпуск «Сказки за сказкой» писал в 1841 г.: «...На-днях извещено было о сочетании „Репертуара“ с „Пантеоном“, из которых каждый теперь может сказать другому:

Не боюсь я насмешек —
Мы сдвоились меж собой:
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под одною скорлупой» (VI, 350).

И далее: «Теперь это издание примет один общий характер, или — выражаясь точнее — будет тот же „Репертуар“, что и прежде был... Но при всем этом, не можем не сделать вопроса: могут ли соединенные „Репертуар“ и „Пантеон“ на 1842 год, может ли эта двойчатка вознаграждать своим достоинством подписчиков „Пантеона“ на 1841 год за не изданные восемь книжек?..» (VI, 351). Рецензируя №№ 1—4 «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» за 1842 г., Белинский пишет: «Соединение д в у х нава-

ний на заглавном листке о д н о г о и з д а н и я — не новость на Руси: так „Сын Отечества“ и „Северный Архив“ долго играли, во взаимных объятиях, роль двуутробки; обнявшиеся „Репертуар“ и „Пантеон“ — вторая, если не ошибемся, двойчатка в русской литературе...» (VII, 130).

Все приведенные цитаты вполне совпадают с оценкой, данной «Репертуару и Пантеону» в «Библиографических и журнальных известиях»: «Теперь это издание... будет тот же „Репертуар“» (см. цитату из рец. на «Сказку за сказкой»); «... остался прежний „Репертуар“ во всей красе своей...» («Библиографические и журнальные известия»), «литературная двуутробка» и др. Это позволяет утверждать, что и эта часть «Библиографических и журнальных известий» написана Белинским.

Ю. М а с а н о в

<14>

СОЧИНЕНИЯ ГЕТЕ

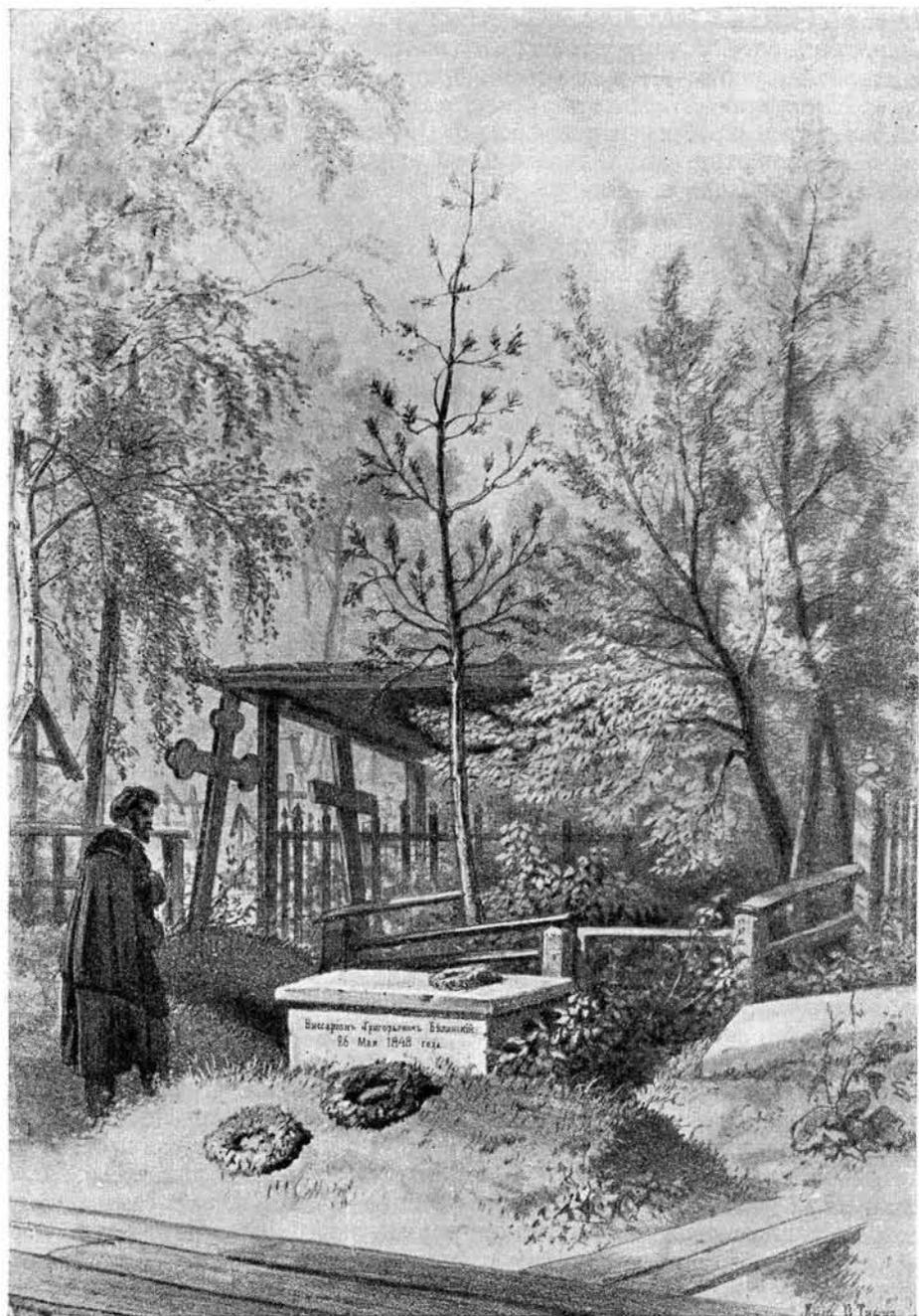
ВЫПУСК 1.

Санктпетербург. В тип. Ильи Глазунова и К°. 1842.

В 8-ю д. л. 82, 27, 23 и 14 стр. (Цена 1 р. сер.; весовых за 2 фунта)

Немного в мире поэтов написали столько великого и бессмертного, как Гете, и ни один из мировых поэтов не написал столько разного балласту и разных пустяков, как Гете. О причинах этого явления здесь не место и не время распространяться; впрочем, мы думаем, причина эта заключается в том, что Гете был столько же *Немец*, сколько и *Германец*, тогда как Шиллер, напр., был только *Германец* — прямой потомок *Арминиев*, и насколько не родня *Иванам Ивановичам* и *Адамам Адамовичам*... Известные господа, взявшиеся переводить всего Гете, начали именно с тех его произведений, которые, любя его славу и гений, должно было перевести после всего. «Брат и сестра» — сладенькое произведение в вкусе XVIII века. «Клавиго» уже известен по хорошему переводу г. Струговщикова. «Добрые женщины» (рассказ) — что-то такое, под чем если подписать имя какого-нибудь обыкновенного немецкого писателя, то никто и читать не станет, и что, даже при имени Гете, трудно дочесть до конца. «Простое подражание природе, Манера, Стиль» и «О Лаокооне» — очень интересные, хоть и небольшие статьи. Статейки, означенные общим именем «Мелкие статьи», — незначительны. Известные переводчики, переводя Гете, словно издают журнал: первый выпуск у них разделен на отделения — впереди всего драмы, потом повести; далее, ученые статьи, а наконец — смесь; каждое отделение имеет особую нумерацию, так что, по окончании всего перевода, подписчик будет лишен возможности переплести его в одну книгу. По известию о содержании второго выпуска видно, что штука эта будет повторяться с каждым выпуском. Но это бы еще ничего, лишь бы хорошо переводили; особенно худо то, что встречаются фразы, подобные следующим: «Я никогда не встречал человека, более высокомерного, *нежели как я сам*»; «Еслибы даже возложили на меня венец — я подумал бы, что разумеется само собою (?!!...), и именно поэтому я был такой же человек, как все другие люди» и пр.

Не понимаем, с какой стати и по какому праву гг. переводчики разбивают автобиографию Гете на клочки и отрывки, которые несколько не интересны, тогда как эта автобиография чрезвычайно интересна. Вообще, видно, что это предприятие придумано наскоро и несколько не обдуманно, что у трудящихся нет ни плана, ни цели, что каждый из них — кто во что горазд... А между тем, господам-переводчикам не мешало бы подумать о том, что они делают: ведь если они порядочно переведут только про-

МОГИЛА БЕЛИНСКАГО

Автолитография В. Ф. Тимма

«Русский Художественный Листок» № 29, 1862 г.

заические сочинения Гете, и тогда дело их будет почтено и заслужит благодарность. Зачем шалить там, где речь идет о важном предмете, не о пустяках каких-нибудь? Пусть бы принялись они за Гете посерьезнее, да начали переводить прежде всего те из его произведений, которые могут поднять, а не уронить его на святой Руси. Чего бы лучше начать с «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften» или, если уж с драм, так с «Гейца фон-Берлихингена», изуродованного на Руси дрянным переводом, в котором действующие лица драмы Гете выражаются языком московских брадатых торговцев и извозчиков?..

«Отеч. зап.», 1842, т. XXI, № 3, отд. VI, стр. 16—17».

<15>

СОЧИНЕНИЯ ГЕТЕ

ВЫПУСК 2

Спб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1842

В 8-ю д. л. 133 стр.

Еще при самом объявлении о выходе этого прозаического перевода сочинений Гете, ходили слухи, что он затеян обществом молодых людей. Мысль подобного *смелого* предприятия уже сама по себе оправдывала слухи, а первый выпуск вполне утвердил их достоверность. Наконец, по случаю второго выпуска, в одной газете было объявлено имя г. Бочарова как одного из главных переводчиков и участников предприятия. Г. Бочаров недавно издал книжку довольно-плохих стихотворений — обстоятельство, которое, вместе с молодостью переводчиков Гете, не могло не иметь влияния на перевод. В самом деле, безусловное уважение к авторитетам — весьма похвальная черта в юношах, еще неуспевших развиться до самостоятельного и самобытного суждения о важных предметах; но, в то же время, смешно и жалко видеть, когда юноши, из своего слепого уважения к авторитетам, силятся сделать какой-то авторитет для людей, которые уже давно пережили свою школьную эпоху и приобрели себе право смотреть на вещи глазами размышляющего ума, а не безотчетного удивления к громким именам. Забавно читать ученические выходки против литераторов, которые достигли столь высокой точки воззрения на Гете, что думают о нем, как о поэте, написавшем много пустяков, считают его пьесу «Заклад» ничтожною вещью, и т. п. Не знаем, право, кто такие эти дерзкие литераторы; но что касается до нас — повторим, не в обиду юным прелагателям сочинений Гете, что великий и гениальный Гете действительно написал много пустяков, в сравнении с которыми даже и сочинения какого-нибудь Клаурена могут показаться чем-то порядочным; пьесы «Брат и Сестра», «Заклад» и «Стелла» именно принадлежат к самым пустым и вздорным произведениям великого германского поэта. Царь внутреннего мира души, поэт по преимуществу субъективный и лирический, Гете вполне выразил собою созерцательную, аскетическую сторону национального духа Германии, а вместе с нею необходимо должен был вполне выразить и все крайности этой стороны. Чуждый всякого исторического движения, всяких исторических интересов, обожатель душевного комфорта до бесстрастия ко всему, что могло смущать его спокойствие — даже к горю своего ближнего. Немец вполне, которому везде хорошо и который со всем в ладу, Гете невыносимо велик в большей части своих лирических произведений, в своем «Фаусте» — этой *лирической* поэме в драматической форме, в своем «Прометее», в котором он сам является похитителем небес-

ного огня, в своей «Коринфской Невесте» и множестве других преимущественно лирических произведений; но Гете слаб в драме (за исключением первого и превосходного опыта «Гец фон-Берлихинген») вообще сладок, приторен во многих из своих драм. Он любил делать героями своих драм характеры слабые, ничтожные, изнеженные, женоподобные, каковы: Франц Вейслинген (в «Геце»), *Клавиво*, *Фернандо* и проч. В лице Эгмонта он осуществил свой идеал «изящной личности», а этот идеал есть не что иное, как идеал «изящного эгоизма», которому, кроме самого себя, все трын-трава... Это чисто-субъективное, антиисторическое направление необходимо должно было, переходя в крайность, доводить Гете до сочинения таких ничтожных, жалких, приторных, сантиментальных пьес, каковы — повторяем смело — «Брат и Сестра», «Клавиво», «Добрые Женщины», «Заклад», «Стелла» и т. п. И как жаль, что юные переводчики начали передавать русской публике Гете именно с его плохих и пустых произведений! Пока переводчики дойдут до истинно великих его созданий, наша публика — чего доброго! — решит, что Гете был плохой писака, и предприятие, само по себе полезное и похвальное, пропадет таким образом в самом начале своем. Второй выпуск «Сочинений Гете» еще более наполнен пустяками, чем первый: за исключением статьи о Шекспире, в которой есть несколько глубоких замечаний, все остальное — балласт... В третьем выпуске переводчики сулят нам «Вертера», который уже известен русской публике по прекрасному переводу Рожалина. Господа! давайте скорее «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften», «Геца фон-Берлихингена», «Эгмонта», «Восточный Диван» и т. п.

Забавны следующие строки в приложенной ко второму выпуску декларации к публике от переводчиков: «О стихотворениях (разумеется, таких, которые не могут быть переведены прозою) мы пока не говорим ничего (жаль!); от публики зависит дать нам возможность представить ей стихотворения Гете, переданные известнейшими из русских поэтов». Другими словами: мы найдем известнейших русских поэтов переводить стихами стихотворения Гетел.: Sic! Да где же эти известнейшие поэты русские? И зачем нам ваши стихотворные переводы? Вы обещали перевести всего Гете прозою — так и давайте же нам ваш прозаический перевод всего, что написал Гете, разумеется, *сперва* лучшее, а *потом* уже слабейшее. Переводы в прозе необходимы, ибо если они много теряют со стороны поэтического выражения, зато много выигрывают со стороны верности.

«Отеч. зап.», 1842, т. XXII, № 6, отд. VI, стр. 33—35».

Общественные и литературные взгляды Белинского как революционного демократа окончательно формируются в начале 40-х годов. Борьба против немецкого философского и поэтического идеализма — существенный этап этого процесса, о котором свидетельствуют с конца 1840 г. письма Белинского к Боткину, а затем и его печатные статьи 1841—1843 гг.

«Философскому филистерству» Гегеля (выражение Белинского), его оправданию «разумной действительности», в том числе и реакционнейшей действительности прусского государства, Белинский, вместе с Герценом, противопоставляет революционную диалектику исторического процесса, «идею отрицания как исторического права, без которого история человечества превратилась бы в стоячее болото» («Письма», т. II, стр. 213 и 186). Немецкий философский и поэтический идеализм раскрывается для Белинского как порождение немецкого национального характера, воспитанного политическим убожеством отсталой и провинциальной Германии. Отсюда, с одной стороны, отрыв немецкой литературы от общественно-политической борьбы, ее уход во внутренний мир поэтической души, ее равнодушие к «социальности», ее «аскетический» характер, т. е. (согласно словупотреблению Белинского) равнодушие писателя к практическому осуществлению его общественных идеалов, с другой стороны — **мещанский консерватизм и филистерство** этих идеалов.

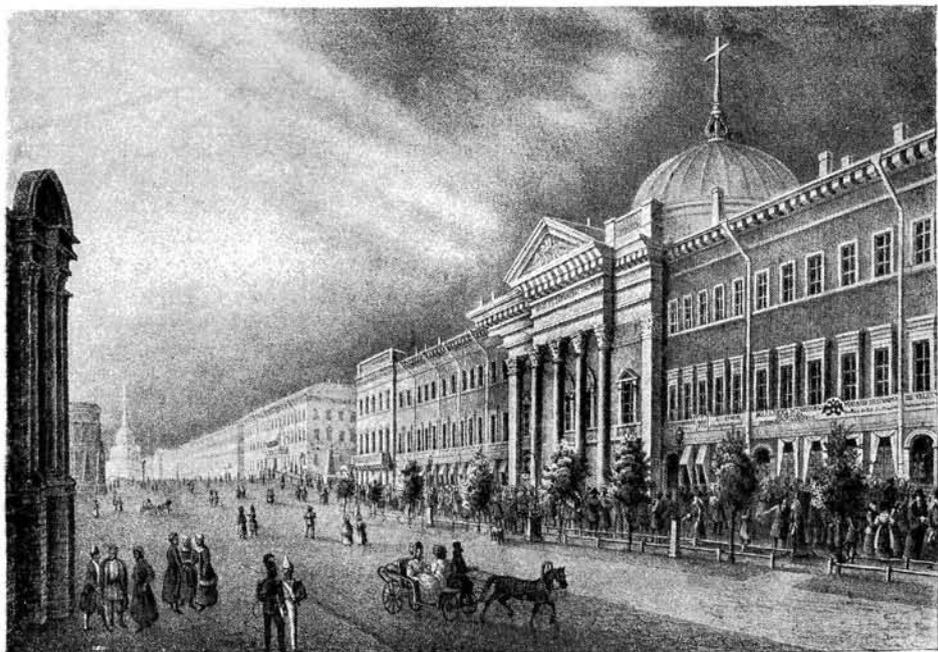
Немецкая литература, пишет Белинский, «возникла и выросла на почве отвлечения, аскетизма, антиобщественности; она изображает не общество, а отдельные личности, которых вся жизнь и вся повесть жизни состоит в переливах внутренних ощущений, фантастических и фантазерских грез, и которых все блаженство заключается не в стремлении к идеалу действительной жизни и достижению его, а в том, чтобы любоваться собственной внутренней глубиной и пустою праздною жизнью ощущения вместо действия» (VII, 436).

Наиболее полная и принципиальная характеристика немецкой философской и поэтической идеологии и немецкого «национального характера», по сравнению с французским и английским, дана Белинским, с этой точки зрения, в статье 1843 г. о Державине (VIII, 132—174). Источником национальной жизни Германии Белинский считает «идеализм». Цель жизни немца — в знании, а знание для него заключено в идее. Только в знании и соприкасается немец с миром и жизнью; он равнодушен к осуществлению идеи в жизни; отсюда его «нравственный аскетизм». Для немца знать и жить — две совершенно разные вещи. Поэтому немец легко становится филистером и живет в ладу со всякой действительностью. «Отсюда и аскетический характер поэзии немцев: мирообъемлющая по идеям, воплощенным в ней, она призывает к миру с действительностью, какова бы ни была эта действительность; она настраивает человека к одинокой, созерцательной жизни внутри самого себя, делает его властелином в сфере мысли и машиною в сфере действительности». Разработкой внутреннего мира души человека немцы «оказали человечеству великую услугу». «Но уже аскетическая поэзия немцев исчерпала все свое содержание и совершила полный круг свой: теперь жаждет она иных элементов, иных мотивов» (VIII, 135 сл.).

С этой точки зрения, особенную актуальность приобретает для Белинского проблема творчества Гете. Сторонниками немецкого философско-поэтического идеализма Гете был объявлен «величайшим поэтом современности», «всеобъемлющим гением», глашатаям (по выражению молодого Бакунина) «примирения с действительностью, во всех отношениях и во всех сферах жизни» (М. Б а к у н и н. Собр. соч. Т. II, стр. 166—178—предисловие к напечатанному в «Московском наблюдателе» 1838 г. переводу «Гимназических речей» Гоголя), Белинский и сам в недавнем прошлом отдал дань этому увлечению в известной статье «Мендель, критик Гете» (1840). Но теперь поэзия Гете становится для Белинского наиболее ярким выражением классической «немецкой идеологии»: эстетической созерцательности и объективизма, эгоистической замкнутости в сфере личного переживания, «аскетического» равнодушия к страданиям человечества, к вопросам общественной борьбы. Выступая против односторонней и некритической идеализации Гете, Белинский расчищает пути для искусства реалистического и общественного, для критики общественной жизни средствами искусства, критики, подсанной партийностью писателя, или, говоря словами самого Белинского, — «могучим субъективным убеждением, имеющим свое начало в преобладающей думе эпохи» (VII, 298), «глубокой, всеобъемлющей и гуманной субъективностью, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем» (VII, 253—254). «Что такое искусство нашего времени?» — спрашивает Белинский и отвечает: «Суждение, анализ общества, следовательно — критика» (VII, 298). От искусства требуется прежде всего «разумное содержание, имеющее исторический смысл, как выражение современного сознания» (VII, 304). В полемике с Никитенко, представителем реакционной идеалистической эстетики, Белинский заявляет: «Изящество и красота — не всё в искусстве. Мы сами были некогда жаркими последователями идеи красоты как не только единого и самостоятельного элемента, но и единой цели искусства... Наш век особенно враждебен такому направлению искусства. Он решительно отрицает искусство для искусства, красоту для красоты» (VII, 304).

Большое впечатление произвела на Белинского, по его собственному признанию, посвященная Гете повесть Герцена «Еще из записок одного молодого человека». Именно по инициативе Белинского (как сообщает Герцен в предисловии к «Былому и думам») повесть эта была напечатана, не без прямого участия критика, в августовском номере «Отечественных записок» за 1841 г. (А. И. Г е р ц е н. Полн. собр. соч., Т. II. СПб., стр. 437—467; отзвывы Белинского см. стр. 496). Повесть была написана

Герценом еще в Вятке и называлась тогда «Первая встреча» (там же, т. I, стр. 286—300). Весьма вероятно, что Белинский был знаком с ней уже в пору своего столкновения с Герценом в 1839—1840 гг. и отчасти имел ее в виду, когда писал свою статью против Менцеля. Герцен показывает политическое филистерство Гете в свете грандиозных событий французской революции, его сервильизм как придворного поэта и «веймарского дипломата», его эгоистическую замкнутость в сфере личных переживаний. Но вместе с тем Герцен четко формулирует двойственность и противоречивость духовного облика великого немецкого поэта. «Гете понял ничтожество своего века, но не мог стать выше его», — заявлял он в первой редакции повести. «Я сам уже сказал, что готов преклонить колена перед творцом „Фауста“, так же как готов раззнакомиться

ЗДАНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ У ПОЛИЦЕЙСКОГО МОСТА НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ.
ЗДЕСЬ ПОМЕЩАЛАСЬ В 1839 г. РЕДАКЦИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСК»

Литография Шютца, 1830-е гг.

Музей истории и развития Ленинграда

с тайным советником Гете, который пишет комедии в день лейпцигской битвы и не занимается биографией человечества, беспрерывно занимаясь своей биографией» (там же, стр. 297—298).

Точка зрения Герцена (как и самого Белинского) на Гете очень близко подходит к взгляду, несколько позже (1846 г.) сформулированному молодым Энгельсом в известной рецензии на книгу Карла Грюна «О Гете с человеческой точки зрения» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Т. V, стр. 142—143). Подобно Энгельсу, Белинский и Герцен отчетливо видели в Гете противоречие между «гениальным поэтом» и «немецким филистером», «опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником» и усматривали в этом противоречии типичное явление классической «немецкой идеологии», обусловленное политическим «убожеством» Германии. Белинский также не развенчивает Гете, он только борется против его неумеренных апологетов. «Колоссальный» гений Гете проявляется, по мнению Белинского, в идейной насыщенности лучших его произведений, в которых он заплатил дань «духу века». «Его „Вертер“ есть не что иное, как вопль эпохи; в его „Фаусте“ заключены все нравственные во-

просы, какие только могут возникнуть в груди внутреннего человека нашего времени; его „Прометей“ дышит преобладающим духом века; многие из его мелких лирических пьес суть не что иное как выражение философских идей» (VII, 304). С другой стороны, «филистерство» Гете проявляется в его равнодушии к вопросам общественной жизни, в «спокойном довольстве действительностью», в «отсутствии исторических и общественных элементов» (VI, 38), в личном и поэтическом «эгоизме» и, наконец, в особенности — в тех слабых и неудачных произведениях, в которых нашли отражение эти отрицательные стороны его художественного гения. Эти мысли, упорно занимавшие Белинского, в 1841—1843 гг., высказываются им попутно во всех статьях, написанных в эти годы — в полемике с Никитенной или Константином Аксаковым, в рецензиях на сборник Кирши Данилова или на «Стихотворения» Баратынского и наиболее подробно, как уже было сказано, в статье о «Сочинениях» Державина.

В связи с повышенным интересом к проблеме творчества Гете Белинский в эти годы внимательно читал все новые русские переводы его произведений, а следовательно, можно заранее думать, что почти все рецензии «Отечественных записок» на эти переводы принадлежат его перу. В. С. Спиридонов устанавливает авторство Белинского для следующих рецензий: 1. «Литературная газета», 1840, № 42: «Римские элегии» (краткий вариант большой статьи из «Отечественных записок» 1841 г., посвященный переводу А. Струговщикова).— 2. «Отечественные записки», 1841, т. XIV, № 2, отд. 6, рец. № 30: «Клавиго».—3. «Отечественные записки», 1844, т. XXV, № 8, отд. 6, рец. № 265: «Избранные сочинения Гете» (повторение издания Бочарова).—4. «Литературная газета», 1844, № 30: «Избранные сочинения Гете». К этому списку мы имеем возможность прибавить еще три новые рецензии Белинского. Две из них о русском издании «Сочинений» Гете 1842 г. публикуются в настоящем сообщении; третья, — относящаяся к 1843 г., — о «Германе и Доротее» печатается ниже.

Принадлежность Белинскому двух анонимных рецензий на «Сочинения» Гете («Отеч. зап.», 1842, тт. XXI и XXII, отд. 56) доказывается самым содержанием высказанных в них взглядов. Уже известные нам по одновременным письмам и статьям Белинского эти его взгляды на литературное наследие немецкого поэта развиты в комментируемых рецензиях в более общей и принципиальной форме. Исходя из мысли о противоречивости творчества Гете, автор рецензий выступает с критикой его слабых сторон, которые нашли апологета в переводчике: его лирического субъективизма, «аскетической» созерцательности, «антиисторического направления», чуждого современной общественной борьбе, наконец — его личного эгоизма. Именно для Белинского особенно характерна та смелая, категорическая и авторитетная форма, в которой высказаны в рецензиях эти новые для своего времени взгляды. Характерно и словоупотребление: «аскетический», «чуждый всякого исторического движения, всяких исторических интересов». В письмах и статьях Белинского того времени мы находим почти текстуальные повторения отрицательных оценок в упомянутых рецензиях произведений Гете. Ср. о «Клавиго» — в письме Боткину (март 1842 г.): «без воли, без силы, прекрасная душа» («Письма», т. II, стр. 282); о пьесах «Стелла» и «Брат и сестра» (с которыми Белинский мог познакомиться только в рецензируемом издании) — в уже упомянутой статье о Державине (1843): «Что может быть приторнее и пошлее „Стеллы“, „Брата и сестры“, „Германа и Доротеи“? — а Гете был великий гений!» (VIII, 138); об «эгоизме» Гете в связи с эгоизмом Эгмонта — в особенности в письме к сестрам Бакуниным, романтическим почитательницам немецкого поэта (8 марта 1843 г.): «Опаснее бывает эгоизм, когда он добродушно сам считает себя самоотвержением, внутреннюю жизнью. Вникните в характер Эгмонта, и вы увидите, что это лицо играет святыми чувствами, как предметом возвышенного духовного наслаждения, но они, эти святые чувства, вне его и не присущи его натуре». «Для Эгмонта патриотизм не более как вкусное блюдо на пиру жизни, а не религиозное чувство». «Вот он — идеализированный, опоэтизированный холодный эгоизм внутренней жизни, который дорожит только собою, своими ощущениями, не думая о тех, кто возбудил их в нем...» («Письма», II, 350).

С другой стороны, именно позициям Белинского вполне соответствует во второй рецензии высокая оценка «Фауста» и в особенности — «Прометей» (ср. VI, 343—345 и «Письма», II, 189). Замечание, что «Фауст» — это «лирическая поэма в драматической

форме», текстуально повторено в статье о «Герое нашего времени» (1840): «Фауст есть лирическое произведение в драматической форме» (V, 296).

Не менее характерно для Белинского в эти годы противопоставление «филистерству» и «эгоизму» Гете высокого гражданского духа Шиллера, этого «поэта гуманности». Шиллер — «великая душа, закаленная в огне древней гражданственности», «Тибериус Гракх нашего века» («Письма», II, 350 и 246—247). Именно в этом смысле он назван в анонимной статье «потомком Арминиев» (т. е. Арминия — освободителя древних германцев).

Первое собрание сочинений Гете, послужившее поводом для двух анонимных рецензий, принадлежность которых Белинскому мы считаем совершенно бесспорной, имело только 3 выпуска, вышедшие в свет в 1842—1843 гг., и осталось незаконченным. Оно было построено по типу периодического издания, выходящего по подписке, с разбивкой по отделам и проходящей через все номера пагинацией каждого отдела.

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Литография И. Церро, 1840-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Выпуск 1. I. Драматические произведения: 1. Брат и сестра, комедия. 2. Клавиво, трагедия.— II. Повествовательная проза: 3. Добрые женщины, рассказ.— III. Ученые статьи: 4. Простое подражание природе, манера, стиль. 5. О Лаокооне.— IV. Мелкие статьи: 6. Значение индивидуальности. 7. Из моей жизни, отрывки. 8. Коцебу. 9. Из писем к консулу Шенборну в Алжир. 10. Свидание с Иффландом.— V. Примечания и объяснения переводчика.

Выпуск 2. I. Драматические произведения: 1. Заклад, комедия. 2. Стелла, трагедия.— II. Повествовательная проза: 3. Новелла.— III. Ученые статьи: 4. Об эпической и драматической поэзии. 5. Шекспир. 6. Правила для актеров.— IV. Мелкие статьи. Отрывки об Италии (7—10).— V. Примечания и объяснения.

Выпуск 3, вышедший в 1843 г., тремя тетрадами, составлен по измененному плану и содержит только начало перевода «Вильгельма Мейстера».

Об инициаторах этого предприятия в печатном «предуведомлении», разосланном в конце 1841 г., сообщалось довольно глухо: «Желание передать русской публике бессмертные произведения великого писателя Германии побудило несколько молодых

людей соединить труды и средства для достижения этой цели. Они обещают публике только труд и усердие и надеются оправдать ее доверие добросовестным исполнением принимаемых на себя обязанностей».

Белинский, как и другие рецензенты (см. «Северная пчела», 1842, № 172, стр. 686; «Дагерротип», 1842, тетр. VII, стр. 32), называет главным или единственным переводчиком И. Бочарова, выпустившего в том же 1842 г. сборник посредственных лирических стихотворений. Рецензия «Северной пчелы» называет Бочарова «переводчиком» и «вместе издателем своего перевода». «Мы знаем, что Бочаров — образованный молодой человек, только что вступающий на литературное поприще. Мы знаем также, что он занимается своим переводом с *an aplé*, переводит Гете для него самого; для того чтобы перевести писателя, которого любит всем сердцем, которого изучает с юношеским жаром. Других видов, других расчетов переводчик не имеет; он готов даже жертвовать своими выгодами, чтобы осуществить мысль, с которою вполне сроднился, которую лелеет в душе своей». Бочаров был, повидимому, энтузиастом и дилетантом, и его издание, явившееся плодом юношеского увлечения, очень быстро потерпело крушение вследствие своего дилетантского характера. Бочаров хорошо знал Гете и немецкую литературу о нем, которую он в изобилии цитирует в своих примечаниях: литературу биографов, комментаторов и апологетов, которые тогда уже, слепо поклоняясь великому поэту, восхваляли (говоря словами Энгельса) «всякое ф и л и с т е р с т в о Гете как ч е л о в е ч е с к о е» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Т. XXI, стр. 63). Для некритического энтузиаста Бочарова, типичного для поклонников немецкого философско-поэтического идеализма, все произведения Гете представлялись одинаково значительными. Он, повидимому, вполне сознательно, выбрал для первых выпусков своего издания произведения, совершенно не известные русскому читателю и в большинстве случаев незначительные, присоединив к ним теоретические высказывания Гете по вопросам искусства (наиболее ценное в этом издании) и автобиографические мелочи. Он пишет в тоне восторженно апологетическом: «Гете так всеобъемлющ, так разнообразен...». «Добрые женщины», — по его мнению, — гениальная безделка, написанная с тем же знанием человеческого сердца, которым отмечаются все произведения Гете. «Стелла» для него — одно из «чудно увлекательных произведений Гете».

Отвечая на первую рецензию «Отечественных записок», Бочаров, в примечаниях ко второму выпуску, берет Гете под защиту от тех критиков, «которые думают, что Гете написал много пустяков». «Литераторы, достигшие столь высокой точки зрения на Гете, могут писать и говорить, что им угодно: к счастью России, есть люди, которые, отдавая полную дань уважения гениальному писателю Германии, ценят в с ё, что появилось из-под его пера, находя и в самых маленьких его произведениях или глубокое знание человеческого сердца, или новую мысль, или новый взгляд, находя в них х а р а к т е р и с т и ч е с к и е черты самого Гете, важные для всякого, кто хочет д о с т а т о ч н о изучить его».

В специальном послесловии к этому выпуску, озаглавленном: «Несколько слов о переводе сочинений Гете», Бочаров еще раз полемически формулирует программу своего издания: «И „Вильгельм Мейстер“ и „Гец фон-Берлихинген“ будут помещены в свое время, вместе с другими п у с т ы а м и гениального писателя Германии, великого и в малом, который и при жизни имел бессильных врагов, поверхностных порицателей и безотчетных носителей» (Бочаров имеет в виду таких критиков Гете, как Менцель, Берне и др.).

Появление первого русского «Собрания сочинений» Гете и в особенности неудачный выбор произведений дали Белинскому повод высказать в печати свою новую критическую точку зрения на творчество немецкого поэта, лишь попутно наметившую в предшествующих статьях о русской литературе. В первой рецензии критические позиции Белинского намечены лишь в общей, тезисной форме. Апологетический ответ Бочарова заставил Белинского во второй рецензии развить свою мысль и выразить в более резкой и полемической форме свое осуждение «слепому уважению к авторитетам» и некритическому преклонению перед «великим германским поэтом», столь характерному для идеалистического направления литературной мысли конца 30-х годов.

<16>

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ОПИСАННЫЕ
ИМ САМИМ, СОЧ. Д. ДЕФО

Новый перевод с английского, П. А. Корсакова

*Издание, украшенное 200 рисунками Гранвиля. Санктпетербург. В тип. Фишера. 1842
160 стр. В. 8-ю д. л.*

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

(Цена каждого выпуска 1 р. сер., с перес. 1 р. 50 к. сер., всего сочинения 5 р., с перес.
6 р. сер.)

РОБИНЗОН КРУЗЕ. РОМАН ДЛЯ ДЕТЕЙ. СОЧИНЕНИЕ КАМПЕ.

Перевод с немецкого

*С картинками, рисованными г. Тиммом и вырезанными на дереве бароном Нет-
тельгеорстом. Часть в порая. Санктпетербург. 1842. В тип. С.-Петербургской
Городской полиции. В 12-ю д. л. 259 стр.*

Кому известно прекрасное французское издание «Робинзона Крузе» соч. Дефо, тот поймет, что такое и русское издание этой книги. Г. Корсаков задумал благое дело. Перевод его хорош, а издание, хоть и не французское, но очень опрятное и красивое, одно из лучших русских изданий в этом роде. Цена, по изданию, невысокая, — и нам несравненно выше кажется издание «Робинзона» Кампе, ибо оно на серенькой бумажке, чересчур скромненько напечатано, и всего на-все с тремя политипажками. Впрочем, скромный переводчик Кампе уже объявил, что эти два издания не повредят друг другу, ибо де одно для богатых, другое для бедных. Стало быть, последнее стоит копеек сорок серебром? — Нет: *два рубля серебром!*.. Странно!

«Отеч. зап.», 1842, т. XXIII, № 8, отд. VI, стр. 59—60».

<17>

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ОПИСАННЫЕ
ИМ САМИМ. СОЧ. Д. ДЕФО

Новый перевод с английского П. А. Корсакова

ВЫПУСК ВТОРОЙ

161—320 стр.

(Цена каждого выпуска 1 р. сер., с перес. 1 р. 50 к. сер., все сочинение 5 р., с перес.
6 р. сер.)

Перевод «Робинсона Крузо» соч. Дефо безостановочно подвигается вперед: в предыдущей книжке «Отечественных записок» говорили мы о первом выпуске, теперь является второй. Повторяем: это книга чрезвычайно полезная для детей по содержанию и духу своему, а прекрасное издание и 200 превосходных политипажей всего лучше могут приохотить детей к чтению. Русский перевод весьма хорош, как этого и должно было ожидать от такого опытного литератора, как г. Корсаков. Цена книги очень дешева, если взять в расчет изящество издания и необходимые для него значительные издержки. Разумеется, для бедных такие роскошные издания не по силам; но еще дороже для них плохая компиляция Кампе, напечатанная на серой бумаге, с двумя политипажками, и стоящая *два рубля серебром.*

«Отеч. зап.», 1842, т. XXIV, № 9, отд. VI, стр. 22».

<18>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

<О «РОБИНЗОНЕ КРУЗО» Д. ДЕФО>

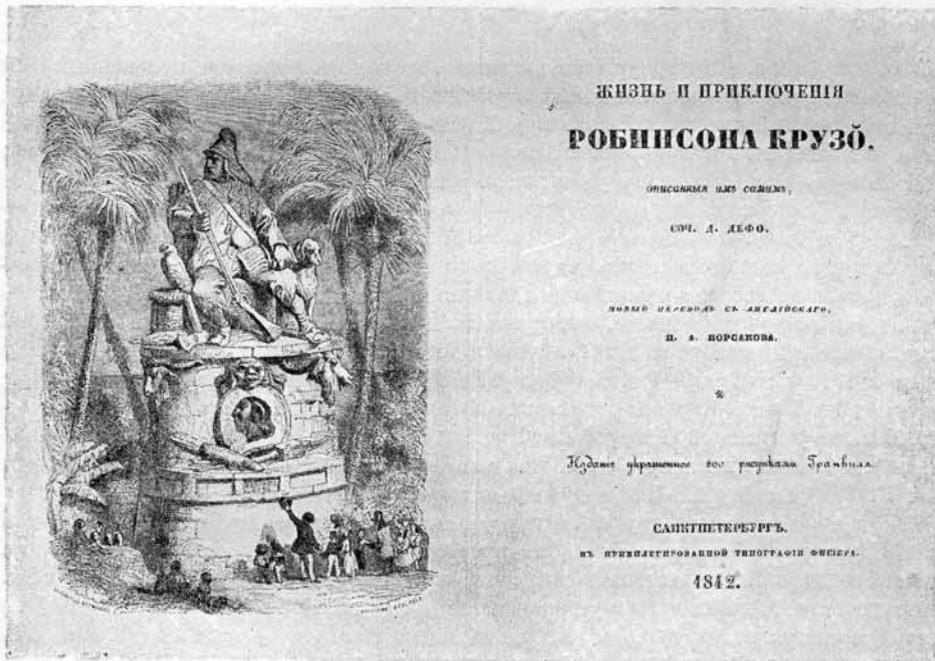
В 254 № «Северной Пчелы» напечатана статья: «Беспристрастие Отечественных Записок». Судя по этому великолепному названию статьи, можно подумать, что дело идет о смерти и жизни «Отеч. Записок», что беспристрастие их опровергается самими сильными доводами; а из содержания статьи оказывается, что против беспристрастия «Отеч. Записок» самим врагам их нечего сказать... Дело идет о переводе «Робинзона Крузо» Кампе, который, по уверению переводчика, имел огромный успех, но о котором «Отеч. Записки» сперва отозвались, *с высоты своего критического величия*, милостиво, а потом, забрав справки и узнав, что переводчик Кампе *имел честь в течение нескольких лет быть постоянным сотрудником Сев. Пчелы*, отозвались о нем немилостиво... Благодарим неизвестного переводчика Кампе за его высокое мнение об «Отеч. Записках» (видно, что ему и малейшего пятна не хочется видеть в них), но да успокоится он в своей похвальной ревности к чести нашего журнала: в нашем отзыве о его «Робинзоне» нет никакого противоречия. Правда, в первый раз мы сказали: «Новый перевод книги Кампе не лишний в нашей литературе, так бедной сколько-нибудь сносными сочинениями для детей; тем более не лишний, что он сделан порядочно, со смыслом и издан опрятно»; но к этому прибавили: «Что касается до картинок, — в первой части этого новоизданного и новопереведенного «Робинзона» их *только одна*, представляющая <погрудное изображение Робинзона с бородой и в каком-то колпаке; остальные шесть не что иное, как виньетки, и притом *весьма посредственные*». В другой раз, говоря о «Робинзоне» Дефо, издаваемом г. Корсаковым, мы заметили, что цена этого перевода, по изданию, не высока, и нам несравненно выше кажется цена издания «Робинзона» Кампе, ибо оно на серенькой бумажке, чересчур скромненько напечатано и всего-навсего с тремя политипажками. В третий раз мы назвали «Робинзона» Кампе плохую компиляцией, напечатанною на серой бумаге, с двумя политипажками. Переводчик Кампе видит страшное противоречие в трех наших отзывах о его книжонке, смалчивая про себя истинную причину этого мнимого противоречия. Дело в том, что в первый раз мы отозвались о его «Робинзоне», не сравнивая его с «Робинзоном» г. Корсакова, которого еще не было. И действительно, книжонка напечатана довольно опрятно, хоть и на серенькой бумаге; но, в сравнении с изданием г. Корсакова, она жалка и неопрятна, а между тем, по цене дороже книги г. Корсакова: последняя, великолепно и роскошно изданная, с 200-ми превосходными политипажками, по объему в пять раз больше первой, стоит *пять* рублей серебром; а первая с *двумя* политипажками (виноваты: во втором нашем отзыве мы почли виньетку за особый политипаж), в двух крохотных частицах, напечатанных на серенькой бумаге, стоит *два* рубля серебром. Все вещи оцениваются сравнительно одна с другой: если б переводчик Кампе за свою книжонку назначил *сорок копеек серебром*, — она была бы, *по цене*, прекрасно издана. А то, объявив, как о каком-то гражданском подвиге, что он издание свое назначает *для бедных людей*, пустил его по цене, чувствительной и не для бедных... Вот о чем мы говорили; но переводчик Кампе об этом именно и умолчал... Справок о сочинителях и переводчиках разбираемых нами книг мы никогда не забираем: это для нас и не нужно и не интересно, да и невозможно: кто успеет следить за этими ежедневными перебеганиями литературщиков из журнала в журнал, за этими вчерашними хвалебными гимнами новым госпо-

дам сочинителям, сегодняшними нападками на новых же господ, а завтрашними похвалами опять им же?.. Нет, мы не любим заглядывать на задний двор российской словесности, и не справляемся, кто нынче хулит, например, «Северную Пчелу», в которой вчера участвовал сам, или кто хвалит «Пчелу», недавно бранив ее...

«Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110—111».

Приход Белинского в «Отечественные записки» превратил этот журнал, как известно, в один из самых боевых органов прогрессивной критики и публицистики.

Руководящее участие Белинского в издании Краевского ознаменовалось, в частности, резким обострением полемики «Отечественных записок» со всем реакционно-охранительным лагерем петербургской и московской журналистики: с «Библиотекой

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РОМАНА «РОБИНЗОН КРУЗО» ДЕФО
В ПЕРЕВОДЕ П. А. КОРСАКОВА

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных Записках» № 9 за 1842 г.

для чтения» и «Сыном отечества», с только что созданным «Москвитянином» и «Северной пчелой». Poleмика велась по самым разнообразным вопросам современной литературы и эстетики. «Гадни и пошлы ссоры личные, но борьба за „понятия“ — дело святое, и горе тому, кто не боролся», — писал Белинский Боткину в конце 1842 г. («Письма», II, 322—323).

1842 год был одним из самых напряженных периодов в истории идейной борьбы Белинского. Это был год «Педанта» и знаменитых статей о «Мертвых душах», статей о Майкове, Баратынском, Полежаеве. В этих работах Белинский впервые отчетливо формулировал свои новые эстетические «понятия» и критерии в искусстве.

Через все эти работы проходит чрезвычайно ожесточенная полемика Белинского с Булгариным, Шевыревым, К. Ансаковым и с теми органами печати, в которых они сотрудничали. «Чувствую теперь вполне и живо, — писал Белинский Боткину в том же 1842 г., — что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — полемика» (там же, 289).

Особенно острой и напряженной была борьба Белинского с «Северной пчелой». Пожалуй, ни один из органов печати не упоминается в статьях Белинского этого периода так часто, как газета Булгарина и Греча.

Политическая физиономия этого издания хорошо известна. В условиях 30-х и особенно 40-х годов это был один из активнейших центров идеологической реакции и главный орган «охранительного направления», субсидированный III Отделением. Вот почему с каждым новым годом, по мере того как Белинский все более утверждался на позициях материализма и социализма, его борьба с «Северной пчелой» приобретала все более ожесточенные формы.

Один из эпизодов этой борьбы, относящийся к богатому событиями 1842 г., раскрывают три обнаруженные нами заметки Белинского.

* * *

В апреле 1842 г. в Петербурге вышла книга, на короткое время привлекавшая к себе всеобщее внимание. Это был анонимный перевод немецкой переделки «Робинзона Крузе», принадлежавшей педагогу и литератору XVIII в. Иоахиму Генриху Кампе: «*Robinson der Jüngere zur angenehmen und nützlichen Unterhaltung für Kinder, von J. H. Campe*», Hamburg, 1779 (был ряд переизданий).

В самом факте выхода русского издания книги Кампе ничего, собственно, примечательного не было. «Робинзон младший» принадлежал к числу наиболее популярных переделок-имитаций знаменитого романа. Достаточно указать, что за сто лет книга Кампе выдержала в Европе, в переводе на различные языки, до 200 изданий. В 1792 г. она была издана и на русском языке, в переводе Ф. Печерина: «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей». 2 части. М., 1792. Второе издание этого перевода вышло в 1819 г.: «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный г. Кампе. Перевод с немецкого. В четырех частях. Издание второе. Москва. 1819. В Университетской типографии». Укажем, что экземпляр этого издания (переплетенный в две книги) имелся и сохранился в личной библиотеке Белинского (см. в наст. томе: Л. Р. Ланский. «Библиотека Белинского»).

Как и в большинстве других литературных переделок знаменитого английского романа для детей, замысел оригинала претерпел у Кампе серьезные изменения. «Робинзон» Дефо был значительно сокращен, изменен, и, что самое важное, обеднен. Поверхностная дидактическая установка автора-педагога превратила сложный и богатый мыслями роман Дефо в рассудочно-назидательное и сентиментально-революционное поучение. Были изменены и некоторые существенные особенности стиля романа. Свободно развивающаяся повествовательная форма Дефо уступила место скучным, нравоучительным диалогам отца-учителя с его учениками:

«— Батюшка, не расскажете ли вы нам снова чего-нибудь?—спросил Готтлиб в один прекрасный вечер.

— С охотою,— отвечал отец».

Такова краткая экспозиция романа. Затем, в течение многих вечеров отец рассказывает своим детям и ученикам историю Робинзона, приправляя ее собственными морально-дидактическими сентенциями.

Тем не менее книга Кампе приобрела широкую популярность. Она вызвала, в свою очередь, особенно в Германии, ряд переделок, подражаний и продолжений. В 1811 г. в России вышел перевод одного из таких изданий: «Робинзонова колония, Продолжение Кампева Робинзона. Книга занимательная для детей» (пер. с нем. И... Л..., М., 1811). Спустя три года эта книга была переиздана, но уже под другим названием: «Приятная и полезная книга для детей или повествование о населении Робинзонова острова в Южной Америке, представленное в нравоучительных разговорах отца с детьми, служащее продолжением Нового Робинзона, сочинения Кампе» СПб., 1814).

А в 1842 г. в Петербурге вышел новый перевод самого сочинения Кампе: «Робинзон Крузе. Роман для детей. Сочинение Кампе». Ч. 1. СПб., 1842.

Белинский, всегда интересовавшийся детской литературой, откликавшийся почти на все новинки в этой области, естественно, не мог пройти мимо нового перевода «Робинзона», который, как сказано, он знал и имел в 1-м издании. Книга представляла для критика тем больший интерес, что он еще недавно хотел сам «составить историю Робинзона Крузо» для детей («Письма», II, 228).

В 6-м номере «Отечественных записок» за 1842 г. Белинский откликнулся на «Робинзона» Кампе рецензией, вошедшей в венгеровское издание его Полного собрания сочинений (VII, 237).

Белинский подчеркивает в своем отзыве бесспорное преимущество «Робинзона» Дефо перед подражанием Кампе, которое состоит «большею частью из педантических и

РОБИНЗОНЪ КРУЗО.

РОМАНЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОЧИНЕНИЕ КАМПЕ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

*Ся картинкама, рисоушными 4-мъ Тиммома и оз-
рванными на деревѣ Баронома Нестельгортома.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1842.

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СОЧИНЕНИЯ И. Г. КАМПЕ—
«РОБИНЗОН КРУЗО» (ПЕРЕРАБОТКА РОМАНА ДЛЯ ДЕТЕЙ), 1842 г.

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Отечественных
Записках» №№ 8 и 12 за 1842 г.

резонерских разговоров отца, рассказывающего детям историю Робинзона». Решительно оспаривая защищаемую русским переводчиком целесообразность (не только педагогическую, но и художественную) тех изменений, которые произвел Кампе в романе, Белинский обращает внимание на следующее обстоятельство.

У Дефо Робинзон запасается некоторыми инструментами с обломков корабля. Кампе эта деталь показалась недостаточно педагогичной, и он изменил ее. У него Робинзон остается на острове с пустыми руками. Из ничего он должен был сделать все. Белинский указывает на сомнительную педагогическую целесообразность подобных сюжетных перестроек. Белинский был противником нарочитого введения дидактики в переработки для детей произведений классической литературы. Он, например, горячо рекомендует детям «Дон-Кихота», «не искаженного, не переделанного» (X, 128). Хорошая детская повесть должна, по мнению критика, отличаться «художественностью истинного создания», а не «пошлою нравственностью» («Письма», I, 102).

Хорошо известна борьба Белинского в 30-е годы с болгаринской формулой «поучать забавляя» (такое определение задач писателя Булгарин дал в предисловии к своему

роману «Мазепа»). Белинский отвергал поверхностное, дидактическое морализирование не только в его грубом «полицейско»-булгаринском виде, но и в любой его форме, в том числе в художественных произведениях, предназначенных для детей.

Белинский был любителем и знатоком детской книги. Известна, например, его страсть к приключенческим романам. Он с живым интересом следил за всеми новинками детской литературы и даже мечтал сам когда-нибудь написать книгу для детей. Не случайно поэтому он так остро реагировал на малейшую фальшь в детской книге; понятна и позиция, занятая им в отношении «Робинзона» Кампе.

Итак, в единственно известном до сих пор отзыве Белинского на эту книгу общая оценка ее отрицательна. Назойливые резонерские разговоры в романе Кампе, по мнению критика, скорее «способны произвести в детях скуку и отвращение к морали, чем быть для них наставительными» (VII, 237).

Впрочем, в связи с остро ощущавшейся нуждой в детской книге, Белинский склонен был считать и перевод Кампе «не лишним», тем более, «что он сделан порядочно, со смыслом и издан опрятно» (там же).

Через несколько месяцев после выхода в свет «Робинзона» Кампе в Петербурге, в том же 1842 г., был издан новый перевод «Робинзона Крузо» Дефо, сделанный П. Корсаковым («Жизнь и приключения Робинсона Крузо, описанные им самим». Соч. Д. Дефо. Новый перевод с английского П. А. Корсакова. Ч. 1. СПб., 1842). Это был первый полный перевод знаменитого романа на русский язык.

Имя Петра Александровича Корсакова, посредственного писателя, цензора и переводчика, достаточно хорошо известно. В сочинениях и письмах Белинского это имя встречается нередко. Скептически относясь к художественным талантам Корсакова, Белинский, однако, ценил этого человека как опытного переводчика с английского и голландского языков и положительно отзывался о некоторых его статьях (IV, 121 и 265; IX, 137—147 и др.).

В 8-й книжке «Отечественных записок» за 1842 г. в отделе «Библиографическая хроника» появилась небольшая анонимная рецензия на 1-й выпуск корсаковского перевода «Робинзона Крузо» и, одновременно, на 2-ю часть перевода книги Кампе. Эта заметка, которую мы здесь публикуем, до сих пор ни в одно собрание сочинений Белинского не входила, хотя принадлежность ее критику, как мы увидим ниже, — бесспорна.

Автор рецензии отмечает хорошее качество перевода Корсакова, внешнюю опрятность издания и относительно невысокую цену книги. Он сопоставляет переделку Кампе с романом Дефо и отдает, естественно, все свое предпочтение последнему.

В следующем, 9-м, номере «Отечественных записок», в связи с выходом второго выпуска перевода «Робинзона Крузо» Корсакова, была помещена новая рецензия, тоже, вне всякого сомнения, принадлежавшая перу Белинского.

Эта анонимная рецензия начинается характерной для Белинского ссылкой на его предыдущий отзыв: «Перевод „Робинзона Крузо“ соч. Дефо безостановочно продвигается вперед; в предыдущей книжке „Отечественных записок“ говорили мы о первом выпуске, теперь является второй. Повторяем: это книга чрезвычайно полезная для детей по содержанию и духу своему...» («Отеч. зап.», 1842, т. XXIV, № 9, отд. VI, стр. 22).

Действительно, основные положения этой заметки почти буквально повторяют мысли, изложенные в предшествующей рецензии. В частности, автор снова отмечает хорошее качество перевода Корсакова, добротность внешнего оформления и относительно невысокую цену издания. В этой связи рецензент опять упоминает о «плохой компиляции» книги Кампе, «напечатанной на серой бумаге с двумя политипажками и стоящей два рубля серебром».

Несколько недель спустя после этого отзыва «Северная пчела» обрушилась на «Отечественные записки» негодующей заметкой, саркастически озаглавленной: «Беспристрастие „Отечественных записок“». Заметка была подписана: «переводчик „Робинзона“ Кампе». Ее автором был В. Межевич (в 1846 г. он выпустил второе издание перевода «Робинзона» Кампе и обозначил на титульном листе свое имя в качестве переводчика).

В обычном для булгаринской газеты тоне «Отечественные записки» обвинялись в непоследовательности, в забвении принципов добросовестной и беспристрастной кри-

тики, в путаной и противоречивой оценке «Робинзона» Кампе. Первый якобы благоприятный отзыв «Отечественных записок» о появившемся переводе книги Кампе автор заметки и он же переводчик книги объясняет тем, что редакция журнала еще не подозревала, кто автор русского перевода. Но, дескать, узнав впоследствии, что он сотрудник «Северной пчелы», резко изменила свое мнение:

«...видно, „Отечественные записки“, — писал автор заметки, — соображают свои приговоры с теми отношениями, в каких они находятся с издателями, автором или переводчиком. При выпуске в свет первого отзыва своего „Отечественные записки“, вероятно, не успели еще з а б р а т ь с п р а в о к о переводчике Робинсона; при выпуске второго уже они имели подозрение, а при выпуске третьего совершенно убедились, что переводчик имел честь, в течение нескольких лет, быть постоянным сотрудником „Северной пчелы“» («Сев. пчела», № 254, 12 ноября 1842 г.).

Из контекста заметки явствует, что «Северная пчела» подозревала в авторе всех трех рецензий в «Отечественных записках» одно лицо. Больше того, некоторые выражения, которые допускает в полемике газета, не оставляют никакого сомнения в том, что автором всех трех заметок она считала никого другого, как именно Белинского. Характерно, например, что «переводчик „Робинсона“ Кампе» цитирует одно место из «Отечественных записок» и в сноске иронически воспроизводит любимое и общеизвестное тогда уже выражение Белинского: «Выписываем с дипломатической точностью» (ср., напр., VII, 226 и 513; XII, 368 и др.).

Выступление «Северной пчелы», как и следовало ожидать, не было оставлено без ответа.

В 12-й книжке «Отечественных записок» за тот же 1842 г., в отделе «Смеси», были напечатаны «Литературные и журнальные заметки». Подборка состоит из семи небольших заметок. Шесть посвящены литературным темам, и лишь одна — специально историческому вопросу. Из первых шести заметок пять давно уже вошли в собрание сочинений Белинского — первоначально в издание Солдатенкова (ч. 6-я), а затем — Венгерова (VII). И только одна заметка из этих шести осталась невключенной ни в то, ни в другое издание сочинений критика. Между тем, она, бесспорно, принадлежит Белинскому и имеет непосредственное отношение к интересующему нас эпизоду.

Автор заметки открыто берет здесь под свою защиту три напечатанные ранее рецензии, в «Отечественных записках». Он отвергает обвинение «Северной пчелы» в непоследовательности и противоречиях, якобы обнаруженных газетой в этих рецензиях. Он разъясняет: когда писалась первая рецензия о переводе романа Кампе, корсаковского издания еще не было, и поэтому «Робинзон» Кампе мог удовлетворить известную потребность в детской книжке. Однако в сравнении с изданием Корсакова книга Кампе — «плохая компиляция», «жалка и неопрятна». «Все вещи, — добавляет автор заметки, — оцениваются сравнительно одна с другой...» («Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110).

Итак, во-первых, здесь совершенно точно повторяются аргументы, изложенные в предшествующих двух рецензиях, в отношении которых мы доказываем авторство Белинского. Достаточно внимательно прочитать все три заметки, чтобы убедиться в их принадлежности одному и тому же автору.

Во-вторых, последняя заметка («Отеч. зап.», № 12) не только общими своими выводами, но и в ряде случаев текстуально совпадает с той первой рецензией о Кампе, автором которой давно уже признан Белинский и которая вошла в венгеровское издание его сочинений.

Наконец, принадлежность этой заметки Белинскому подтверждается еще одним обстоятельством. Анонимный автор заметки пишет в ней: «Дело в том, что в первый раз мы отозвались о его „Робинзоне“, не сравнивая его с „Робинзоном“ г. Корсакова, которого еще не было. И действительно, книжонка напечатана довольно опрятно, хоть и на серенькой бумаге; но, в сравнении с изданием г. Корсакова, она жалка и неопрятна, а между тем, по цене дороже книги г. Корсакова. Последняя, великолепно и роскошно изданная, с 200-ми превосходными полнотипажамы, по объему в пять раз больше первой, стоит пять рублей серебром; а первая с двумя полнотипажамы (виноваты: во втором на-

шем отзыве мы почли виньетку за особый политипаж), в двух крохотных частицах, напечатанных на серенькой бумаге, стбит *два* рубля серебром» («Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VIII, стр. 110).

Эти слова почти текстуально совпадают с соответствующим местом в рецензии Белинского на книжку В. М. «Колосья», напечатанной в предшествующем, 11-м, номере «Отечественных записок» и вошедшей в венгеровское издание. Мы читаем тут: «...сюда не должно отнести полезную книгу Дефо, издаваемую г. Корсаковым, книгу, в которой и роскошь издания полезна, ибо эта книга издается для детей. „Робинзон Крузо“ Дефо, выходящий в шести ливреонах, по отношению к красивости издания гораздо легче для покупки, нежели плохая книжонка Кампе, посредственно переведенная и на дурной серой бумаге изданная с двумя картинками, а между тем стбящая д в а р у б л я серебром... „Робинзон“, издаваемый г. Корсаковым, дороже целыми тремя рублями, но зато он по объему впятеро больше „Робинзона“ Кампе, и в нем не две, а д в е с т и картинок, да, вдобавок, он и издан великолепно, роскошно» (VII, 458—459).

Автором книжки «Колосья», скрывшимся за инициалами В. М., был все тот же В. С. Межевич — переводчик «Робинзона» Кампе. И то и другое было, конечно, известно Белинскому. Разве случайно в рецензии о «Колосьях» он вспомнил книгу Кампе? Ведь никакой видимой связи между этими книжками не было!

За Межевичем была прочно закреплена репутация перебежчика. Он постоянно бросался от одного журнала к другому. Некогда, в период «Телескопа» и «Молвы», он был дружен с Белинским. Вскоре они разошлись. Межевич сотрудничал в «Отечественных записках». Затем сблизился с Булгариным, перешел в «Северную пчелу» и стал поносить журнал, к которому недавно был близок.

Именно Межевича имел в виду Белинский в рецензии о «Колосьях», когда писал: «...часто случается видеть, как иные сотрудники перебегают из одного журнала в другой, ссорятся с новыми своими патронами, перед которыми вчера еще печатно ползали и изгибались, потом мирятся с ними, потом снова перебраниваются...» (VII, 459).

Сравним это место с концом анонимной заметки («Отеч. зап.», № 12), которую мы приписываем Белинскому: «...кто успеет следить за этими ежедневными перебеганиями литературщиков из журнала в журнал, за этими вчерашними хвалебными гимнами новым господам сочинителям, сегодняшними нападками на новых же господ и завтрашними похвалами опять им же...».

Приведем, наконец, еще одну характеристику Межевича у Белинского: «Идой сказал бы, что не хорошо, недобросовестно перебегать из журнала в журнал, так сказать, от одного хозяина к другому и продавать свое мнение...» (XIII, 73).

Близость всех трех текстов, из которых два уже известны как принадлежащие Белинскому, настолько очевидна, что можно было бы ограничиться лишь одним этим сопоставлением для доказательства принадлежности анонимной заметки в 12-м номере «Отечественных записок» 1842 г. перу критика.

Приведем, однако, и другие аргументы. Стилистическая манера, в которой написана интересующая нас заметка, со своей стороны убедительно подтверждает авторство Белинского. Мы встречаем в ней ряд очень характерных для Белинского выражений. Ограничимся одним, но выразительным примером. Ср.: «Нет, мы не любим заглядывать на в а д н и й д в о р российской словесности» (заметка) и «...вы увольте нас от тяжкой обязанности разрывать грязь, которою завален в а д н и й д в о р нашей литературы» (IV, 301).

Авторство Белинского подтверждается далее рассмотрением заключительного эпизода полемики критика с «Северной пчелой». В эту полемику неожиданно включился еще один орган — «Сын отечества». В 12-й книжке журнала за тот же 1842 г. появился запоздалый отклик на корсаковский перевод «Робинзона». Но Корсаков был лишь поводом к выступлению. Истинная причина была другая — пресловутый перевод В. Межевичем книги Кампе и нападки Белинского на это издание.

Автор анонимной заметки в «Сыне отечества» пишет: «С этим переводом случилось довольно замечательное и чудное приключение». Затем он напоминает, что «все известные» журналы воздали должное переводчику, как «вдруг один толстый журнал

«Отеч. зап.» проведаль, что переводчик, не объявивший своего имени, не кто иной как сотрудник тонкого журнала «Северная пчела», с которым толстый журнал ведет семилетнюю войну и, по всем признакам, по окончании войны семилетней, намеревается начать тридцатилетнюю» («Сын отечества», 1842, № 12, отд. VI, стр. 80).

«Сын отечества», конечно, солидаризируется с «Северной пчелой» и повторяет ее версию о непоследовательности «Отечественных записок».

Нет никакого сомнения, что и для «Сына отечества» не было секретом, что автором всех заметок в «Отечественных записках» о переводе кампевского «Робинзона» было одно и то же лицо — Белинский.

Об этом же, наконец, свидетельствует и еще одно обстоятельство. Рядом с отзывом о Кампе в «Сыне отечества» помещена другая заметка — о романе И. Калашникова «Дочь купца Жолобова», подвергнутом Белинским в 11-й книжке «Отечественных записок» резкой критике (VII, 452—453). «Сын отечества» снова обрушивается на «Отечественные записки» за эту, якобы необоснованную критику. Заявив, что роман И. Калашникова «читают все с удовольствием», анонимный автор язвительно восклицает далее, прибегая к риторическому вопросу: почему «многие глубокие, философские и исторические статьи возбуждают скуку страшную и даже тоску?.. Почему же чистые „перлы создания“ многим кажутся чистую, высокопарною бестолковщиной?» («Сын отечества», 1842, № 12, отд. VI, стр. 85).

В этих словах содержится уже откровенный выпад против Белинского. Как известно, именно в таких выражениях обычно третировала статьи великого критика реакционная журналистика.

Белинский не отозвался на выпад «Сына отечества». Своим ответом «Северной пчеле» он уже исчерпал предмет полемики и не считал нужным вновь возвращаться к ней. Изученный нами эпизод из истории борьбы Белинского с «Северной пчелой» дал возможность установить принадлежность критику трех ранее не известных заметок его, опубликованных выше.

С. М а ш и н с к и й

<19>

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

СОЧИНЕНИЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Издание пятое, в трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов, с полными примечаниями, украшенное портретом автора, гравированным на стали в Лондоне. Издание И. Эйнерлинга. Книга II (томы V, VI, VII и VIII). Санктпетербург. В тип. Э. Праца. 1842. В 8-ю д. л. 242, 228, 142 и 188 стр. текста, 178, 104, 68 и 82 стр. примечаний.

(Цена за все сочинение 50 р. асс.; за каждую книгу отдельно 5 р. сер.; весов. каждой книги за 4 фунта)

Прекрасное издание г-на Эйнерлинга продолжается безостановочно и снискивает себе более и более похвалы в публике. Теперь вышла вторая книга, вмещающая в себе пятый, шестой, седьмой и восьмой томы «Истории Государства Российского» со всеми относящимися к ним примечаниями и дополнениями, сделанными после историографом. Остается издать еще последние четыре тома с «Перечнем происшествий до вступления на престол дома Романовых», «Статьею о древней и новой России» и «Азбучным указателем», который вновь переделывается для этого издания г-м Строевым, и тогда предприятие г-на Эйнерлинга вполне будет кончено. Удобство компактного печатания нигде так ясно не обнаруживалось, как в этом издании. Книга, заключающая в себе полные четыре тома «Истории» со всеми «Примечаниями» в переплете, будет не толще каждого из прежних 12-ти томов той же «Истории», а между тем шрифт, которым напечатана книга, весьма удобен для чтения. Душевно желаем, чтоб кто-нибудь, побужденный успешным примером г. Эйнерлинга, пред-

принял подобные же издания всех сочинений Ломоносова, Державина, Жуковского и даже литературных произведений Карамзина. О компактном издании Пушкина мы и думать не смеем: вероятно, долго еще его не дождемся.

⟨Отеч. зап.», 1842, т. XXV, № 12, отд. VI, стр. 46⟩.

«История государства Российского» Н. М. Карамзина пользовалась особыми симпатиями Белинского. В статье «Русская литература в 1841 году» Белинский писал: «Ум цепенеет перед огромностью подвига, совершенного Карамзиным; он писал историю, он же и разрабатывал решительно нетронутые материалы для нее... До сих пор ни одна попытка написать историю России не только не помрачила великого творения Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при нем...» (VII, 19 и 20).

В 1842 г. издателем И. Эйнерлингом было предпринято 5-е («компактное») издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в трех книгах, вышедшее в течение 1842—1843 гг. В «Отечественных записках» появились три рецензии на это издание: в № 7 1842 г. — на первую книгу, в № 12 1842 г. — на вторую книгу и в № 7 1843 г. — на три книги (четвертая книга в издании Эйнерлинга являлась приложением и содержала «Ключ» к «Истории Карамзина», составленный Строевым). Последняя рецензия вошла еще в солдатенковское издание собрания сочинений Белинского; рецензия на первую книгу отмечена в составленных Галаховым для издания Солдатенкова списках отзывов Белинского, опущенных в этом издании «по незначительности», а рецензия на вторую книгу выпала из поля зрения Галахова. С. А. Венгеров перепечатал в Полном собрании сочинений Белинского (VII, 266—268 и VIII, 257—261) рецензии из «Отечественных записок» 1842 г., № 7 и 1843 г., № 7 (т. е. рецензии на первую книгу и на все издание), причем в отношении отзыва о первой книге «Истории государства Российского», отмеченного в галаховских списках, сделал оговорку, что он не убежден в принадлежности его Белинскому, так как находит «странный для Белинского слог: „следственно“, „творение“ и т. д.» (см. VII, 599, прим. 169). Для нас несомненно, что в данном случае С. А. Венгеров проявил излишнюю сомнительность. В слоге этого отзыва нет ничего «странного» для Белинского. Правда, слово «следственно» употреблялось Белинским сравнительно редко (чаще «следовательно»), но полностью оно не исключено из лексикона критика и встречается в его текстах вместе с такими словами, как «посему», «отседе» и др. Так, например, в рецензии на «Сказку за сказкой» (СПб., 1841) читаем: «Из этого можно заключить, что у нас так много хороших нувеллистов, а следственно, и хороших повестей...» и т. д. (VI, 351); или: «Мужицкая жизнь сама по себе мало интересна для образованного человека; следственно, нужно много таланта, чтобы идеализировать ее до поэзии» и т. д. (рецензия на «Листовку», СПб., 1841—VI, 201. — Разрядка наша. — Ю. М.). Встречается слово «следственно» и в других статьях и рецензиях Белинского (см., напр., VI, 162, 191; VII, 224, 229 и др.; XII, 377, 397 и др.). Что касается слова «творение», то оно не сходит со страниц сочинений Белинского и употребляется критиком значительно чаще, чем слова: «сочинение» или «произведение». Например: «никакое колоссальное творение искусства» (VII, 30); «верность натуре в творениях Гоголя» (VII, 43); «но те творения Пушкина» (VII, 45); «является творение чисто русское» (VII, 253) и т. д. (разрядка наша. — Ю. М.). «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина Белинский почти везде и чаще всего называет именно «творением», например: «с этой стороны еще никто и не взглянул на великое творение Карамзина» (VII, 19); «и потому его „История государства Российского“ есть творение зрелое» (V, 128) и т. д. (см. также VII, 19; X, 316, и др. — Разрядка наша. — Ю. М.). Мы считаем, таким образом, что сомнения С. А. Венгерова в данном случае неосновательны и свидетельство Галахова об авторстве Белинского соответствует действительности.

Остается решить вопрос об авторе рецензии на вторую книгу «Истории государства Российского», помещенную в № 12 «Отечественных записок» 1842 г. Эта рецензия, как и рецензия на первую книгу, о которой мы говорили выше, не дает какой-либо конкретной оценки работы Карамзина по существу, а отмечает лишь внешние достоинства компактного издания Эйнерлинга: наличие «исправлений» и «замечаний», сделанных

историографом, наличие приложений («Перечень происшествий до вступления дома Романовых на российский престол» и статья Карамзина «О древней и новой России») и «Азбучного указателя». Все эти положительные стороны издания были отмечены Белинским в рецензии на первую книгу «Истории». Далее, в отзыве о первой книге Белинский, между прочим, писал: «Вышедшая ныне первая книга издана превосходно. Четкий и красивый шрифт, удобный и чрезвычайно вместительный формат, чистая бумага и прекрасно гравированный портрет историографа, — ставят ее наряду с лучшими европейскими книгами этого рода. Все это издание может похвалиться образцовым, как по обдуманности и полноте его, так и по наружному изяществу. Мы советовали бы нашим издателям поучиться у г. Эйнерлинга печатать творения тех писателей, которые имеют важное значение в русской литературе. А то, поглядите, как изданы у нас Ломоносов, Державин, — смотреть совестно...» (см. VII, 267—268).

Эта же мысль получает развитие в отзыве о второй книге: «Душевно желаем, чтобы кто-нибудь, побужденный успешным примером г. Эйнерлинга, предпринял подобные же издания всех сочинений Ломоносова, Державина, Жуковского и даже литературных произведений Карамзина. О компактном издании Пушкина мы и думать не смеем: вероятно, долго еще его не дождемся».

Если учесть особый интерес Белинского к настоящему изданию «Истории» Карамзина (кроме рецензий в «Отеч. зап.» 1842 г., № 7 и 1843 г., № 7, ему посвящена значительная часть «Библиографических и журнальных известий» в № 2 «Отеч. зап.» 1842 г., которые публикуются в настоящем томе «Литературного наследства»; это же издание критик упоминает и в своей статье «Русская литература в 1842 году»), а также то обстоятельство, что продолжающиеся издания Белинский, как правило, рецензировал единолично, то все приведенные данные, в своей совокупности, дают полное основание считать его автором рецензии и на вторую книгу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Ю. М а с а н о в

<20>

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

ПОЭМА В IX ПЕСНЯХ ВЕЛИКОГО ГЕРМАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГЕТЕ

Перевел Ф. Арефьев

Москва. В тип. С. Селивановского. 1842. В 12-ю д. л. 155 стр.

Г. Арефьев очень остроумно придумал сказать на заглавном листке своего перевода, что это произведение «великого» писателя: без этой предусмотрительной черты характера почтенного переводчика никто бы не признал в авторе «Германа и Доротея» великого поэта. Но теперь — другое дело: многие испугаются сколько имени Гете, столько и титула «великого», и, пожалуй, будут восхищаться «Германом и Доротеєю», как действительно превосходным творением. Что касается до нас, мы не из числа робких, и нас мудроно запугать фразою, как бы она ни была громозвучна. И потому, считая Гете действительно «великим германским поэтом», мы, тем не менее, не усомнимся сказать прямо и просто, что его «Герман и Доротея» — прежалкое произведение в пухло-водяно-сантиментальном вкусе пастушеской эпопеи Геснера и Битобе... Трудно вообразить себе что-нибудь приторнее и надутее этой поэмы, которая писана гекзаметрами и в которой действующими лицами — трактирщик с женою и сыном, сосед-аптекарь и деревенский пастор!.. Не угодно ли, например, полюбоваться, как нежный и почтительный сын хвалится любовью и уважением к своему дражайшему родителю: «Когда однажды, при выходе почтенного родителя моего из церкви, товарищи мои осмелились над ним насмеяться, избрав предлогом к тому его красный колпак и цветной пла-

фор, пожертвованный им сегодня в пользу несчастных, о, тогда, вне себя, я бросился на дерзких и осыпал их моими ударами; с воплем и *разбитыми носами* искали они в бегстве спасение от бешенства моего...» Как это должно быть хорошо в гекзаметрах!..

Перевод довольно плох, т. е. достоин поэмы; издание серенькое; опечаток очень много, и так как они заключаются все в букве *ъ* и *е*, то их легко можно принять за доказательство безграмотности — корректора, разумеется...

«Отеч. зап.», 1843, т. XXVI, № 1, отд. VI, стр. 12—13».

Принадлежность Белинскому публикуемой нами анонимной рецензии на «Германа и Доротею» Гете в переводе Ф. А. Арефьева (Москва, 1842) не вызывает сомнений. По своей резко отрицательной оценке этого произведения рецензия вполне совпадает с другими одновременными высказываниями Белинского. «Недавно прочел я его „Германа и Доротею“ — какая отвратительная пошлость!» — пишет Белинский сестрам Бакуниным 8 марта 1843 г. («Письма», II, 351). Можно думать, что этот отзыв написан под впечатлением недавнего чтения перевода Арефьева и что именно в этом переводе Белинский и познакомился впервые с поэмой Гете. В статье о Державине, напечатанной в том же году (1843), «Герман и Доротея» упоминается как произведение «приторное и пошрое, недостойное «великого гения Гете», — рядом с «Братом и сестрой» и «Стеллой», одновременно опубликованными Бочаровым (VIIII, 138).

Перевод Арефьева предназначался для читателя из мещанских кругов. В предисловии переводчик выражает надежду, что «этот труд увеличит число полезных и приятных книг, издаваемых у нас с некоторого времени для среднего и низшего класса читающей публики». Неуклюжая проза Арефьева усугубляет мещанский характер, присущий идиллии Гете. Напыщенное и рекламное заглавие перевода и на этот раз подсказало Белинскому суровую отповедь некритическому низкопоклонству перед «великим германским писателем Гете».

Обиженный переводчик отвечал рецензенту «Отечественных записок» на страницах «Москвитянина» (1843, ч. I, стр. 631: «Ответ г. Арефьева»). Ссылаясь на высказывание самого Гете, он выдвигает основной принцип старой романтической эстетики — право поэта на «полную свободу в выборе предметов для его рассказа». «Если рецензенту не нравятся содержание поэмы потому только, что в ней действующими лицами „трактирщик с женою и сыном, сосед-аптекарь и деревенский пастор“, — то в этом-то собственно и заключается тайна Гетева искусства, который, избрав их героями своей поэмы и на хлопотах о женитьбе Германа — этой, повидимому, ничтожной канве — основав рассказ свой, умел украсить его необыкновенною силою красноречия и связать с важнейшими интересами современного мира».

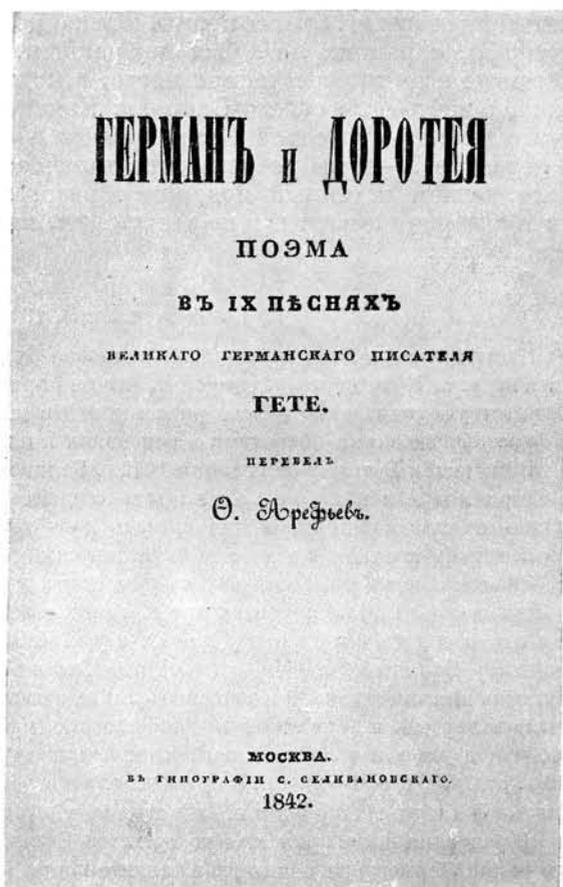
Таким образом, анонимная рецензия Белинского послужила поводом для одного из первых полемических столкновений между «Отечественными записками» и «Москвитянином».

Известно, что русская революционно-демократическая критика еще раз в лице Чернышевского на том же примере «Германа и Доротеи» вернулась к принципиальной теме, выдвинутой Белинским в связи с критикой Гете.

В статье «Об искренности в критике» (1854) Чернышевский призывает критику к беспощадной борьбе против таких художественных произведений, которые, при всех своих художественных достоинствах, могут быть в общественном отношении вредными, не считаясь при этом с некритически понятым авторитетом великих имен. Развивая популярное замечание Белинского, Чернышевский считает «Германа и Доротею» произведением сентиментальным и «приторным», хотя и «превосходным в художественном отношении», а «приторное идеальничанье» — «очень вредною для немцев болезнью». «Очень хорошо поступили бы вы, если б, бывши немецким критиком шестьдесят лет назад, излили всю желчь негодования на эту вредную поэму, отказались бы на время слушаться мягких внушений вашего глубокого уважения к имени того, кто был славою немецкого народа, не побоялись бы упреков в запальчивости, в опрометчивости, в неуважении к великому имени, и холодно и коротко сказав, что поэма написана хо-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПОЭМЫ
ГЕТЕ «ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ»
В ПЕРЕВОДЕ Ф. АРЕФЬЕВА

Этому изданию посвящена неизвестная ранее рецензия Белинского в «Отечественных Записках» № 1 за 1843 г.

рошо (на это найдутся и сотни перьев кроме вашего), как можно резче напали бы на вредную сентиментальность и пустоту ее содержания, постарались бы, насколько сил ваших достанет, доказать, что поэма Гете жалка по содержанию, по направлению» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. I. 1906, стр. 154).

В. Жирмунский

<21>

«ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ИЗМАИЛ-БЕЯ» ЛЕРМОНТОВА»

В то время как второе (полное) издание стихотворений Лермонтова вышло в свет, я случайно и неожиданно получил целую поэму Лермонтова, еще не известную публике. Это одно из первых, одно из самых ранних, можно сказать детских произведений покойного поэта, и, конечно, он никогда не напечатал бы его при своей жизни. В «Измаиле-Бее» всё не зрело — и план целого и отделка подробностей; многие места слабы и растянуты, многие стихи даже поражают неточностью и прозаичностью выражения; но, несмотря на то, концепция поэмы, тон ее выражения, многие отдельные места, многие отдельно взятые стихи носят на себе отпечаток мощного и глубокого духа поэта, и вообще все это произведение может служить фактом поэзии, духа и характера Лермонтова. Тут

читатели встретят, в герое поэмы, тот же колоссальный, типический образ, который, с ранних лет, был избранным, любимым идеалом и являлся потом во всех произведениях поэта, в котором Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона. Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено как общее достояние современного общества и потомства, — и мы уверены, что, помещая «Измаила-Бей» в нашем журнале, делаем истинный подарок образованной части русской публики, хотя по причинам, от нас не зависящим, мы и не могли напечатать вполне всю поэму.

Р е д а к ц и я

⟨Отеч. зап.⟩, 1843, т. XXVII, № 3, отд. 1, стр. 1—2.

Несмотря на то, что примечание написано от лица редактора «Отечественных записок», т. е. Краевского, несомненно, что оно принадлежит Белинскому. Об этом свидетельствует совпадение целого ряда мыслей и выражений в примечании с мыслями и фразеологическими оборотами в рецензиях и письмах Белинского.

В письме к Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский называет «Демон» «детским, незрелым и колоссальным созданием» («Письма», II, 284). Ср. в примеч. «Одно из самых ранних, можно сказать детских произведений... все незрелое... тот же колоссальный, типический образ...».

Знаменитые слова Белинского о Лермонтове «глубокий и могучий дух!» («Письма», II, 108) повторены в примечании: «...стихи носят на себе отпечаток мощного и глубокого духа поэта...». В рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» Белинский сообщает о том, что «Измаил-Бей» будет напечатан в одной из следующих книжек журнала и в связи с этим замечает, что «все написанное им ⟨Лермонтовым⟩ интересно и должно быть обнародовано, как свидетельство характера духа и таланта необыкновенного человека» («Отеч. зап.», 1843, т. XXVI, № 1, отд. VI, стр. 1—2). Ср. в примеч.: «... и вообще все это произведение может служить фактом поэзии, духа и характера Лермонтова».

В рецензии на «Героя нашего времени» Белинский сообщает, что в IV части стихотворений Лермонтова читатели таланта поэта «будут иметь всё, до последней строки, что было им написано и теперь открыто» («Отеч. зап.», 1844, т. XXXII, № 2, отд. VI, стр. 52—53). Ср. в примечании: «Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено как общее достояние современного общества и потомства...».

В «Библиографических и журнальных известиях» Белинский пишет: «...Находить сродство в духе Лермонтова с духом Байрона... и, при условии полного развития Лермонтова, провидеть в нем не такое же точно (что не возможно), но соответственное Байрону явление, — это, по нашему мнению, нисколько не смешно, тем более, что близко к истине» («Отеч. зап.», 1843, т. XXVII, № 4, отд. VI, стр. 73—77). Ср. в примечании: «...Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона».

Таким образом, авторство Белинского в примечании к первой публикации «Измаила-Бей» Лермонтова представляется несомненным.

Э. Н а й д и ч

⟨22⟩

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Русский Инвалид, значительно увеличивший свой формат в начале нынешнего года и сделавшийся полною политической и литературною газетою с ежедневным фельетоном, — еще более расширился в своем объеме с половины года, т. е. с 1-го июля. Этого превращения, разумеется, не заметили наши газеты, старающиеся подсматривать в других только мелкие обмолвки и опечатки и не без умысла молчащие об улучшениях в чужих журналах, но мы сочли бы за грех не сказать об этом нашим читате-

лям. — Да, «Русский инвалид» обращает теперь на себя внимание образованнейшей части русской публики, которая находит в нем почти всё, что ей нужно: самые свежие новости о заграничных политических происшествиях, полную и современную хронику всех достопримечательных событий в отечестве; постановления правительства по всем отраслям государственной жизни; известия о замечательнейших явлениях русской и иностранной литературы, русского и иностранного театров, о движении наук в Европе; уведомления об открытиях и усовершенствованиях по разным частям человеческой деятельности, и наконец мелкие статьи легкого и, нередко, забавного содержания; — словом, в этом обширном издании есть всё, что составляет жизнь ежедневной газеты, уважающей себя и своих читателей; нет одного только: брани, сплетен и проч. Своевременность помещения фельетонных статей в «Инвалиде» доказывается и тем еще, что смесь некоторых ежемесячных русских журналов составляет почти из тех же самых статей, которые уже были в нем напечатаны. Разница в том только, что эти статьи в журналах печатаются месяцем позже. Для примера, читатели «Инвалида» могут сравнить смесь *июльской* книжки «Библиотеки для чтения» с фельетонами «Инвалида» за *июнь* месяц, — сходство разительное! — Расширив свой формат с 1-го июля, эта газета дает теперь ежедневно *целым столбцом* больше, нежели сколько давала с 1-го января нынешнего года, так что теперь «Русский инвалид» есть *самая большая*, самая обширная из всех русских ежедневных газет. И такое увеличение объема сделано было без всякого предуведомления со стороны редакции, без малейшей надбавки подписной цены! А, между тем, давая по одному лишнему столбцу ежедневно, «Инвалид» даст в год 300 лишних столбцов, или *25 полных номеров ли них*, которые составляют, так сказать, лишний месяц в году! Другие давным давно прокричали бы о таком усовершенствовании своего издания, предпослали бы ему несколько зазывных статей, да и после долго бы еще не замолкли. Но редакция «Инвалида», как видно, богатая средствами и материалами для своего издания, скромно делится ими с своими подписчиками, нисколько тем не хвастаясь и не требуя от них за то ничего лишнего. — Душевно желаем, чтоб она и в будущем году продолжала свое издание с такою же добросовестною деятельностью. Давно слыщали мы желание публики видеть русскую политическую и литературную газету, соответствующую своей важной цели. Теперь публика имеет такую газету и должна обратиться на нее полное свое внимание.

Сочинения *Зенеиды Р—вой* (Елены Андреевны Ган) уже совсем отпечатаны в четырех частях и поступят в продажу в первых числах следующего месяца. Мы уже имеем экземпляр этой прекрасной книги — истинного подарка для читателей в нынешнее бесплодное для русской литературы время, и поговорим о «Сочинениях Зенеиды Р—вой» подробно в следующей книжке нашего журнала.

«Отеч. зап.», 1843, т. XXIХ, № 8, отд. VI, стр. 80—81).

В своем отзыве о «Русском инвалиде», данном в настоящих «Известиях», анонимный автор, в несколько расширенном виде, повторяет отзыв Белинского об этой газете в «Библиографических и журнальных известиях», напечатанных за полгода перед тем в «Отеч. записках» (1843, т. XXVI, № 2, отд. VI, стр. 90—92). В этом легко убедиться, сопоставив эти два отзыва.

В первых «Известиях» Белинский писал: «С увеличением своего формата и расширением программы эта газета совершенно переродилась. В каждом ее номере есть ф е л ь е т о н, рассуждающий с публикою о замечательнейших явлениях современной русской литературы, об интереснейших новостях русского и заграничного мира» (VIII, 120—121). То же утверждает анонимный автор вторых «Известий»: «Русский ин-

валид", значительно увеличивший свой формат в начале нынешнего года и сделавшийся полною политической и литературною газетою с ежедневным фельетоном, — еще более расширился в своем объеме с половины года... „Русский инвалид“ обращает теперь на себя внимание образованнейшей части русской публики, которая находит в нем почти всё, что ей нужно: самые свежие новости о заграничных политических происшествиях... известия о замечательнейших явлениях русской и иностранной литературы».

В первых «Известиях» Белинский говорил: «Можно сказать без преувеличения, что в „Инвалиде“ русская публика имеет теперь газету, во всех отношениях соответствующую требованиям от изданий такого рода» (VIII, 121). — Во вторых «Известиях» анонимный автор пишет: «Давно слышали мы желание публики видеть русскую политическую газету, соответствующую своей важной цели. Теперь публика имеет такую газету».

В первых «Известиях» мы читаем: «В „Инвалиде“ читатели находят всё, что можно встретить во многих только газетах; не находят в нем разве одного — полемики, сплетен, несообразных с достоинством газеты официальной» (VIII, 121). — Во вторых «Известиях» анонимный автор утверждает: «В этом обширном издании есть всё, что составляет жизнь ежедневной газеты, уважающей себя и своих читателей; нет одного только: брани, сплетен и пр.».

В первых «Известиях» Белинский писал: «Пожелаем, чтоб преобразованная в нынешнем году газета, поддерживая в себе этот характер, т. е. соединяя благородство тона и направления с занимательностью и разнообразием содержания, вывела, наконец, русскую публику из бедственной необходимости довольствоваться жалкими листками печатной бумаги...» (VIII, 121). — Во вторых «Известиях» анонимный автор говорит: «Душевно желаем, чтоб она и в будущем году продолжала свое издание с такою же добросовестною деятельностью».

Очевидно, что автор обоих отзывов о «Русском инвалиде» одно лицо, т. е. Белинский.

Следующая за отзывом о «Русском инвалиде» заметка с извещением о выходе в свет сочинений Зенеиды Р—вой (Е. А. Ган) и обещанием поговорить о них подробно в следующей книжке «Отечественных записок» также, несомненно, принадлежит Белинскому, который один из всех сотрудников «Отечественных записок» обычно давал обещание поговорить подробно в отделе «Критики» о тех или иных литературных явлениях. Обещание, данное в этой заметке, Белинский выполнил, поместив в 10-й книжке «Отечественных записок» за 1843 год большую статью о сочинениях Зенеиды Р—вой.

В. С п и р и д о н о в

<23>

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ИЛИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПРОЗЕ И СТИХАХ

*С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ ПРАВИЛ РИТОРИКИ И ПИИТИКИ
И ОБОЗРЕНИЕ (?) ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННАЯ
Н. ГРЕЧЕМ*

*Издание третье исправленное и дополненное. Четыре части. Санктпетербург
В типографии К. Жернакова. 1844. В 8-ю д. л. 360, 316, 337 и 334 стр*

Всё в мире движется; рушатся старые системы, почитавшиеся непреложными, и рождаются новые; движется земля вокруг солнца, имеет, как недавно доказано, свое движение самое солнце; наконец, даже история г. Кайданова, в последние годы жизни ее автора, являлась в свет не иначе, как «исправленною» и «дополненною». Не движутся только «Английский милорд Георг», «Приключение Мирамонда», грамматика и арифметика Меморского и, наконец, грамматика и все учебники русского языка г-на Греча. Сюда должно отнести и «Учебную книгу русской словес-

ности», несмотря на то, что на первой странице третьего издания всех частей четко напечатано: «издание третье исправленное и дополненное»... исправленное и дополненное! чем — дополненное? выписками или *избранными местами* из печатных книг?.. как исправленное?.. А вот как. Начнем с первой страницы. Вникните, пожалуйста; дело идет о риторике.

«§ 1. Человек, употребляя дар слова, может иметь одну из следующих целей: 1) сообщить другим свои мысли, 2) управлять их волею и деяниями и 3) действовать на их чувство и воображение.

§ 2. Проза, происходящая из разума, говорит о мире действительном, об истинах, относящихся к пользе житейской и нравственной. Поэзия, рождающаяся в воображении и чувствах, действует на душу вымыслами, облеченными в изящную форму. Прозаик, стараясь постигнуть действительную природу, описывает ее. Поэт творит свой мир идеальный, и действительный мир изображает украшенным игрою фантазии.

§ 3. Правила писать прозою заключаются в *риторике*. В пиитике излагаются правила поэзии и стихотворства».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ

§ 4. Риторика заключает в себе правила излагать изустно или на письме мысли свои, сообразно с предположенною целию. Цель сия, как видно из § 1, может быть двойная, теоретическая и практическая: в первом случае имеет намерение действовать только на ум человека, в последнем и на волю его. От сего происходит разделение прозы на *низшую* и на *высшую*. Первая служит только для сообщения другим наших мыслей; последняя, называемая иначе красноречием, составляет переход от собственной прозы к поэзии, ибо употребляет для достижения цели своей все средства, действуя на мысли, волю и воображение; и пр. и пр.

Глава первая

О ПРЕДМЕТЕ ИЛИ СОДЕРЖАНИИ СОЧИНЕНИЯ

1. Об изобретении или выборе

§ 6. Предмет сочинения избирается самим пишущим или предлагается ему другим: в обоих случаях, для приискания приличных к изображению его материалов, необходимо *собственное размышление*.

§ 7. Для успешного размышления о предмете полезно наблюдать следующие правила: 1) представить в уме своем предмет, о котором идет дело, сколь можно яснее и очевиднее. 2) Заниматься сим предметом исключительно, и обдумывать оный с терпением, всячески преодолевая слабость или упрямство своих способностей. Впрочем, должно предаваться влечению мыслей своих с некоторою смелостию и не пугаться при первой неудаче. 3) Приготовиться к размышлению чтением, но с осторожностью, чтобы *рабски* не повторять чужих мыслей...»

В «Учебной книге» г. Греча есть, как мы будем иметь честь доказать, и не такие вещи, но мы на первый раз выписали именно эти, не отличающиеся ничем, кроме необыкновенной пустоты, строки, потому... потому что один знакомый наш тоже пишет риторикю, и мы желали бы знать ваше мнение о ней сравнительно с риторикюю г. Греча, для чего и приводим начало из сочинения нашего знакомого:

«КРАТКИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ И ПИИТИКИ

Вступление

§ 1. Человек, как высшее существо на земном шаре, снабжен даром слова, который он может употреблять для различных целей, а именно: 1-е, он может сообщать другим, подобным себе тварям, свои мысли; если же своих не имеет, то чужие; а если не имеет и сих последних, то, 2-е, может управлять умами, волею и поведением или поступками

других; если не может сего, то, 3-е, действовать на их воображение или чувство; а если уже и сего не может, то, 4-е, может употреблять оный дар на что и как ему заблагорассудится. В первых двух случаях язык его есть не иное что, как *проза*, а в последних *поэзия*.

§ 2. *Проза*, выходя или изливаясь из разума, говорит о мире прозаическом, существенном, насущном, полезном как в гражданском, так и в семейном быту и в различ-

БЕЛИНСКИЙ

Автолитография Н. Авакумова, 1941 г.

Литературный музей, Москва

ных обстоятельствах жизни; *поэзия* же, рождаясь в воображении, изображает мир фантастический, т. е. небывалый, несуществующий, не приносящий никакой пользы и облеченный в изящные формы. Из сего следует, что *прозаик*, стараясь познать действительный мир, описывает его так, чтоб можно было извлечь всевозможные из того выгоды; *поэт* же творит или делает миры на свой собственный счет, и оттого часто ходит без сапог.

§ 3. Правила о *прозе* заключаются в риторике, а о *поэзии* — в поэтике.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РИТОРИКА

Общие правила

§ 4. Цель *риторики*, как показано в § 1, есть двоякая: или сообщать другим мысли, или, когда их нет, действовать на волю человека. Из сего очевидно, что *проза* разделяется на *нискую* и *высокую*. *Низкая* проза служит только для сообщения другим мыслей; высокая, называемая иначе *красноречием*, служит для убеждения других и достижения в жизни различных полезных целей.

Глава первая

ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ ПРЕДМЕТА СОЧИНЕНИЯ

§ 5. Предмет сочинения избирается или самим сочинителем или заказывается ему другим посторонним лицом; но, во всяком случае, сочинитель для изложения и распространения его должен употребить *свой собственный ум и размышление*.

§ 6. Для успешного размышления о предмете полезно употреблять следующие правила: 1) представить себе умственно, какую пользу и выгоду может доставить избранный предмет; 2) не забыть ничего такого, что может возвысить его цену, и обдумывать это с терпением, стараясь всячески преодолеть все могущие встретиться препятствия; 3) за недостатком своих средств, можно прибегнуть к заимствованию их, посредством чтения, из других писателей; но делать сие осторожно.

Ну, что вы скажете? Нам кажется, что знакомый наш несколько не уступает г. Гречу, и, сверх того, на стороне его риторики удобопонятность, которой недостает в некоторых параграфах риторики г. Греча и которая в учебной книге дело не последнее: чего доброго — дети не поймут иногда самого необходимого и понятного!.. Но забудем риторику нашего знакомого, о которой успеем еще поговорить, когда она выйдет, и возвратимся к риторике г-на Греча, которая выходит в свет уже третий раз. Вот глава об описаниях.

«§ 13. *Цель* описания есть изображение предстоящей вещи для сообщения другим ясного о ней понятия или для отличения ее от подобных. Описывать предмет значит изображать его вид и *сношения с другими предметами*».

О, стул, на котором я сижу!.. Скажи мне, не имеешь ли ты *сношений* вот с этою кушеткою, и если имеешь, то какие?— я поспешу описать их по всем правилам риторики г. Греча, и приложить здесь в подтверждение слов нашего риторика, что *предметы имеют между собою сношения*... А самое определение описания, как оно вам нравится? Ведь по нем выходит, что и паспорт есть литературное произведение — *сочинение описательное*, потому что в нем описываются нос, брови, губы, глаза известного «субъекта» для *сообщения другим ясного о нем понятия и для отличения его от подобных*. Многостороннейшее определение, под которым можно разуметь и *всё и ничего* — как кому угодно!

«§ 57. *Цель* (!) каждого сочинения состоит в том, *чтоб оно было понимаемо читателями* (!!?)»

Удивительно полно и верно!.. Итак, при сочинении всех книг, которыми донныне г. Греч подарил русскую литературу, он добивался только, чтоб сочиняемое им было понимаемо читателями... Понятно теперь, почему все его «Черные женщины», «Поездки в Германию», «Письма с дороги» и другие романы и путешествия так чужды всякого содержания, всякого интереса, всякой цели и так пусты и бледны. Он, повторяем, старается только о том, чтоб они были понятны читателям, чему научает и юношество в своей «Учебной книге» — и старания его, как вы знаете, увенчались полным успехом: читатели так хорошо поняли с первого раза его

сочинения, что перечитывать их не сочли нужным. Скажем г. Гречу, что быть понятным не есть *цель* сочинения и необходимое его *качество*; цели же бывают различные, смотря по тому, каков сочинитель. — Далее говорится, что для того, чтоб сочинение было понятно, «нужно, чтоб оно было написано *правильно, ясно, определенно, в порядке, и свежо* и притом *приятно*». На это скажем, что в разбираемом нами сочинении г. Греча нет ни одного из этих качеств, исключая разве правильности (грамматической), и между тем оно нам понятно, чрезвычайно понятно!

Говоря о чистоте языка, г. Греч называет слова: *треснуть, сварганить, бахвалить* и некоторые другие — *низкими и подлыми*... За что такая немилость?.. Не довольно ли было бы назвать их *тривиальными*, а эпитеты «низкие» и «подлые» оставить как вовсе не идущие к делу? И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить, подличать, изгибаться, пресмыкаться* и тому подобных? Всё это, по нашему мнению, гораздо *ниже*, чем *треснуть, сварганить* и пр.

«*Провинциальные* слова суть те, которые употребляются только в некоторых областях России, например, *понос, попутный ветер*».

Переходим к «характеру слога». — «*Проза*, или язык, служащий для изображения предметов существующих, истинных, бывает: *философическая, историческая и риторическая*». Положим, так. — «Характер *философической* прозы есть: связность, рассудительность, определенность, спокойствие; *исторической*: ясность, сообразность с предметом, простота, краткость; *риторической*: пылкость, возвышенность»... Из этого определения следует, что в *философической* прозе не нужны ни *ясность*, ни *сообразность с предметом*, ни *краткость*, а в *исторической* — ни *связность*, ни *рассудительность*, ни *определенность*, ни *спокойствие*; что же касается до прозы *риторической*, то попробуйте, милые юноши, вы, которые будете учиться по этому прекрасному курсу, попробуйте нагородить дичи, в которой была бы *пылкость* и *возвышенность*, и смело подавайте вашему учителю, — это будет... проза *риторическая*! Не ваша вина, если тут не будет ни связи, ни последовательности, ни рассудительности, ни бледнейшего смысла, — не ваша вина; от вас требуют только *пылкости* и *возвышенности*!

«Характер слога *делового* (говорит г. Греч) составляет ясность, определенность, краткость, твердость; *письмовного* — естественность, приличие предмету, легкость и живость». — Из этого определения познания учащегося юношества обогатятся сведениями, что в *письмовном* слоге не нужно ни *ясности*, ни *определенности*, ни *краткости*, а в *деловом* — ни *естественности*, ни *приличия предмету*, и т. под.

«§ 97. Вообще слог разделяется на *низкий, средний* и *высокий*: 1) В низком слоге употребляются выражения простые, общепонятные, не требующие в читателях большого образования, и действующие вообще на всякого здравомыслящего человека, не воспламеняя притом его воображения. 2) Средний слог ваниает воображение, но не в превосходной степени. Выражение и обороты в нем гораздо живее; в нем говорит не один холодный рассудок, но и чувство. 3) Высокий слог сильно действует на воображение, представляет смелые и разительные картины, отвергает обыкновенные обороты, употребляет новые и смелые выражения и пр.»

Каковы определения?.. О, юноши, в какое вы поставлены странное положение!.. Здравый смысл говорит вам, что всякий слог, кроме никуда негодного и бессмысленного, может действовать и на чувство, и на воображение, — а печатная книга учит вас, что это свойства только *среднего* слога; вам кажется, что обязанность всякого слога быть понятным каждому здравомыслящему человеку, а печатная книга говорит вам, что на здравомыслящего человека может действовать только *низкий* слог!.. Вообще, говоря об определениях г. Греча, мы должны повторить одно и то же.

Сочинитель берет признаки предмета вообще и делит их между частностями этого предмета, варьируя иногда однозначными словами, в тщетных усилиях прикрыть пустоту и бестолковость своих определений; от этого у него беспрестанно выходят правила, вроде следующего: «Род человеческий разделяется на мужчин и женщин. Отличительные свойства мужчин суть: *нос, губы, глаза, уши*; отличительные свойства женщин суть: *ноги, руки, органы слуха и зрения*».

«§ 99. Всякое сочинение пишется для того, чтоб оно было *произнесено или прочитано*».

Ради бога, найдите мне что-нибудь во всей подлунной, что могло бы сравниться с пустою этого определения! Я буду искренно благодарен. И к чему ведут такие определения, повторяющиеся, как видно из наших доказательств, ежеминутно? Чему научатся из них дети, которым пришлось бы учиться по таким определениям? Не тому ли же, чему научился бы сапожный подмастерье, если б хозяин, вместо указаний, как шить сапоги, повторял ему беспрестанно: *«всякие сапоги шьются для того, чтобы они были изношены»?*

«§ 101. Письменное изображение мыслей, составляющих одно связанное целое, имеющее целью изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека, — называется *прозаическим сочинением*».

«Онегин» Пушкина, говоря словами г. Греча, есть *письменное изображение мыслей, составляющих одно связанное целое, имеющее целью изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека*; стало быть, и «Онегин» есть *прозаическое сочинение*?.. Нет!.. «Онегин» — произведение поэтическое, и не потому только, что писан стихами, но и потому, что это *письменное изображение мыслей* в высшей степени художественно...

Теперь о письмах.

«§ 108. В письме, как и во всяком другом сочинении, должно быть одно господствующее чувство, которым определяется главный *тон* его. В сем случае более должно обращать внимания на *расположение души того, к кому пишем*, нежели следовать собственному, ибо нередко может случиться, что предмет, приносящий нам удовольствие, возбуждает чувство совершенно противное».

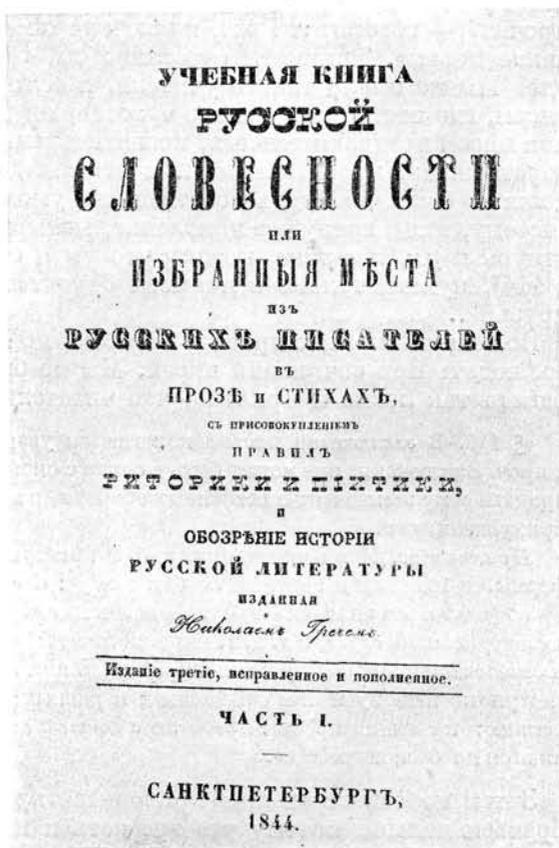
И умно и удобноисполнимо! Пища письмо к кому бы то ни было, я должен писать не то, что у меня на душе, а то, что придется по расположению души того, к кому пишу... Положим и так, только каким же образом узнаю я расположение души того, кто находится от меня за тысячу верст, и как буду избегать предметов, противных ему, когда их не знаю?.. Вот мне теперь почему-то особенно нравятся яблоки, а почтенному читателю, может быть, в эту же минуту, при одной мысли о них, делается тошно... Буду ли я виноват, написав ему о яблоках?.. О, без сомнения! Иначе что же бы такое была глава о письмах г. Греча, что бы такое была вся его «Учебная книга русской словесности»?..

«Общие правила при сочинении писем суть: 1) помнить, к *кому* и *о чем* пишешь...» — Общие правила при употреблении пищи суть: помнить, что пишу должно класть в *рот*, жевать *зубами*, а не *ногами*, и *проглатывать*. «Предметы, важные для того, к кому пишем, помещать в начале, а касающиеся до нас самих — впоследствии»... «*Примечание*. В русском языке форма обращения в письмах есть следующая: к высшим нас: *милостивейший государь, милостивейшая государыня*; к равным: *милостивый государь*; к низшим: *милостивый государь мой*».

У меня были два приятеля: Иван Иваныч и Иван Никифоровыч (не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифоровыч, который любил лежать в натуре, а другие); сорок лет прожили

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «УЧЕБНОЙ КНИГИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ» Н. ГРЕЧА (ИЗДАНИЕ 3-е)

Этому изданию посвящены неизвестные ранее рецензии Белинского в «Литературной газете» №№ 49 и 50 за 1844 г.

они душа в душу; на сорок первом году Иван Иванович написал к своему другу приглашение выпить рюмку водки, которое начиналось так: «милостивый государь мой, Иван Никифорыч». Прочитав эту записку, Иван Никифорыч заболел и был близок к смерти: «Мой, повторял он в бреду горячки, мой! Да чем я хуже его? разве я ниже его чином? Разве я не такой же дворянин... дворецкий его, что ли я? однодворец какой-нибудь, а?» Еще не успев совершенно оправиться от болезни, Иван Никифорович полетел в город и подал просьбу на злейшего врага и поносителя своего, Ивана Иваныча. Друзья сделались свирепейшими врагами... и всё отчего?.. Оттого, что Иван Иваныч не читал «Учебной книги русской словесности» г. Греча и не знал, что равный к равному должен писать просто: *милостивый государь...* Преклонись же, юношество, перед книгою г. Греча и заучи это золотое правило хорошенько! Оно спасет тебя от многих зол, которые отравляли жизнь отцов твоих...

«§ 114. По содержанию своему, которое изменяется до бесконечности, письма бывают: 1) деловые, относящиеся к главе о деловых бумагах. 2) Сочиняемые по требованию *благопристойности*, как-то: *посвятительные, поздравительные, соблезновательные, благодарственные* и т. д.»

Что делает бездарный и навязчивый человек, являющийся с какой-нибудь наполненной лестью бессмыслицей по прихожим богатых с просьбою посвятить им свою рукопись?.. Ничего более, как он стремится исполнить долг *благопристойности*: написать, во что бы то ни стало, *посвятительное письмо* к своей книге... Так как в таких «письмах обыкновенно нет сильного или *искреннего* чувства, то сочинение их затруднительнее

прочих», — говорит г. Греч, и вслед за тем принимается учить, как писать такие письма. Трикраты счастливо ты, грядущее на смену нам поколение! Мы не имели такого учителя, и если довольно сильны в сочинении писем, где нет ни искреннего чувства, ни истины, ни... словом, в сочинении писем поздравительных, посвячительных, соболезновательных, благодарственных, просительных... и всяких других, — то мы до всего этого должны были доходить собственным умом. Теперь всё это приведено в систему, и ты, грядущее поколение, можешь даже отпустить в бессрочный отпуск и *ум*, и *сердце*, потому что ум и сердце, по словам г. Греча (см. § 114), нужны только в письмах *дружеских*, — а где же в нашем веке друзья?..

Вот еще несколько правил, которые, по мнению г-на Греча, необходимо соблюдать при сочинении писем. Мы не будем делать на них замечаний: работа так легка и приятна, что читатели потрудятся сделать их сами:

«§ 116. В *заключении* письма полагаются уверения в нашем почтении, дружестве и проч. Заключение сие может быть в связи с окончанием содержания письма. Можно придать сему заключению особенные обороты, но всячески должно уберечься от натяжки и принужденности.

Примечание. И в заключении, как в приступе, наблюдаются введенные обычаем формы. В письмах к знатым особам пишут: *Светлейший Князь* или *Сиятельнейший Граф* (а если эта знатная особа не князь и не граф?), *Вашей Светлости (Сиятельства) всепокорнейший слуга*, и т. д. К высшим пишут: *имею честь пребыть с глубочайшим высокопочтением и совершенною преданностию, с истинным высокопочтением* и т. д., смотря по нашему к ним отношению; к равным: *с истинным почтением и преданностию*; к низшим просто: *пребываю с почтением* и т. д. Впрочем, и сии формы изменяются до бесконечности».

Затем на 130 страницах приводятся *примеры* (чего? — не сказано и добраться нельзя, потому что тут есть и письма, и драматические сцены, и отрывки из повестей и романов), нахватанные у разных хороших и плохих авторов, а потом две странички, на которых толкуется, что при описании чего-нибудь «надлежит избирать предметы отличные, проходить молчанием маловажные, *которые могли бы повредить изяществу картины*». Галиматья, которой не советую тебе верить, любезное юношество! Если ты будешь описывать только *предметы отличные*, выпуская всё, что может *повредить изяществу картины*, то никогда не дашь понятия о целом; другими словами — описание твое никуда не будет годно. Не верь также, будто «характеры *совершенно... обыкновенные* не могут быть занимательны». Ничего не может быть обыкновеннее Акакия Акакиевича, Ивана Иваныча и Ивана Никифоруца и всех героев «Ревизора» и «Горя от ума», а между тем неужели эти характеры незанимательны?..

В этом почти и заключается глава об описаниях. За нею опять следуют *примеры* (и опять неизвестно — чего) на 80 страницах, а за примерами — глава, под названием: «Сочинения исторические».

«§ 141. История есть повествование об истинных явлениях и делах физического и нравственного мира».

Вы, милостивый государь и читатель (не смею прибавить *мой*), имеете обыкновение лечиться от бессонницы русскими книгами и журналами, за которые исправно высылаете деньги книгопродавцам; я имею обыкновение держать спину дугой и конфузиться, когда со мной встретится господин благонамеренной и значительной наружности, а вот этот молодой человек каждый день наведывается в покрывившийся деревянный домик с дымносерыми занавесками, — все это явления и истинные и не находящиеся вне явлений физического и нравственного мира, — принадлежат ли они к истории?.. — Нет, любезное юношество! не принадлежат они ни к какой

истории, и не отыщешь ты их даже в истории г. Кайданова, ни в «Истории русского народа» г. Полевого (в последней, может быть, потому, что она не кончена). Далее, в главе под названием «Сочинения исторические» сказано: «На русском языке есть хорошие переводы *учебных книг* всеобщей истории и некоторые другие удачные опыты (например: *В с е о б щ а я и с т о р и я г. К а й д а н о в а*)... Вот что называется — попасть ловко! Удачный опыт!.. Чего же больше? Зачем писать еще?.. Вольно было г. Смарагдову тратить напрасно время. Кстати заметим, что о труде г. Смарагдова в этом *исправленном* и *пополненном* издании не сказано ни словечка, как будто его и не существует!..

За главой об «Сочинениях исторических» тянутся, по обыкновению, *примеры*, которыми первая часть и оканчивается. Таким образом, в этой первой части, состоящей из 360 стр., «примеры» занимают 296 стр., а правила 64 стр., — мы разочли с дипломатической точностью...

Вторая часть уже прямо начинается «примерами», которые тянутся непрерывно до 84 стр.; но о ней и о двух остальных поговорим в следующем номере.

«Лит. газета», 1844, № 49, 14 декабря, стр. 831—834.

* *
*

Во второй части, состоящей из 339 страниц, собственно г. Гречем сочинено только 19 страниц; остальные 320 замещены примерами, набранными с такою же ловкостью и осмотрительностью, как и в первой. На 19-ти страницах, сочиненных г. Гречем, рассказываются правила, как писать рассуждения, речи, деловые бумаги, рецензии, — правила столь же достолюбезные и глубокие, как и все те, которых образчики привели мы в первой статье. Особенно замечательна глава о деловых бумагах. Вся она состоит из доказательств, что министры между собою должны переписываться *высоким* слогом; важнейшие и средние присутственные места — *средним*, а *низкий* слог употребляется «в низших присутственных местах и в военных канцеляриях!»

В третьей части дело идет о поэтах, поэзии, поэтических гениях. Не хотите ли знать, что такое поэтический гений?

Гением поэтическим называем обладание в высшей степени теми умственными способностями, которыми достигается цель поэзии». — Каково определение гения? Какие же это способности, которыми достигается цель поэзии? и какая это цель? — Ничего неизвестно! Далее: «от гения строго отличается *талант*: гений создает новые поэтические творения; талант обладает сею способностью в меньшем размере, и не столько творит сам, сколько счастливо и искусно подражает существующим уже творениям». — Решительно чудеса! Талант *строго* отличается от гения: в чем же строгость? В том, что гений создает *новые* творения, а талант *обладает этою способностью в меньшем размере*. Прошу покорно рассчитать с математической строгостью расстояние гения от таланта! Это всё равно, что сказать: гений есть нечто великое, а талант то же самое, только поменьше. Гений творит сам, доходит «собственным умом», как говорит Гоголь, а талант *счастливо* подражает ему. Что значит *счастливо* подражать? Ловко брать у другого и — прятать концы? — Хотите ли знать, какие минуты называются *поэтическим вдохновением*? «Те, в которые душа поэта воспламеняется и действует, в которые гений его творит» (!!!). Это напоминает нам две замечательные вывески двух цирюльничков-соперников, существующие в городе Херсоне; на одной написано: *Здесь живет цирюльничек Ицко: он кров отъ вораетъ и другыя дела делаетъ*; а на другой — *Сдесь цирюльничек Хайло, который действуетъ в разныхъ случаяхъ*. Когда душа поэта воспламеняется, она, по уверению г. Греча, тоже

действует и, конечно, в разных случаях... Это он называет *поэтическим вдохновением* и прибавляет, что без него «поэт не произведет ничего значительного». «Низшая степень поэтического вдохновения *может назваться* расположением к поэзии». Еще чудо! Если поэтическим вдохновением называются те *минуты*, в которые душа поэта воспламеняется (т. е. горит, пылает), то низшую степенью этого вдохновения естественно должно назвать то время, в которое душа готовится к воспламенению, но еще не горит, т. е. когда наложат в нее дров, но еще не зажгут... Удивительно хорошо, а главное — понятно и облегчительно для юношества! Ему не нужно долго думать над определениями! — Что такое вдохновение? — «Вдохновение есть то, когда душа поэта поет». — Прекрасно! А что делает в это время его гений? — «Гений его в это время пляшет». — Превосходно! А что называется расположением к поэзии? — «Расположением к поэзии называется всё то, что ниже вдохновения» и т. д. Из этого видно, что, пожалуй, можно о каждой науке, не учась ей, написать огромные книги. Раз мне снилось, что я должен держать экзамен из астрономии, которой никогда не учился. Дело было *нужное* и спешное. Сначала я недоумевал: как держать экзамен, когда я ничего, решительно ничего не знаю. Но потом пришли другие мысли: я думал: все ж-таки я знаю, что астрономия толкует о небесных телах, что на небе есть звезды, луна, солнце; что земля обращается вокруг солнца и проч. и проч. Я много знаю! С этими мыслями я пошел на экзамен, и удивил всех своими познаниями. Проснувшись, я смеялся нелепости сна, не подозревая в простоте души своей, что такие чудеса могут случиться и наяву!..

Но далее. Что такое *триолет*? «Триолет есть игрушка в стихотворстве; он состоит из осьми стихов, равной меры и на две рифмы; четвертый стих есть повторение первого, а седьмой и восьмой повторение первого и второго. Предметом его бывает изображение нежной или острой мысли... Размер его предоставляется на произвол автора». А что такое *рондо*? «Рондо требует соблюдения особенной наружной формы. В сем стихотворении должны быть две рифмы, и начальное слово каждого куплета должно повторяться в окончании одного. *Рондо* состоит обыкновенно из трех или четырех куплетов. В русской поэзии сии стихотворения встречаются редко». Это самые драгоценные сведения, которые можно почерпнуть из всей третьей части, рассуждающей о *пиитике*. Из примеров особенно приятен следующий:

Ты в мрачном октябре родилась — не весною —
Чтоб сетующий мир утешен был тобою.

Карамзин

Четвертая часть начинается рассуждением о поэзии драматической.

«§ 149. Драматическая поэзия отличается от эпической тем, что не повествует о совершившемся происшествии, а представляет оное совершающимся пред нашими глазами, и что поэт не говорит сам, а заставляет говорить *вымышленные* (!?...) лица...»

Почему же непременно *вымышленные*?

«§ 162. *Трагедия* есть драматическое представление героического и трагического действия».

«§ 164. Герой трагедии падает под ударами судьбы. *Характер его должен быть не самый добродетельный и не самый порочный*, волнуемый страстию, которая вводит его в заблуждение и проступок, а потом подвергает справедливому возмездию».

«§ 165. Лица трагедии должны благородством и величием соответствовать важности действия, и потому обыкновенно действуют в ней цари и вельможи. Между тем, это не необходимо: страсти те же у всех людей, судьба равно карает все звания: только люди низкого звания *не могут участвовать в делах важных и великих, не могут возбудить большого сочувствия в зрителях*».

А Минин — разве он не был человеком низкого звания и разве не участвовал в делах *важных* и *великих*? а Меньшиков? а Сусанин?

Заметим, что г. Греч не первый преподает такие литературные правила!.. В доброе старое время, к остаткам которого принадлежит г. Греч, иначе и не рассуждали, и один из тогдашних критиков серьезно нападал на Пушкина за то, что герой одной из его поэмы *какой-то* армянин!

«§ 166. *Страсть*, представляемая в наших трагедиях, есть обыкновенно любовь, ибо высшая степень ее в отчаянии и в борьбе с препятствиями весьма выгодна для представления на театре; но трагик может пользоваться и другими страстями: так, например, греки представляли в трагедиях своих *все сильные страсти!*..»

УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Литография с рисунка В. Ф. Тимма 1844 г. из «*Croquis russes*», издание Дациаро «...г. Тимм бесспорно лучший рисовальщик в России, но в его карандаше ничего нет русского...» (из рецензии Белинского на «Петербургский сборник» 1846 г.)

Исторический музей, Москва

Все сильные страсти! Удивительно определенно, а главное — многосторонне: известное дело — каких не бывает сильных страстей!..

«§ 170. Первые правильные трагедии писал на русском языке *Сумароков*. Преемником его был *Князенин*, а первый из писателей русских в сем роде есть *Озеров*. В новые времена удачно писали в сем роде *Кукольник*, *Хомяков*, *Ободовский*...»

Что это? верить ли глазам?.. А г. Полевой?.. Неужели нет г. Полевого?.. Да как же это?.. да почему?.. Неужели, по мнению г. Греча, г. Полевой не замечательный драматург? Не может быть! И потом, зачем бы тут *Кукольник*, *Хомяков*, *Ободовский*... *Ободовский* — драматург не столько сочиняющий, сколько *заимствующий*, и не столько заимствующий, сколько переводящий... И, упомянув о нем, не упомянуть о г. Полевом!!! Чему приписать такое странное обстоятельство?.. Забыт, очевидно забыт!.. И вот слава мира сего!

§ 179. Герою драмы бывает обыкновенно человек, живущий в обществе и борющийся с коварством и злобою людей, отличающийся кроткими семейственными и гражданскими добродетелями, мужеством и терпением в перенесении бедствий и наконец побеждающий препятствия силою праводушия и невинности.

Как будто герой драмы не может быть сам коварен, злобен, и тот не годится в герои драмы, кто не отличается кроткими семейственными и гражданскими добродетелями?.. Что за охота делать определения там, где их никто не просит от сочинителя, особенно при той ловкости, с какой г. Греч делает определения?

Но перестанем следить за г. Гречем и перейдем прямо к тому, что называет он «Обозрением истории русской литературы». Здесь особенно замечательны краткие оценки русских писателей — живых и умерших. Мы выпишем некоторые из этих характеристик, дозволяя себе делать, где покажется нужным, свои замечания.

«Гнедич оказал великую услугу словесности русской переводом Гомеровою *Илиады*, в размере подлинника».

«Пнин — сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений». — Ломоносов тоже сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений: чем же отличается от него Пнин?

«Сумароков (Панкратий) написал несколько комических повестей в стихах».

«Макаров, хороший прозаик, острый критик, способствовал к водворению чистого вкуса и приятного слога в нашей литературе».

«Гуриновский, молодой писатель с большим талантом, переводчик *Виргилия*, умер слишком рано для упрочения своей славы».

«Милонов, даровитый поэт, написал несколько сатир, посланий, элегий и т. п., отличающихся чувством, остроумием и прекрасным слогом».

«Пушкин (Василий Львович) — сочинитель басен, посланий и т. п. стихотворений, отличающихся легкостью и приятностью слога».

«Ильин — автор двух прекрасных драм: *Лиза* или *Торжество благодарности* и *Великодушные* или *Рекрутский набор*; он обязан своим успехом близкому изображению сельских нравов и естественному разговорному слогу. Хороши также драмы *Иванова*».

«Перовский, под вымышленным именем *Антония Погорельского*, написал прекрасный роман: *Монастырка*».

«Ушаков написал несколько умных романов и повестей». — Лажечников также написал несколько умных романов и повестей: какое же различие между им и Ушаковым?..

«Козлов, поэт-слепец, сочинил повесть *Наталья Долгорукая* и несколько превосходных лирических стихотворений». — Пушкин также сочинил повесть *Евгений Онегин* и несколько превосходных лирических стихотворений: кто же из них выше и как отличить их друг от друга?

«Повести *Марлинского* заслуживают внимание свежестью картин, оригинальностью взглядов и живостью слога, не всегда умеренного чистым вкусом». — О чьих повестях нельзя сказать того же самого?

«Беницкий, рано похищенный смертью, оставил несколько повестей, отличающихся наблюдательностью, сатирическим духом и прекрасным слогом». — Это же самое можно сказать и о графе Соллогубе: написал-де несколько повестей, отличающихся наблюдательностью, сатирическим духом и прекрасным слогом, и о многих других: читатели как о Беницком, так и о всех других останутся в прежнем неведении...

«Бунина, хорошая писательница русская, оставила прекрасные стихотворения дидактические и лирические». — Преплохая бумагомарательница, не написавшая на своем веку ни одного путного стихотворения.

«*Барон Дельвиг* писал песни простонародные и другие лирические стихотворения, с чувством и простотою, слогом приятным и легким». — Кто уже теперь не кричит громко, что простонародные песни Дельвига не больше, как подделка под русские народные песни, а для «Учебной книги» г. Греча они еще попрежнему — самородное золото!..

«*Баратынский* известен небольшими романтическими поэмами и стихотворениями лирическими, в которых выражается *нежное чувство* изящными стихами»... *Нежное чувство?*.. Итак, Баратынский — поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!.. Вот точно так же ошибаемся мы, должно быть, и в князе Шаликове, почитая его поэтом *нежного чувства*: вероятно, он-то и есть поэт мысли, поэт думы пытливой и глубокой, беспрестанно силившейся высказаться и ни на минуту не покидавшей поэта!

«*Грибоедов*, автор единственной русской комедии: *Горе от ума*, отличающейся оригинальностью характеров, блесками ума и наблюдательности и прекрасными стихами, затверженными на память во всей России». — И только!

«*Лермонтов*, молодой писатель с необыкновенными дарованиями, в прозе написал роман: *Герой нашего времени*, и в стихах несколько превосходных лирических пьес. Ранняя смерть прекратила жизнь его, много обещавшую отечественной словесности»... «*Буринский* (как сказано выше у г. Греча), молодой писатель с *большим* талантом, переводчик «*Виргилия*», умер слишком рано для упрочения своей славы»... Какое же различие между Лермонтовым и Буринским? Один писатель с *необыкновенным*, другой с *большим* талантом; один написал роман и несколько лирических стихотворений, другой переводил «*Виргилия*»; оба умерли слишком рано для упрочения своей славы, — какое же, повторяем, между ними различие? Никакого, решительно никакого! И Буринский и Лермонтов — писатели совершенно одинакового достоинства и одинаковой важности для литературы! К ним принадлежит также «*Веневитинов*, лирический поэт с *редкими* дарованиями; умер в *цвете лет*, не успев вполне употребить их в пользу литературы». Разница только в том, что Веневитинов был не с *необыкновенным*, как Лермонтов, и не с *большим*, как Буринский, талантом, а с *редкими* дарованиями, и еще в том, что он умер «*не успев вполне употребить своих способностей в пользу литературы*», тогда как Буринский умер «*слишком рано для упрочения своей славы*», а Лермонтову «*смерть прекратила жизнь, много обещавшую отечественной словесности*»...

«*Квитка*, под именем *Грицко Основьяненки*, писал забавные малороссийские романы. Лажечников, скажем мы, под своим собственным именем, писал русские исторические романы... Да что же из этого? к чему это ведет? что определяет? кого характеризует?..

«*Кольцов*, даровитый сын природы, написал несколько прекрасных лирических стихотворений»... Вы, конечно, не станете спорить со мной, если я назову Шиллера также даровитым сыном природы и скажу, что он написал несколько прекрасных лирических драм... Какое же различие между Шиллером и Кольцовым? или оба они равны?..

«*Батюшков* писал прекрасные стихотворения в роде лирическом и повествовательном. Он не имеет мечтательности романтиков, умерен в порывах своих, строг в расположении и исполнении, богат чувствованиями и мыслями и отличается слогом правильным, твердым и благородным». О ком из сколько-нибудь замечательных писателей нельзя сказать всего этого? Перечтите, пожалуйста, внимательно эту характеристику. Есть ли тут хоть одно слово, которое не относилось бы столько же к Жуковскому, к Лермонтову, к Пушкину, к кому вам угодно, сколько и к Батюш-

кову. Можно ли неопределеннее отозваться об одном из замечательнейших наших писателей?

«*Князь Шаховской* обогатил русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде». — Сумароков, а в позднейшее время г. Ободовский также обогатили русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде. Какая же между ними разница?

«*Хомяков*, писатель с умом, вкусом, образованием и талантом, написал две трагедии: *Ермак* и *Дмитрий Самозванец*. Но был несравненно счастливее в своих лирических стихотворениях». — Что такое был *несравненно счастливее*? Что такое писатель *с умом*? разве бывают еще писатели *с глупостью*?.. Конечно, бывают, но не о них речь.

«*Языков* — поэт лирический, владеющий стихом с необыкновенным искусством». — Вместо *Языкова* поставьте фамилию любого поэта, пишущего гладкие стихи, и выйдет то же самое. Куда же годится эта характеристика Языкова, если только общее место, брошенное без мысли и наудачу, можно назвать характеристикой!

«*Хмельницкий* — талантливый драматический писатель, отличающийся особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах, так и в прозе». — Во-первых, если г. Хмельницкий и талантливый писатель, то в этом нужно поверить г. Гречу на слово, потому что из сочинений г. Хмельницкого скорее можно вывести заключение совершенно противное. Пьесы такого достоинства, какие писал г. Хмельницкий, теперь наводняют сцену Александринского театра, и над этими пьесами все смеются, а называть за них талантливыми их авторов никому не приходит и в голову. Во-вторых, с чего взял г. Греч, что г. Хмельницкий отличается особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах (заметьте — как *в стихах*), так и в прозе?.. Такую похвалу можно сделать только Грибоедову, ибо из всех русских комедий только «Горе от ума» написана стихами, отличающимися особенною чистотою, естественностию и легкостию. Что ж касается до стихов г. Хмельницкого, то вот каковы эти стихи:

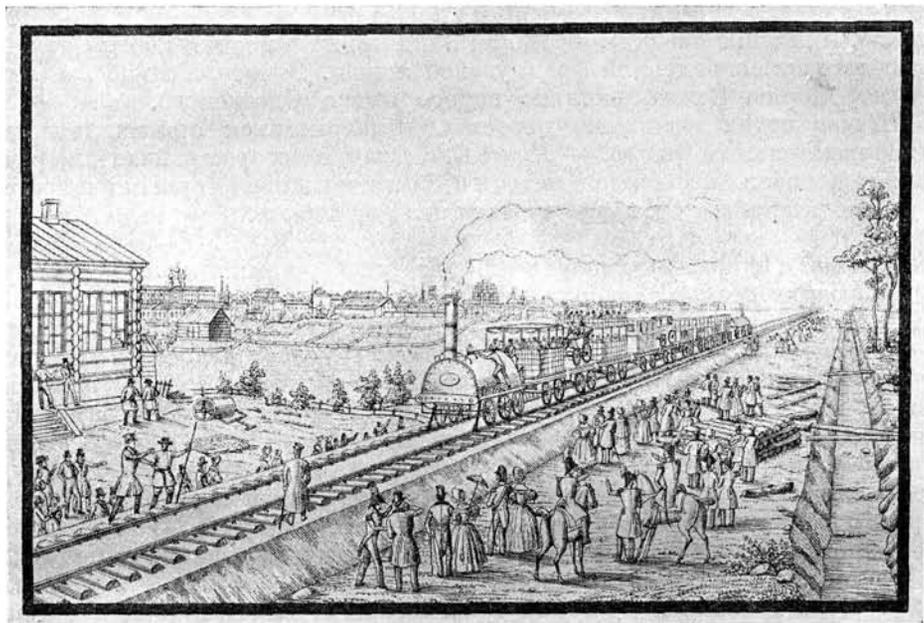
Судя по всем вещам я твердо убежден,
 Что я к чему-нибудь великому рожден!
 Не помню где... читал я анекдот прекрасной
 Что кто-то из морских в час бури преужасной
 Пристал к земле дотоль неизвестной никем.
 Он поселился там, и кончилось тем,
 Что вскоре жители решились меж собою
 Республики своей избрать его главою.

В этих стихах, которых язык тяжел и книжен, остроумие натянуто и аляповато, трудно увидеть что-нибудь, кроме претензий на легкость, естественность и остроумие, и каким образом удалось г. Гречу отыскать тут достоинства, равные стиху Грибоедова, — мудроно догадаться!

«*Булгарин* первый отважился написать русский роман (*Иван Выжигин*), имел в том успех совершенный и проложил дорогу всем новым романистам. Небольшие повести Булгарина, картины нравов и легкие статьи сатирические дают ему почетное место в литературе». — Еще в 1799 году вышел в Петербурге роман, в двух частях, заключающих в себе слишком 360 стр., под следующим заглавием: «*Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и общества*», повесть, написанная *И. Измайловым*. Цена 1 руб. 50 коп. В Санктпетербурге. В привилегированной типографии Вильковского, 1799 года». Кто возьмет на себя труд прочесть этот роман, тот увидит, что «*Выжигин*» не только не был на Руси первым романом,

но даже и романом сколько-нибудь оригинальным, потому что форма «Выжигина», манера остроумия, нападки на сутяжничество, воспитание и т. под., — всё это с рабскою точностию скопировано с «Евгения», и так как оригинал всегда бывает лучше подражания, то и не удивительно, что «Евгения» и теперь еще можно пробежать с любопытством, тогда как при одной мысли о «Выжигине» самые крепкие читатели засыпают на двадцать четыре часа сряду. Что касается до почетного места, на которое, по мнению г. Греча, дают г. Булгарину право его сочинения, то об этом г. Греч волен думать, что ему угодно.

«Загоскин сочинил несколько хороших комедий в прозе и в стихах: *Благородный театр, Добрый малый, Недозвольные* и т. под.» — Шекспир

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Литография 1837 г.

«...Ехать в карете для меня пытка... Приехавши в Царское, мы с Клыковым вздумали высадиться из дилижанса, чтобы приехать в Питер по железной дороге...» (из письма Белинского к М. В. Орловой от 3 сентября 1843 г.)

«Великое дело железная дорога: широкий путь для цивилизации, просвещения и образованности» (из статьи Белинского «Петербургская литература» 1845 г.)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

сочинил несколько хороших трагедий в стихах и прозе, — есть ли какое-нибудь различие между г. Загоскиным и Шекспиром или нет никакого?

«*Лажечников — счастливый* романист: его *Последний Новик* и *Ледяной дом* по справедливости обратили на себя внимание отечественной публики». — Что такое *счастливый* романист? и что хотел этим сказать г. Греч? То ли, что романы г. Лажечникова плохи, но обязаны своим успехом какому-то особенному счастью?.. Но в таком случае зачем уже было говорить, что его романы *по справедливости* заслужили внимание публики?.. Нет, г. Греч, по своему обыкновению, не хотел ничего сказать!

«*Вельтман* написал несколько прекрасных романов, отличающихся умом и наблюдательностию». — Вальтер Скотт написал также несколько романов, отличающихся умом и наблюдательностию: определяет ли эта фраза сколько-нибудь того или другого?

«Гоголь, талант необыкновенный и самостоятельный, пишет комедии (*Ревизор, Женити* (1) — вероятно *Женитьба*?), романы (*Мертвые души*), повести (*Рассказы Пасичника*) и т. п., в которых видны редкий дар наблюдения и юмор, иногда слишком комический». — Что такое юмор, иногда слишком комический?

«Граф Соллогуб принадлежит к числу самых счастливых повествователей...» Что такое самый счастливый повествователь? И почему Лажечников только счастливый романист, а граф Соллогуб самый счастливый повествователь?.. Или в этом только их различие?

«Бенедиктов, лирический поэт с необыкновенным дарованием, занимает одно из самых почетных мест в нашей литературе». — Удивительно верно и определено!

«Князь Одоевский пишет хорошим слогом повести светские и фантастические, и детские сказки». — Жорж Занд пишет хорошим слогом романы и повести из современной французской жизни. Второе столько же определяет Жоржа Занда, сколько первое князя Одоевского.

«Павлов издал несколько повестей, отличающихся оригинальностью и наблюдательным духом». — Князь Одоевский, о котором сейчас шла речь, также написал несколько повестей, отличающихся оригинальностью и наблюдательным духом, — чем же эти два писателя разнятся один от другого?

«Полевой (Николай) написал (?) *Историю русского народа, Русскую историю для детей, Историю Петра Великого и Историю Суворова...*» Если бы г. Греч хоть на миг захотел отступить от своей неопределенности в определениях, ему следовало бы сказать: Полевой не дописал «Истории русского народа», ибо известно, что «История» эта стала на половине и вот уже сколько лет не двигается вперед ни на шаг. «Сверх того принес он (Полевой) отечественной словесности существенную пользу своими критическими трудами в разных журналах. Романы его: *Клятва при гробе господнем, Синие и зеленые*, повести, драмы и водевили дают ему право на почетное место в нашей нынешней литературе». — Именно так, особенно драмы и водевили, да правда — кстати уж и критические труды и романы... Одно другого стоит!

«Погодин занимался с успехом критическим разбором материалов к разным периодам русской истории и преимущественно отстаивал славу и самое существование *Нестора*, которые старался поколебать *Каченовский*». — Почему бы уж кстати не упомянуть здесь и о дорожных записках г. Погодина, назвав его при сем удобном случае счастливым туристом? Оно было бы полнее!

«Из писателей, приведенных выше, успешно занимались русскую историю: Булгарин, написавший (здесь опять при большей осмотрительности следовало бы сказать — *недописавший*) *Россию в историческом, статистическом и литературном отношении: Пушкин*, сочинивший *Историю Пугачевского бунта*». — Как здесь кстати рядом имена этих двух историков!

На этом и остановимся. Что это такое? Слова, слова, слова!.. Предоставляем судить читателю, что может быть более пусто, неопределенно, беспорядочно этого набора слов, величающего себя великолепным титулом: «Учебной книги русской словесности»?..

«Лит. газета», 1844, № 50, 21 ноября, стр. 855—859».

В статье об «Опыте истории русской литературы» А. Никитенко Белинский писал: «Многие из наших читателей изъявили нам свое удивление, что мы решились на серьезный и дельный разбор нового издания «Учебной книги русской словесности», вместо того, чтоб посмеяться публику забавною рецензией на эту поистине забавную книгу. Мы очень рады случаю объясниться на этот счет с читателями. Во-первых, мы хотели

быть полезны многочисленному классу учащихся и учащихся «русской словесности», для которой в русском языке нет ни одного сколько-нибудь сносного руководства. Во-вторых, сочинителя этой невероятной книги мы хотели лишить всякой возможности утешить себя мыслью, что наша статья — брань без доказательств и что она внушена нам завистью и недоброжелательством к автору такого превосходного учебника... Без этих причин, которые, конечно, гораздо важнее для нас, чем для наших читателей, — мы никак не решились бы с важностью доказывать, что книга, в которой всё — противоречие, нигде не годится. Поступив так, мы за один раз вырвали зло с корнем, — жалкого учебника теперь как не бывало» (IX, 406—407).

Белинский «объясняется» здесь с читателями не от своего только имени, а от лица «Отечественных записок» в целом. Об «Учебной книге русской словесности» Н. Греча написана не одна, как говорит критик, а три большие статьи, из которых одна была напечатана в «Литературной газете» за 1844 г. (№ 49 и 50), а остальные две — в «Отечественных записках» за 1845 г. (т. XXXIX, № 4, отд. V, стр. 21—52; т. XL, № 5, отд. V, стр. 1—28). Автор первой статьи в «Отечественных записках» — П. Н. Кудрявцев, а второй — А. Д. Галахов (архив А. Д. Галахова). Статья же в «Литературной газете», на наш взгляд, принадлежит Белинскому. Это мы основываем на следующих признаках.

В о - п е р в ы х, «Отечественные записки» и «Литературная газета», которая в 1840, 1844 и 1845 гг. была подголоском «Отечественных записок», в лице своих основных работников, решили покончить с «Учебной книгой русской словесности» Н. Греча. Этому вопросу посвящены были три статьи. Авторы двух статей — П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов. Мало вероятно, чтобы Белинский остался в стороне от этой борьбы, тем более, что он не раз уже писал о данной книге Н. Греча (II, 37 и 184; III, 475—476; IX, 31, 175 и 406—407). Естественно поэтому предположить, что он является автором третьей статьи, помещенной в «Литературной газете».

В о - в т о р ы х, анонимный автор берет из «Учебной книги» Н. Греча один параграф за другим и путем тщательного и кропотливого анализа показывает их бессмысленность и пустозвонство. Явно следуя за анонимным автором, этот прием применили в своих статьях П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов. Это — излюбленный прием Белинского, который он обычно применял, когда хотел высмеять и развенчать какой-нибудь дутый авторитет. Таковы его отзывы о стихотворениях В. Г. Бенедиктова и Н. М. Языкова, об учебнике истории И. К. Кайданова и др. (II, 274—290 и 110—115; IX, 98—109).

В - т р е т ь и х, в текст Н. Греча, приводимый в статье, анонимный автор то и дело вставляет в скобках вопросительные и восклицательные знаки и свои иронические замечания. Это — характерная манера Белинского, с которой мы встречаемся во многих его статьях и рецензиях.

В - ч е т в е р т ы х, в настоящей статье анонимный автор пишет: «Греч называет слова: *треснуть, сварганить, бахвалить* и некоторые другие *низкими и подлыми*... За что такая немилость?.. И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить, подличать, изгибаться, пресмыкаться* и тому подобных?» Все последние эпитеты явно направлены по адресу самого Греча, и тут определенно чувствуется Белинский, который непрестанно в своих письмах награждал Греча подобными и более резкими эпитетами. Между прочим, в письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 г. он писал: «Все выходки в „Литературной газете“ против Греча производят сильный эффект — он рвет волосы и неистовствует» («Письма», II, 103—104). Несомненно на подобный эффект и здесь рассчитывал Белинский, адресуя приведенные эпитеты Н. И. Гречу.

В - п я т ы х, анонимный автор, отметив, что Греч ничего не сказал в своем труде о Полевом как драматурге, зло иронизирует в своей статье по адресу последнего: «Что это? верить ли глазам?.. А г. Полевой?.. Неужели нет г. Полевого?.. Да как же это?.. да почему?.. Неужели, по мнению г. Греча, г. Полевой не замечательный драматург? Не может быть!.. Не упомянуть о г. Полевом!!! Чему приписать такое странное обстоятельство?.. Забыт, очевидно, забыт!.. И вот слава мира сего!» — И тут явно чувствуется Белинский, который, сколько известно, один из всех сотрудников «Отечественных записок» и «Литературной газеты» нещадно преследовал Полевого с 1838 г. почти до самой смерти последнего.

В - ш е с т ы х, Греч в своей «Учебной книге» признал Баратынского «поэтом нежного чувства». Анонимный автор рецензии по этому поводу иронически заметил: «Нежное чувство?.. Итак, Баратынский — поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!..» Известно, что «поэтом мысли» Баратынского считал Белинский, который, между прочим, почти одновременно с настоящей рецензией в обзоре «Русская литература в 1844 году» писал: «Призвание Баратынского было на рубеже двух сфер: он *мыслил стихами*, если можно так выразиться, не будучи, собственно, ни поэтом в смысле художника, ни сухим мыслителем. Стихотворения его не были ни стихотворным резонерством, ни художественными созданиями. *Дума* всегда преобладала в них над непосредственностью творчества» (IX, 96).

В - с е д ь м ы х, Греч в своей «Учебной книге» писал о Булгарине: «Булгарин первый отважился написать русский роман („Иван Выжигин“), имел в том успех совершенный и проложил дорогу всем новым романистам». Против этого анонимный автор возражает в своей статье: «Еще в 1799 году вышел в Петербурге роман, в двух ч. стихах, заключающих в себе слишком 360 стр., под следующим заглавием: „Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества“... Кто возьмет на себя труд прочесть этот роман, тот увидит, что „Выжигин“ не только не был на Руси первым романом, но даже и романом сколько-нибудь оригинальным, потому что форма „Выжигина“, манера остроумия, нападки на сутяжничество, воспитание и т. под. — всё это с рабскою точностью скопировано с „Евгения“, и так как оригинал всегда бывает лучше подражания, то и не удивительно, что „Евгения“ и теперь еще можно пробежать с любопытством, тогда как при одной мысли о „Выжигине“ самые крепкие читатели засыпают на двадцать четыре часа сряду».

Тот же отзыв о романе Булгарина «Иван Выжигин» мы находим в трех статьях Белинского, из которых две написаны до настоящей рецензии и одна после нее (VII, 130 и 372—373; X, 70—71). В статье «Русская литература в 1843 году», написанной приблизительно за год до комментируемой статьи, мы читаем: «В 1829 году г. Ф. Булгарин издал своего „Выжигина“... Публике того времени показался новостью роман с русским именем. Она была, что какой-то А. Измайлов, в этом отношении, предупредил г. Ф. Булгарина целыми тридцатью годами, ибо в его романе „Евгений, или пагубные следствия дурного воспитания и сообщества“, изданном в 1799 году, действие происходит в России, герой романа называется Евгением... Фамилия Евгения — Негодяев, фамилии прочих действующих лиц романа — Лицемеркина, Ветров, Тысячников, Бездельников, Простаков, Милозоров, Воров, Подлянков, Развратин и пр. Вероятно, эти остроумно придуманные г. А. Измайловым русские фамилии и подали г. Ф. Булгарину счастливую мысль назвать героев своего романа Вороватыными, Ножовыми и пр... „Выжигин“, изобретательностью, манерою, ярким изображением характеров, движением сердца человеческого и нравственно-сатирическим направлением живо напоминающий собою г. А. Измайлова, далеко превзошел его в правильности языка, хотя и уступил ему в живости рассказа» (VII, 372—373).

В - в о с ь м ы х, Греч в своей «Учебной книге» заявил, что Полевой написал «Историю русского народа». По этому поводу анонимный автор делает следующее замечание в своей статье: «Если бы г. Греч хоть на миг захотел отступить от своей неопределенности в определениях, ему следовало бы сказать: Полевой *не дописал* „Истории русского народа“, ибо известно, что „История“ эта стала на половине и вот уже сколько лет не двигается вперед ни на шаг. Тут явно чувствуется Белинский, который в 30-х и 40-х годах не менее тринадцати раз напоминал Полевому, что тот «*не дописал*» своей «Истории русского народа» (IV, 227; V, 112 и 139; VI, 154 и 330; VII, 20, 146 и 510; VIII, 99 и 299; X, 24; XIII, 24 и 25).

Можно было бы увеличить число доказательств, но думаем, что и приведенных достаточно для бесспорного признания принадлежности этой большой рецензии Белинскому.

<24>

ОТВЕТ НА ОТВЕТ Г-НА Д., ПОМЕЩЕННЫЙ В 3-М №
«МОСКВИТЯНИНА» 1846 года

Беда, роль . . . . .
.....¹

Г. Д., автор ответа на статью нашу: «Голос в защиту от Голоса в защиту Русского Языка» (Отеч. Зап. 1846, № 2), начинает его указанием одной французской ошибки в статье нашей,² как будто несправедливость или

БЕЛИНСКИЙ

Пастель П. М. Боклевского, 1870-е гг.

Литературный музей, Москва

справедливость этого указания говорит что-нибудь в пользу его мнения, или в опровержение нашего. Если мы действительно ошиблись — что ж он от этого выиграет? Он ничего бы не выиграл, если б мы вовсе не знали французской орфографии, потому что дело идет о русском языке, а не о правописании французских слов. На месте г. Д., мы поступили бы иначе: мы не прилагали бы усилий в его ошибках против русской орфографии видеть незнание русской орфографии, русского языка и т. д. Мы сказали бы ему: милостивый государь! вы два раза написали *англинский* вместо

английский, один раз *истинне* вместо *истине*, сплошь вместо сплошь, Отечественные Записки вм. Отечественныя Записки; но мы не заключаем отсюда, что вам неизвестно различие между именем существительным истина и прилагательным усеченного окончания истинна, что вы не умеете производить прилагательного от слова *Англия*, что вы не знаете, наконец, употребление букв *ъ* и *ь* после *ш*, в разных частях речи, и пр. Несмотря на такие промахи, мы истолковали бы их снисходительнее вашего: на наши глаза, *англиский*, *истинна*, *сплошь*... были бы временным забвением коренных правил орфографии, или сознательным, на почтении основанном возвращением к орфографии древних рукописей наших. Мы сказали бы самим себе: что ж? можно делать орфографические ошибки — и судить здраво о русском языке, точно так же, как можно судить неправильно о языке, соблюдая правила орфографии. Теперь статьи г. Д. дают нам право выразить третье положение: можно делать орфографические ошибки и в то же время не иметь здравых понятий о языке.

Консеквентность³ в ошибках орфографических гораздо извинительнее неконсеквентности в литературных мнениях. Г. Д. выражает свое сочувствие к тому времени, «когда было довольно трудно быть рецензентом или критиком, когда для этого требовался авторитет, основанный на собственных ученых или литературных трудах»⁴, — и между тем сам, не писав прежде ничего и не имея никакого литературного авторитета (как сам он говорит о себе), напечатал четыре критические статьи, из которых две последние хотя и плохи, однако все-таки принадлежат к критическому роду... с юридическим оттенком.⁵ Он же, г. Д., выражает особенное свое несочувствие к нашей Критике и Библиографической Хронике, в которых статьи никем не подписываются⁶, — а между тем сам под своими статьями ставит букву Д, как будто подобная подпись что-нибудь значит!⁷

За неконсеквентностью литературных мнений следует у г. Д. настойчивость в мнениях ложных, странных и даже удивительно смешных, если принять в соображение то время, в которое они высказаны. Как! при чтении статьи смотреть на имя автора? толковать о том, подписана она или нет? Да кому ж это нужно, и для чего это нужно? Разве достоинство сочинения становится яснее, когда мы видим, что автора зовут Карпом или Сидором, Д. или Г.? Хорош тот читатель, которому, для оценки литературного произведения, необходимо взглянуть на рукоприкладство! Не для таких ли читателей печатаются все вообще статьи, которые подписываются иногда полными, иногда сокращенными именами?.. Смотрите на то, что в статье, а не на то, что под статью; отделяйте дело от предметов, не принадлежащих к делу. Ведь мы живем в половине XIX столетия...

Авторитет писателя есть также дело, не принадлежащее к достоинству критической статьи. Статья может быть хороша, хоть ее автор не был до того времени известен в литературе, и наоборот: статья может быть посредственна, даже плоха, хотя автор ее пользуется уже авторитетом, основанным на многих ученых или литературных трудах. Критика есть особенный род литературной деятельности: для нее нужен свой талант, как нужен он оратору, поэту, математику. Аристарх не был поэтом, но прославился своим разбором Гомера; а поэт Жуковский не может назваться критиком, хотя и написал разборы басень Крылова и сатир Кантемира. По странному мнению автора, выходит, что вы не можете говорить об «Истории» Карамзина, если не написали «Истории Государства Российского», должны молчать о «Географии» Арсеньева, потому что не издали ни одного географического руководства, кланяться архитектору, выстроившему кривой дом: ведь вы никогда не строили домов! Какие понятия об искусстве, науке, критике! Неужели тот, кто любит предавать

себя тиснению, делает больше того, кто занимается своим предметом в типе кабинета, не требуя огласки своим занятиям? Для суждений о литературе нужно знание литературы; а разве тот, кто печатал свои сочинения, непременно знает больше того, кто не только не печатал своих сочинений, но даже и не сочинял ничего?.. Значило бы, по литературным мнениям, отступить к поколению *времен очажовских и покоренья Крыма*... Не составляет же табели о литературных рангах, для определения, каким количеством собственных сочинений (№ напечатанных) покупается право говорить о чужих трудах?.. К счастью нашему, теперь невозможны ни литературные Молчалины, которые так скромны, что не понимают, как можно *сметть свое суждение иметь*, ни литературные кадди, столько гордые и самовластные, что желали бы зашить всем рот, а сами стали бы кричать во все горло.

Но верх оригинальных понятий о достоинстве литературной деятельности обнаружил г. Д. своим объяснением по тому случаю, что мы назвали его *сотрудником* «Москвитянина». Любопытно выслушать, как он заботливо оправдывается в этом, взведенном на него *грехе*:

«Обыкновенно сотрудниками и рецензентами журналов называют тех, которые, на каких бы то ни было условиях, имеют постоянное участие в редакции. В Москвитянин в первой раз была помещена одна моя статья в 1842 году, другая — ответ на критику и рецензии в 1844, а третья в исходе 1845 года. Если такие редкие вклады могут присвоить мне название сотрудника, то не должно ли оно принадлежать и знаменитым духовным ораторам нашим, хотя не часто, но и не один раз дозволившим печатать в Москвитянин произведения их красноречия, точно так, как их предшественники дозволяли печатать свои проповеди в Московских и Санктпетербургских Ведомостях, Сыне Отечества и Вестнике Европы, не называясь однакож сотрудниками этих светских газет и журналов?» (Москв., 1846, № 3, стр. 233).

Г. Д. недоволен тем, что мы отказались от всякого с ним спора касательно Фон-Визина, Грибоедова и Гоголя, имея на то свое, весьма достаточное основание. Он требует непременно доказательств... Нам кажется, такой отказ был с нашей стороны делом особенной деликатности, заслуживающей благодарности. Каждое доказательство послужило бы еще к большему для него неудовольствию. В эстетике, поэзии, истории литературы, есть многие положения, о которых никто уже не спорит, которые всеми давно признаны; и если какой-нибудь новичок в литературе удивляется давно известному, для всех несомненному, то, разумеется, спорить с ним бесполезно. Не странно ли, в самом деле, читать такое рассуждение г. Д. в «Москвитянин»:

«Фон-Визин мог сказать, что он изобразил русское общество своего времени, потому что, выставив на позор уродов своей эпохи, Простаковых, Скотининых, он дал зрителю или читателю отдохнуть на характерах Стародума, Софьи, Милонова (читай: Милона), Правдина и даже Цыфиркина, которого представил смешным, но не гнусным. Грибоедов и Гоголь показали нам одни карикатуры. Если они хотели составить нравственно-патологическую коллекцию уродов, то вполне успели. Если же это изображение нынешнего русского общества, то любопытно, в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя, — а их довольно много, — рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру?» (Москв., 1845, № 11).

Всякий и без наших доказательств видит, что автор этих слов не понимает как следует принадлежностей поэтического произведения. Хороша поэзия, которую он хвалит! Хороша и похвала, которую он адресует современному обществу Фон-Визина. В поэзии все роды хороши, кроме скучного; в обществе, многие роды людей не хороши, и люди скучные за-

нимают между ними не последнее место. Избавьте нас от общества, где пребывают холодные, бесцветные резонёры и резонёрки! Избавьте нас также и от литературных произведений, в которых, вместо лиц, действуют отвлеченные понятия, окрещенные именами Стародума, Милона, Софьи! Общие, родовые качества людей не составляют еще характера: для этого действующее лицо должно иметь, сверх общих, свои собственные, ему только принадлежащие черты, быть лицом живым, образом определенным, действовать, а не резонировать. Забавен вопрос, предлагаемый г-м Д.: «в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру?» Это напоминает суждение одного критика, который доказывал, что «Евгений Онегин» — дрянь, потому-де, что никто не захочет познакомиться с таким человеком, как Евгений Онегин! Вследствие этого и Мазепа, в «Полтаве» Пушкина, изображен дурно, потому, что вы не захотите протянуть ему руку. Вот какие еще понятия ходят по некоторым журналам нашим! Г. Д., видимо, смешивает нравственное значение человека с поэтическим его представлением.

Переходим к главному предмету статьи — русскому языку. В рецензии на книжку г-на Васильева: *Грамматические Разыскания*, мы выразили мнение свое следующими положениями: русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий и способен к воспроизведению эллинической речи; но тот же русский язык еще не развился, не установился: грамматика его не обработана, он беден для выражения предметов науки, общественности, всего отвлеченного, цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже для выражения ежедневных житейских отношений. Тут же замечено было о превосходстве французского языка для легкой литературы, для писем, для разговора в обществе и для выражения глубоко-рациональных понятий, выработанных древнею цивилизацией и перешедших к ново-европейским языкам от латинского. Потом еще прибавили мы, что, при настоящем положении русского языка, грамматическая свобода неизбежна.

Мнение наше так ясно и справедливо, что не могло ожидать возражений и сомнений со стороны людей, занимающихся русским языком. Случилось не так. Г. Д. увидел в словах наших оскорбление отечественной речи и начал доказывать, что она установилась, развита и богата для выражения всех предметов науки и жизни.

Что касается до первой половины нашего мнения, т. е. до неустановившегося языка житейских отношений, мы имеем полное право оставить без внимания запросы г. Д., имея за себя авторитет Пушкина, который сказал:

Доселе⁹ гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Что касается до второй главной половины нашего мнения, т. е. до неустановления нашего языка, обязанного выражать предметы цивилизации вообще, науки и общественного быта в особенности, то она еще менее подлежит сомнению. Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь. Следовательно, под установлением языка должно разуметь способность его выражать понятия науки и жизни, находящиеся в *современном* обороте. Если этой способности нет — значит: язык еще не установился, не развился; он еще не богат достаточно. Если эта способность существует — значит: язык установился, развился, богат уже достаточно. Язык идет вместе с жизнью народа. Язык тогда равняется в богатстве с другими языками, когда развитие жизни народа стоит на одина-

ковой степени с развитием жизни прочих народов: то ли мы видим теперь? и как доказать, что мы то видим? Возьмем, наприм., наш философский язык. Успехи его зависят от успехов философии; иначе: без развития философии невозможно развитие философского языка. Где же у нас философия? Самые обыкновенные слова: ум, разум, рассудок, мысль... не имеют до сих пор определенного смысла. Один ставит «ум» выше «разума»; другой, руководствуясь пословицей: «ум за разум зашел», возвышает «разум» над «умом»; третий и то и другое употребляет без различия в одном и том же сочинении, в одном и том же параграфе, в одном и том же периоде. Взгляните в наши руководства в логике — науке, более других еще нам известной: вы должны будете некоторые термины логики г. Новицкого⁹ переводить на другие термины логики Бахмана,¹⁰ как градусы реомюрова термометра переводим мы на градусы термометра фаренгейтова или цельсиева. Попробуйте передать на русский язык страницу немецкой философской книги: не помогут вам никакие словари, если они есть, никакие древние рукописи, если вы их читали. Что ж, после этого, могло бы не понравиться в нашем мнении? Оно — мнение общее, а не исключительно наше. Профессоры то же говорят с своих кафедр.

Язык тогда установился, когда грамматика представила все его действительно существующие формы, а словарь хранит в себе всё лексикологическое его достояние; когда предметы мира внешнего и внутреннего,

ОБЛОЖКА КНИГИ «ГРАММАТИЧЕСКІЕ РАЗЫСКАНІЯ»
В. А. ВАСИЛЬЕВА

Книга послужила поводом для полемики
Белинского с Д. П. Голохвастовым

науки и жизни во всех ее сферах находят у него готовые выражения, из собственной ли его сущности почерпнутые, или взятые от других народов, пришлые. В нашем языке нет еще этого: следовательно, он не установился. При таком состоянии, грамматическая свобода действительно неизбежна; она есть признак движения, развития, жизни языка, не прикованного к заранее поставленным искусственным правилам. Время, то есть народ, живущий во времени, пожнет пшеницу и сожжет плевелы. Из борьбы мнений является всякая истина, следовательно, и филологическая. Тому, кто искренно дорожит совершенствованием своего языка, странно подумать, что родной язык остановится на сочинениях такого-то писателя, хотя бы этот писатель был Карамзин. Повторяем без запинки: «нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский». Заметьте: *если* — и не давайте безусловного значения словам нашим. Жуковский и Пушкин сделали уже большой шаг вперед: первый придал до него бывшей прозе поэтический колорит, и таким образом освободил ее от оков ораторства, искусственности, лежащих на речи Карамзина; другой представил образцы истинно-естественной, свободной прозы, влив в нее стихию народной речи. Язык русский вообще дороже русского языка одного какого-нибудь писателя; успехи его в будущем выше прошедшего или проходящего его состояния. Из двух предметов: русский язык, совершенно установившийся в сочинениях Карамзина, — и русский язык, имеющий возможность совершенствоваться более и более, — выбор очевиден: нам и даром не нужно карамзинского языка.

Мнения господина Д. иногда чрезвычайно оригинальны. Мы сказали: «Если Крылов и обязан Карамзину чистотой своего языка, то все же язык Крылова во сто раз выше языка Карамзина, по той простой причине, что язык Крылова до *pes plus ultra** язык русский, тогда как язык Карамзина только в „Истории Государства Российского“ обнаружил стремление быть языком русским». Г. Д. возражает: «нет цифр для определения сравнительного достоинства там, где предметы (*история и басня*), по совершенной разнородности своей, не допускают возможности сравнения. Но разве мы говорим о сочинениях, которые пишутся на каком-нибудь языке? Мы говорим о языке, на котором пишутся разные сочинения, говорим о его существенных свойствах, гении, духе, одинаковом для всех сочинителей. Понятие об установлении языка равно прилагается и к истории, и к басням, и к поэзии, и к красноречию. Как позволено сказать, что язык Карамзина выше языка Нестора, так равно позволено сказать, что язык «Истории» Карамзина выше языка од Ломоносова, а язык Крылова выше во сто раз языка Карамзина. Род сочинений — дело постороннее; главное дело сущность языка, установившегося или неустановившегося. «История Пугачевского Бунта» Пушкина превосходит «Песнь о Полку Игореве», хотя история не песня, а песня не история.

«Нет, — продолжает г. Д., — не состарится этот язык (язык Карамзина), согретый пламенной любовью к отечеству (.) и тогда, когда мы будем читать полную Историю России, XVII и XVIII столетий, более положительную и ясную в политическом отношении, но лишенную поэзии тех времен, которые описывал Карамзин».¹¹ — Господин Д., как должно догадываться, хотел сказать, что не состарится *пламенная любовь к отечеству и в XVII и в XVIII столетии*. Он мог бы, пожалуй, прибавить сюда XIX, XX и все следующие столетия, в которые любовь к отечеству будет существовать, как врожденная склонность души человеческой: но как же языку-то не состариться? Это что-то непонятно, да и сам автор, вероятно, не хорошо понимает, что он сказал. Ужели язык Нестора по-

* До крайних пределов (лат.).

вый, потому что во многих местах летописи видна любовь летописца к своему отечеству? Да мы не смеем назвать *новым* и язык Ломоносова, хотя его похвальное слово Петру I¹² согрето любовью и благодарностью к великому Преобразователю России. Опять странная смесь двух разнородных предметов чувств и языка! Чувства остаются, хотя могут принимать иное направление; язык стареется. Без сомнения, кто не побойлся говорить с своею возлюбленною фразами прежних стихотворцев, несмотря на то, что они согреты огнем страсти?

Господин Д. особенно остановился на французском слове *charité*. Мы сказали, что его можно перевести словом *милосердие*, а будет не то: схвачено понятие, но потеряны некоторые оттенки его. «Жалок тот народ, не совсем полудикий, — замечает г-н Д., — который живет и не имеет в своем языке слова, для выражения вполне значения, заключающегося в слове *charité*». И вслед за этим приводит тексты из апостола Павла, в которых слово *charité* переведено словом *любовь*¹³. Но мы должны еще раз заметить, что наше слово *любовь* имеет обширнейшее и, следовательно, менее определенное значение. Скажите: «я питаю к ней *любовь*», — и каждый растолкует ваши предложения не совсем определенным образом. Чтоб вполне определить его, вам необходимо прибавить к слову *любовь* прилагательное: какую именно *любовь*? Притом не мешает знать, что переводом Священного Писания на разные языки невозможно доказывать богатства, развития, установления этих языков. Многие миссионеры плохо понимают язык дикарей-идолопоклонников и успешно проповедуют им Евангелие. У нас, во время действий Библейского Общества, Новый Завет переведен на языки диких и кочевых народов, населяющих Россию: следует ли отсюда заключать о богатстве этих языков? Так же не следует, как не следует заключать о филологической бедности тех народов, у которых есть перевод Священного Писания или нет его. Христианство и филология — две разнородные сферы. Короче, мы снова обращаемся к г. Д. с теми словами, которые он уже читал в первом ответе нашем. Пусть прочтет их в другой раз и примет к сведению, как очень справедливое замечание: «Царство веры не от мира сего. Церковь, для ее действований, не нуждается в обыкновенных средствах. Для ее *вечных, непреходящих и неизменных* истин всякий человеческий язык был, есть и будет достаточен и богат. Проповедь требует больше любви и убеждения от проповедника, нежели богатого развития от языка, на котором говорит проповедник. Первые апостолы были рыбаки, которые, в простоте сердечного убеждения, прозрев духовно, увидели больше мудрых мира, и сделались *ловцами человек*».¹⁴

Наконец, господин Д. недоволен также и тем, что мы ничего не сказали о новых словах и оборотах, которые он выписал из сочинений преосвященнейшего Филарета, тогда как нам надлежало бы, по его мнению, сказать, согласны ли мы с ним насчет этих слов и оборотов («Москвитянин», 1846, нумер 3). Опять упрек вместо благодарности! Опять не оценено деликатное наше молчание, происшедшее оттого, что мы щадили автора «Голоса». Теперь, когда деликатность наша истолкована превратно, мы нарушаем молчание и говорим открыто: мы молчали потому, что не хотели назвать господина Д. незнающим того предмета, о котором он взялся толковать. Объяснимся. В XI нумере «Москвитянина», 1845 г., Д. говорит:

«*Новые* слова, введенные Преосвященнейшим Филаретом в русский язык, также носят на себе отпечаток гениальной неологии, которая есть следствие не прихоти, не суетного желания блеснуть, если не оригинальностью мысли, то новизною выражения. Они очевидно порождены потребностью вдохновения, которое при ясном умопредставлении не находит в языке соответствующего ему слова»

Эти новые слова суть: *благобытие, отсвет, телесность, детоводитель, самочиние, незапинаемый, приражаясь, привергать, праволучный, одуховить, источник, самовладыка*. Да будет же известно г-ну Д., что из *двенадцати* выписанных им слов *восемь* так же не новы, как самые творения первого духовного вития нашего образцовы и по содержанию, и по выражению. Для того все ново, кто не знает старого. Г. Д. может приискать свои новые слова в Русском Словаре г. Соколова. Представляем подробную выписку этих *новых слов*:

Б л а г о б ы т и е — благосостояние, благопробывание, счастливая, блаженная жизнь (см. Минея Месяч. Генв. 12). Вот и другие слова, в которые входит благо: *благоволение, благовоние, благовремие, благоверие, благогласие, благозаконие*, и пр. и пр.

О т с в е т — свет, отраженный каким-нибудь светлым телом; например, «в граниных алмазах отсвет бывает сильнее». Слово это давно употребляется и в естественных науках и в поэтических произведениях.

Т е л е с н о с т ь — сущность тела.

Д е т о в о д и т е л ь — пестун, наставник, учитель детский, пекущийся о воспитании, или руководитель к просвещению детей. В Житии св. Великомученицы Варвары (отрывок из которого помещен и в Славянской хрестоматии, Пенинского) сказано: «Отец ее приставиши ей добрые *детоводительницы* рабыни». Если есть *детоводительницы*, могут быть и *детоводители*.

Д., с претензиями на знание старины, не изучал Четиих Миней, собранных св. Димитрием.

С а м о ч и н и е — самоуправление. «Новгородцы колебляхуся своим непристойным *самочинием*». (Степ. Кн. I, 301). Есть и глагол *самочинствовать*.

Н е з а п и н а е м ы й — страдат. причастие наст. врем. от глагола *запинать*, с присоединением наречия *не*. У нас есть: *запинать, запинание, запинатель, запинательный, запинаться, запинка*. Неужели каждое слово, к которому прибавлено наречие *не*, принадлежит к неологизмам?

П р и р а ж а я с ь — деепричастие наст. от глагола *приражаться* — ударяться, прикасаться со стремлением, напряжением сил к чему-нибудь. *А приражаться* — от гл. *приражать*, ударять. «Близ же сущу усердием, и руже часто *приражающе* к персем» (Соборн. лист II).

П р и в е р г а т ь — прибрасывать, прикидывать что к чему или к кому (*привергнуть, приверженец, привержение, приверженность, приверженный, привержнутый*, и проч.)...¹⁵

В первой статье своей г. Д. не признал существования французских слов «*indifferentisme*» и «*obscurantisme*»¹⁶, которые находятся даже в «Словаре» Татищева¹⁷; а теперь назвал новыми словами те, которые находятся даже в «Словаре» П. Соколова (1834). Много новых слов найдет он, если будет считать *новым* каждое слово, которое *ему* попадет в первый раз. Не потому ли назвал он *самочиние, детоводитель, благобытие*, и проч. неологизмами, что они не употребляются в разговоре? Не потому ли, что их нет в книгах, написанных обыкновенным русским языком? «Во всяком случае мы известим его, что это значило* бы не знать ни языка, ни слога духовных ораторов наших. Духовное красноречие употребляет, на ряду с словами и оборотами чисто-русскими, слова и обороты церковно-славянские или древне-русские, придавая помощи их особенную красоту и силу своим произведениям. И если мы читаем в проповеди: «*яко, благосердый, самочиние*» и проч., то не можем заключить, что эти слова новые, потому что не употребляются в разговорной речи. Слова эти, не употребляемые в разговоре, встре-

* В «Отеч. зап.» здесь ввралась типографская ошибка, искажающая смысл.

ГОЛОСЪ

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА.

МОСКВА.

1848.

« Какъ известно любителямъ и друз-
скимъ читателямъ, отъ издателя
Земского на Руской Брѣвѣ, такъ
также русской жемчужины, вы-
свѣтъ, я, развѣсивъ, выдѣлюю
къ слову, въ будущемъ. Мы это
развѣсивъ, отъ издателя, выдѣлюю,
выдѣлюю: выдѣлюю въ будущемъ, выдѣлюю
выдѣлюю и пр. — выдѣлюю выдѣлюю
отъ издателя на все со временемъ, то же
выдѣлюю, выдѣлюю и выдѣлюю
мы на выдѣлюю. »

Издатель Дмитрий Ивановичъ Толстой

ОТДЕЛЬНЫЙ ОГОНСК СТАТЬИ Д. П. ГОЛОХВАСТОВА «ГОЛОСЪ ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА»

Этой статье посвящена неизвестная ранее рецензия Великого в «Отечественныхъ запискахъ» № 5 за 1846 г.

На шмуцтитуле надпись, раскрывающая авторство Голохвастова, утравленного за критическимъ «Д.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

чаются в Священном Писании или в древних книгах наших: как же их назвать новыми в том сочинении, которое, по особенным своим свойствам, допускает язык церковно-славянский и древне-русский?

Вопрос о том, есть ли новые слова у наших современных писателей, или нет, — в настоящем случае лишний. Каждый из нас знает, что русский язык чрезвычайно способен к составлению новых слов. Вопрос в том, установился он или нет. Чтобы решить его, надобно изучить хорошенько исторический ход языка, посмотреть на современное его положение, сравнить с другими европейскими языками, узнать, имеет ли он в обороте достаточное число слов, для выражения предметов природы, наук, искусств, гражданского быта, всех плодов и успехов цивилизации. А если вы берете в руки перо, не справляясь даже с учебниками и словарями и желая фантазии свои выдать за важные приобретения науки, тогда — извините — статьи ваши будут заключать в себе поверхностные, неустановившиеся мнения об установлении языка.

«Москвитянин» и «Северная Пчела» попрежнему деятельно занимались «Отечественными Записками», — так деятельно, что третья книжка «Москвитянина», появившаяся, как водится, позже обещанного срока, почти наполовину наполнена или выписками из «Отеч. Записок», или бесперывными обращениями к нашему журналу; а «Северная Пчела», о чем бы ни заговорила, непременно и ежедневно сведет речь на «Отеч. Записки». Упомянув же об «Отеч. Записках», она тотчас начинает говорить, что в них открывается порча для языка, литературы, нравов, жизни частной и общественной, и проч. Уж не оттого ли это, что «Отечественные Записки» имеют теперь подписчиков более, нежели какой-либо русский журнал имел когда-либо? Бедная! «Отеч. Записки» сделались ее *idée fixe*.

Но «Москвитянин», совершенно разделяя образ мыслей «Северной Пчелы», отличается от нее еще страстнее наполнять свои книжки выписками из «Отечественных Записок». Особенно неподражаем в этом искусстве господин Д. Мы уже отдали должную справедливость этому таланту господина Д. в ответе своем на его «Голос в защиту русского языка» (О. З., том XLIV, Критика, стр. 56), сказав, что «наполнив большую часть своей статьи выписками из Слов и Речей высокопреосвященного митрополита Филарета, он имеет полное право сказать, что в его статье есть много мест, исполненных высокого красноречия, хотя и принадлежащих не его, а чужому перу». Теперь мы представили вам разбор его ответа на наш «Голос в защиту от Голоса». Но мы не сказали еще, что из 40 страниц, занятых этим *Ответом*, по крайней мере тридцать г. Д. наполнил выписками из «Отеч. Записок». И что же? вместо того, чтоб на остальных десяти страницах поблагодарить «Отеч. Записки» за доставление ему материала почти на два печатные листа, г-н Д. их же хулит, выбирая для того не совсем мягкие слова.

⟨«Отеч. зап.», 1846, т. XLVI, № 5, отд. VIII, стр. 44—52⟩.

¹ Усеченная (возможно не самим Белинским, а редакцией «Отеч. [Записок]) цитата из крыловской басни «Щуна и кот»:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.

² Голухастов упрекает Белинского в неверном написании французского слова *absolu* с буквой *t* на конце («Москвитянин», 1846, № 3, стр. 212—213).

³ Частое употребление Белинским этого необычного для языка эпохи слова (от французского *conséquent* — последовательный) было подмечено журнальными критиками критика и использовано в полемике с ним. Так, например, Л. В. Брант (под псевдонимом — Я. Я. Я.) писал в рецензии на «Юмористические рассказы нашего времени» Абракадабры: «Критика сама убита бездарностию новейших гениев наших, ко-

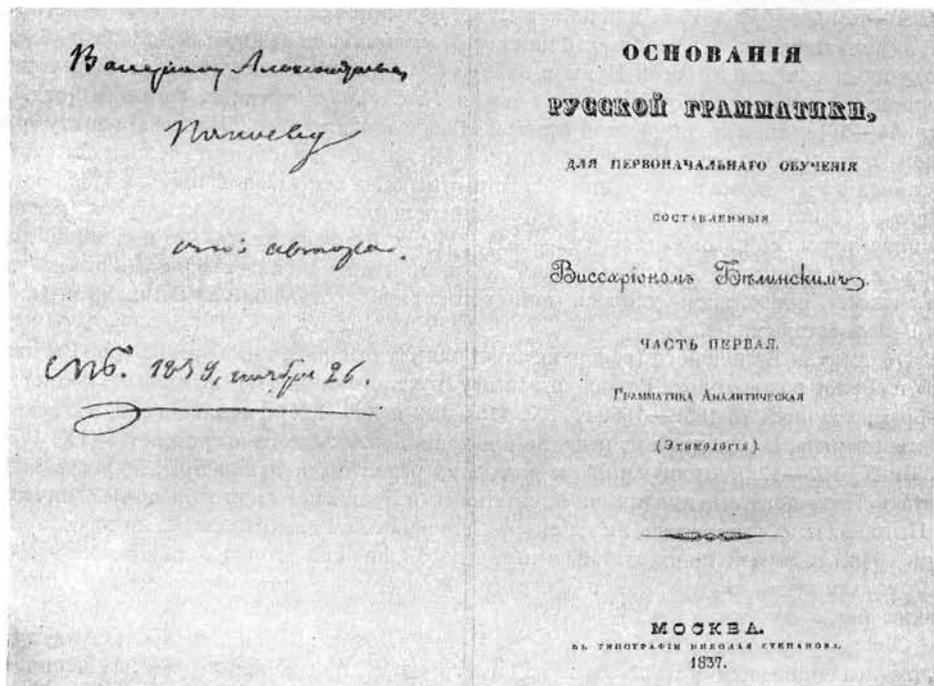
торых, по уверению одного заговорившегося мыслителя-полемиста, у нас больше, нежели обыкновенных талантов, и в числе которых стоит сам он с печатью консеквентности на челе» («Северная пчела», 1846, № 84, 17 апр.).

⁴ «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 49.

⁵ Голохвастов до полемики с Белинским (две статьи) напечатал всего две статьи (за той же подписью — Д.): «Замечания об осаде Троицкой лавры и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий» («Москвитянин», 1842, № 6, стр. 267—324 и № 7, стр. 124—206) и «Ответ на рецензии и критику „Замечаний“ об осаде Троицкой лавры» (там же, 1844, № 6, стр. 275—369 и № 7, стр. 65—166).

⁶ «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 48.

⁷ В неизданном письме к М. П. Погодину от 3 июня 1842 г. по поводу своих «Замечаний об осаде Троицкой лавры» Голохвастов пишет: «Разумеется я не подпишу своего имени под статью, а просто Д. по той же причине, почему если Вы вздумаете записать Вашу пристражную на скачку, я Вам посоветую не записывать ее от Вашего имени» (Рукоп. отд. Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина. Фонд М. П. Погодина. Картон 8, № 57—1).

«ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» БЕЛИНСКОГО С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АВТОРА В. А. ПАНАЕВУ, 26 ноября 1839 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

⁸ Неточная цитата: у Пушкина — «дочине». — «Евгений Онегин», гл. III, строфа XXVI.

⁹ «Краткое руководство к логике» О. М. Новицкого. Киев, 1844. — Белинским написана рецензия на эту книгу (IX, стр. 209).

¹⁰ «Система логики» немецкого философа Бахмана (1828).

¹¹ «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 72.

¹² «Слово похвальное блаженные и вечнодостойные памяти гос. Петру Великому... апреля 26 дня 1755 года».

¹³ «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 64—68.

¹⁴ «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“» (X, стр. 172).

¹⁵ Эти слова взяты Белинским из «Общего церковно-славяно-русского словаря... составленного П... С... <Соколовым>» (СПб., 1834. Ч. I, стб. 94—97, 725, 875. Ч. II, стб. 289, 803—804, 858, 1514).

¹⁶ «Москвитянин», 1845, № 11, стр. 60.

¹⁷ «Всеобщий французско-русский словарь» В. Н. Татищева. М., 1839. — Белинский написал на него рецензию (IV, 256).

I

В самых последних числах апреля 1845 г. в Петербурге вышла в свет небольшая книжка «Грамматические разыскания В. А. Васильева. 1) О букве ё. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужеского и женского». (Объявление о поступлении книги в продажу появилось в «Северной пчеле», 1845, № 94, 28 апр.). Книжка обратила на себя внимание Белинского, пристально интересовавшегося вопросами русского языка, и он написал на нее пространную рецензию («Отеч. зап.», 1845, № 8, отд. VI, стр. 51—61), послужившую поводом для нападков на него из лагеря славянофилов. В ноябрьской книжке «Москвитянина» (стр. 47—134) появилась статья Д. П. Голохвастова, за подписью: Д (криптоним раскрыт М. Погодиным в некрологе Голохвастова.— «Москвитянин», 1850, № 2. Смесь, стр. 64), направленная против этой рецензии, под громким названием «Голос в защиту русского языка».

Ноябрьская книжка «Москвитянина» вышла с обычным для этого журнала запазданием — 20 декабря 1845 г. и попала в Петербург в начале января 1846 г. (см. X, 160: «В одиннадцатой, т. е. в ноябрьской книжке *Москвитянина* за прошлый 1845 год, благополучно достигшей берегов Невы в *январе* благополучно наступившего 1846 года»). Белинский тотчас же отозвался на нее в № 2 «Отечественных записок» (отд. V, стр. 44—56) резкой полемической статьей «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“». Голохвастов, со своей стороны, также не обошел молчанием статью Белинского и ответил на нее с еще большим пылом в мартовской книжке «Москвитянина» 1846 г. («Ответ на статью Отечественных записок: „Голос в защиту от Голоса в защиту русского языка“», стр. 212—251). До сих пор считалось, что полемика двух названных журналов о русском языке на этом и прекратилась. Однако это не так. Последнее слово, как удалось нам установить, осталось за Белинским, а не за Голохвастовым.

Обе статьи Белинского (рецензия на «Грамматические разыскания В. А. Васильева» и «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“») вошли в его первое собрание сочинений 1859—1860 гг. (X, 113—132 и 305—329) и механически, без всяких комментариев, переходили из издания в издание, вплоть до «венгеровского» (IX, 475—488 и X, 157—172), примечаний к которому редактор, к сожалению, не успел напечатать. Исследователи критической деятельности Белинского и его биографы, начиная с Пыпина, не остановились ни на споре Белинского с Голохвастовым, ни на содержании обеих интереснейших статей, в которых Белинский выразил свою точку зрения на русский язык, его прошлое и будущее. В мемуарах современников этот эпизод также нигде не отразился.

Совершенно вне поля зрения исследователей и библиографов осталась комментируемая нами анонимная статья «Ответ на Ответ г-на Д., помещенный в 3-м № „Москвитянина“ 1846 года», появившаяся в № 5 «Отечественных записок» 1846 г. Между тем статья эта является прямым и непосредственным продолжением полемики Белинского с Голохвастовым и по своему содержанию и стилю бесспорно может принадлежать только Белинскому. Да и кто другой из сотрудников «Отечественных записок» мог быть автором названной статьи, кроме самого Белинского, если даже допустить на минуту такую маловероятную возможность? Герцен в этот период, как известно, не писал критических статей. Всё внимание его было направлено на естественные науки, философию и собственное художественное творчество. Нигде, ни в письмах его того времени, ни в позднейших воспоминаниях, не промелькнуло ни намека на занятия им грамматикой. Эта тема совершенно не входила в круг его интересов.

Единственно реальным кандидатом на авторство этой статьи, кроме Белинского, мог быть А. Д. Галахов, присяжный критик «Отечественных записок», подражавший ему и также интересовавшийся вопросами русского языка и грамматики. По устному сообщению В. С. Спиридонова редакции «Литературного наследства», он видел списки Галахова и помнит, что статья «Ответ на Ответ г-на Д.» была помечена там, как принадлежащая ему, Галахову. Следует, таким образом, рассмотреть, что же представляет собой так называемые галаховские «реестры», местонахождение которых ныне неизвестно исследователям, и насколько они достоверны.

Свои «реестры» Галахов вел в Москве, указывая в них распределение книг, взятых для рецензирования в «Отечественных записках» Белинским, Катковым, Кудрявцевым и им самим. Казалось бы, существовал, а может быть и поныне где-то существует, совершенно бесспорный документ для определения авторов анонимных рецензий в «Отечественных записках». Но, к сожалению, это не так. Имеется обстоятельство, существенно снижающее достоверность «реестров». Оно заключается в том, что «реестры» Галахова являлись предвзвешенной записью авторов, с которыми я писал, и действительное авторство рецензентов иногда не совпадало с записями в «реестрах». Предоставим по этому поводу слово самому автору «реестров»: «Два раза в месяц, — сообщает Галахов в своих воспоминаниях, — отправлялся я... <в Московский цензурный комитет> за литературным фуражом, т. е. забирал все книги, доставленные туда из типографий в течение предыдущих недель. После того я распределял полученное, по взаимному приглашению, между мною и сотоварищами. Обстоятельно, в особых тетрадях, вел я список всех книг, перебивавших в наших руках, с обозначением времени, когда они взяты, и лиц, к кому поступали на рассмотрение. Тетради эти, с 1839 по 1863 год, хранятся у меня в целости («Мое сотрудничество в журналах». — «Исторический вестник», 1886, № 11, стр. 316).

С. А. Венгеров, пользовавшийся «реестрами» с большой осторожностью, писал о них: «Благодаря любезности Н. М. Лисовского мы получили возможность ознакомиться с подлинными реестрами... Сначала мы чрезвычайно обрадовались этой возможности получить в свое распоряжение такой источник самых прямых и непосредственных указаний. Но ближайшее изучение реестров значительно нас разочаровало, показав, что это только предвзвешенная запись книг, разобранных Белинским, Катковым и Галаховым для рецензирования. Правда, в большинстве случаев друзья и писали о тех книгах, которые оставляли за собою. Но бывали и перемены, и о книге, записанной за одним рецензентом, давал отчет другой» (Полн. собр. соч. Белинского. Т. IV. СПб., 1901, стр. 536).

В. С. Спиридонов в предисловии к редактированному им XII тому того же издания сочинений Белинского (Л., 1926, стр. VII) сам одобрял эту осторожность Венгерова. Следовательно, даже имея в руках галаховские «реестры», мы должны были бы отнестись к ним с недоверием, вызванным авторитетнейшими исследователями текстов Белинского.

Если запись Галахова о своем авторстве «Ответ на Ответ г-ну Д.» действительно существовала или существует, то о чем она может свидетельствовать? Только о том, что, зная о твердо решенном уходе Белинского из «Отечественных записок», Галахов с удовольствием писал на статью «Москвитянина», как представитель редакции журнала Краевского. Но мог ли это допустить лично задетый Голохвастовым Белинский — «самый страстный полемист в русской литературе», по удачному определению С. А. Венгерова? Нам кажется это предположение психологически совершенно неприемлемым. Так же неестественно было бы умолчание Галахова в своих воспоминаниях, опубликованных значительно позже смерти Голохвастова (в 1886 г.) о таком любопытном факте, как окончание им полемики вместо Белинского.

Но главные доводы, на которых мы основываем свои доказательства принадлежности Белинскому статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», опираются на изучение этой статьи по существу ее содержания. Во-первых, такой детальный и точный ответ на все пункты обвинений, выдвинутых Голохвастовым, построенный на строго последовательном развитии и утверждении положений предыдущих статей, написанных Белинским, мог дать только автор последних. Во-вторых, весь ход мыслей, стиль, тон, манера, фразеологические обороты речи в комментируемой статье не вызывают ни малейшего сомнения в авторстве Белинского, особенно если их сопоставить со всей полемикой.

Считая невозможным, да и ненужным приводить здесь исчерпывающие параллели всех элементов стиля и языка статьи «Ответ на Ответ г-на Д.», совпадающих, по нашему мнению, со стилем и языком Белинского, ограничимся для сравнения несколькими цитатами из первых двух статей (обозначая их «статья первая» и «статья вторая») и сопоставляемого с ними комментируемого текста («статья третья»).

«Не всякий тот критик, кто пишет критики, так же, как не всякий тот поэт, кто пишет стихи. Критик — тот, чьи мнения имеют вес и принимаются публикою, кто, следовательно, имеет большее или меньшее влияние на развитие и направление вкуса в обществе... Чтоб быть хорошим критиком, вовсе не нужно быть поэтом, так же как для того, чтоб быть хорошим поэтом, вовсе не нужно быть критиком. Винкельман не был скульптором и не представил ни одной статуи «если не в образце, то в оправдание своих мнений», — и тем не менее он — Винкельман, а не *Москвитянин*. Что Карамзин, будучи хорошим для своего времени критиком, был вместе и таким же поэтом и писателем, — это делает ему двойную честь и славу; но нет ни малейшей нужды делать из этого примера общее правило» (С т а т ь я в т о р а я. — X, 164).

«Авторитет писателя есть также дело, не принадлежащее к достоинству критической статьи. Статья может быть хороша, хоть ее автор не был до того времени известен в литературе, и наоборот: статья может быть посредственна, даже плоха, хотя автор ее пользуется уже авторитетом, основанным на многих ученых или литературных трудах. Критика есть особенный род литературной деятельности: для нее нужен свой талант, как нужен он оратору, поэту, математику. Аристарх не был поэтом, но прославился своим разбором Гомера, а поэт Жуковский не может назваться критиком, хотя и написал разборы басен Крылова и сатир Кантемира» (С т а т ь я т р е т ь я).

Разве это не развитие одной и той же мысли?

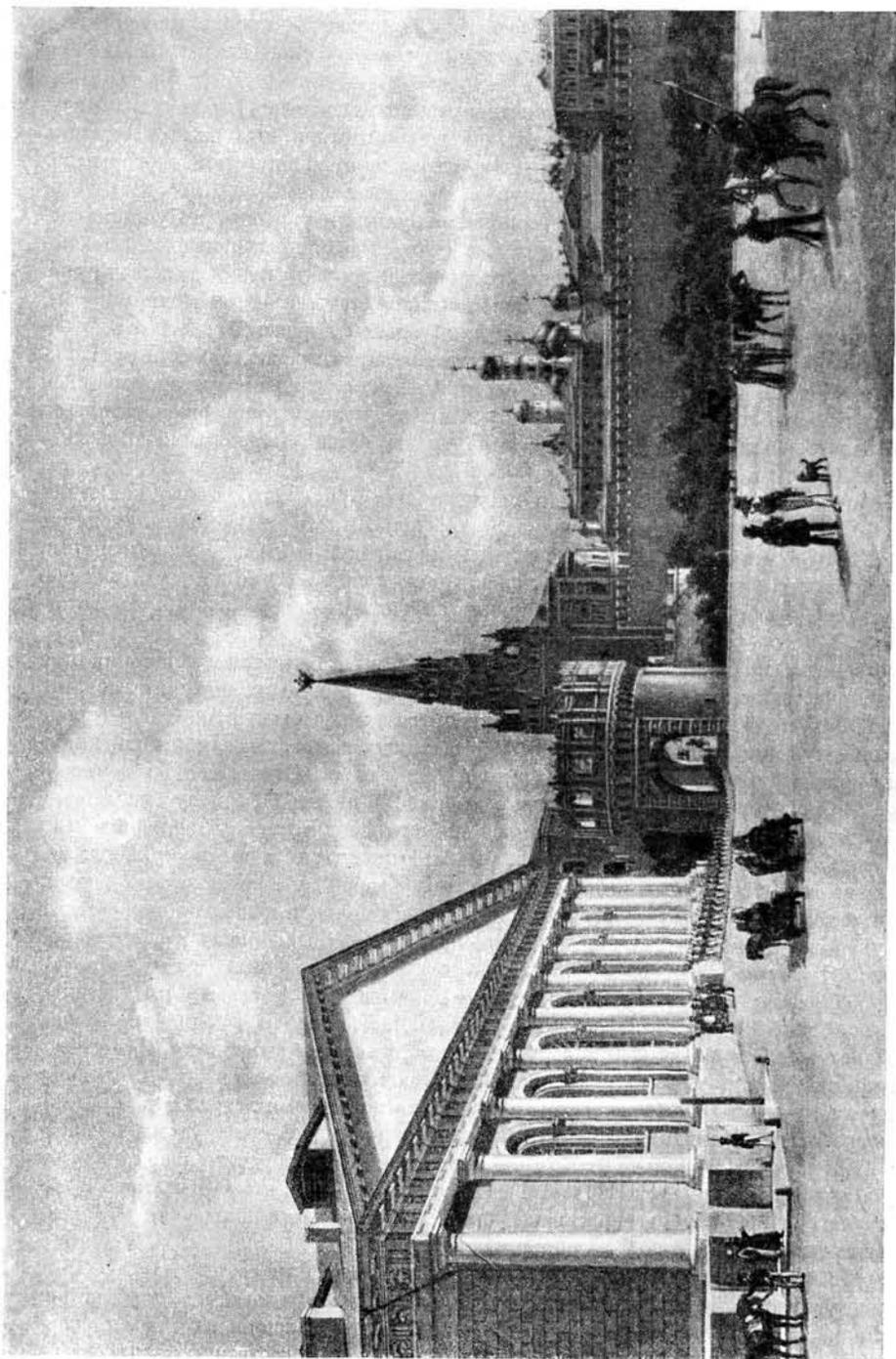
«В нашей статье было сказано, что русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий, в доказательство чего указано было на то, что в русском языке иногда для выражения равнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов. Выше мимоходом было замечено, что русский язык способен к воспроизведению изящной эллинской речи» (С т а т ь я в т о р а я. — X, 166).

«Переходим к главному предмету статьи — русскому языку. В рецензии на книжку г-на Васильева: *Грамматические Разыскания*, мы выразили мнение свое следующими положениями: русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий и способен к воспроизведению эллинской речи» (С т а т ь я т р е т ь я).

«Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы созерцания... В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестанет подвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели. Но за то, как еще беден русский язык для выражения предметов науки, общественности, — словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений!» (С т а т ь я п е р в а я. — IX, 478).

«Но тот же русский язык еще не развился, не установился: грамматика его не обработана, он беден для выражения предметов науки, общественности, всего отвлеченного, цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже для выражения ежедневных житейских отношений... Что касается до второй, главной половины нашего мнения, т. е. до неустановления нашего языка, обязанного выражать предметы цивилизации вообще, науки и общественного быта в особенности, то она еще менее подлежит сомнению. Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь. Следовательно, под установлением языка должно разуметь способность его выражать понятия науки и жизни, находящиеся в *современном* обороте. Если этой способности нет — значит: язык еще не установился, не развился; он еще не богат достаточно. Если эта способность существует — значит: язык установился, развился, богат уже достаточно» (С т а т ь я т р е т ь я).

«Как один из замечательнейших моментов развития русского языка, мы принимаем карамзинский язык с любовью, уважением, благодарностью и даже, если хотите, с удивлением; но нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский... Сфера языка Крылова сама по себе доволь-

МОСКВА. ЗДАНИЕ МАНЕЖА («ЭКЗЕРЦИРГАУЗА»)

Литография 1830-х гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

но ограничена, и потому не в ней русский язык мог достичь своего установления, и не на басне остановиться. Ему надо было идти, и он пошел вперед, содействием Жуковского, Батюшкова, Гнедича, самого Карамзина, который, в своей *Истории Государства Российского*, говорил совсем другою манерою, нежели прежде, — правда, манерою еще более искусственною, но зато и более полезною для успеха русского языка» (С т а т ь я п е р в а я. — IX, 476).

«Тому, кто искренно дорожит совершенствованием своего языка, странно подумать, что родной язык остановится на сочинениях такого-то писателя, хотя бы этот писатель был Карамзин. Повторяем без запинки: „нам и даром не нужно карамзинского языка, если в нем должно видеть совершенно установившийся язык русский“. Заметьте: *если* — и не давайте безусловного значения словам нашим. Жуковский и Пушкин сделали уже большой шаг вперед: первый придал до него бывшей прозе поэтический колорит, и таким образом освободил ее от оков ораторства, искусственности, лежащих на речи Карамзина; другой представил образцы истинно естественной, свободной прозы, влив в нее стихию народной речи. Язык русский вообще дороже русского языка одного какого-нибудь писателя; успехи его в будущем выше прошедшего или проходящего его состояния. Из двух предметов: русский язык, совершенно установившийся в сочинениях Карамзина, и русский язык, имеющий возможность совершенствоваться более и более, — выбор очевиден: нам и даром не нужно карамзинского языка» (С т а т ь я т р е т ь я).

Таких примеров-параллелей можно привести много. Кроме того, высказывания Белинского в последней статье о Карамзине, Жуковском, Крылове и Пушкине находятся в полном, часто текстуально близком, соответствии с его известными высказываниями об этих писателях. Отводя авторство Белинского от третьей статьи, логически следовало бы заподозрить принадлежность ему и двух первых статей, но это невозможно.

Единственным спорным моментом в нашей атрибуции является публикация этой статьи в «Отечественных записках» в мае 1846 г., тогда как до сих пор считалось, что с 1 апреля 1846 г. никаких статей Белинского там не было напечатано (кроме 11-й статьи о Пушкине, задержанной Краевским и увидевшей свет в октябрьской книжке). Факт разрыва Белинского с Краевским и уход его из «Отечественных записок» с 1 апреля 1846 г. не подлежит, разумеется, сомнению. В письме к Герцену от 2 января 1846 г. Белинский пишет: «Я твердо решился оставить „Отечественные записки“ и их благородного, бескорыстного владельца... Чтобы отделаться от этого стервеца, мне нужно иметь хоть 1000 руб. серебром, потому что я забрал у Краевского до 1 числа апреля и должен буду до этого времени работать, не получая денег, но зарабатывая уже полученные» («Письма», III, 88, 90). В письме от 14 января к Герцену же Белинский повторяет: «Я твердо решился не брать у Краевского ни копейки» (там же, 94). В письме к Герцену от 19 февраля он подробно описывает свой разговор с Краевским об уходе из «Отечественных записок» (там же, 101). И, наконец, в заявлении Белинского, Панаева и Некрасова «По поводу „Нелитературного объяснения“ Краевского, датированном 12 ноября 1846 г., написано: «Г. Белинский принимал в „Отечественных записках“ самое деятельное участие в продолжении почти семи лет; отделы критики и библиографии этого журнала преимущественно наполнялись его трудами, начиная с восьмой книжки 1839 года и до четвертой нынешнего, когда он решительно отказался от всякого участия в журнале г. Краевского». Далее говорится, что 11-я статья о Пушкине, напечатанная в октябрьской книжке, была доставлена в редакцию еще в *апреле* («Северная пчела», 1846, № 266, 25 ноября).

Номер 3-й «Москвитянина» со статьей Голохвастова вышел в свет 29 марта 1846 г. (см. «Московские ведомости», 1846, № 38, 28 марта), следовательно, в Петербург он попал не раньше 5 апреля. Естественно, что Белинский отовался на него, как и в первый раз, немедленно, и доставил свой ответ в редакцию «Отечественных записок» не позже середины апреля, может быть одновременно с 11-й статьей о Пушкине. Остается ответить на вопрос, почему Краевский в «Библиографических и журнальных известиях» («Отечественные записки», 1846, № 12, Библиографическая хроника, стр. 118—119) и Белинский в заявлении по повсду «Нелитературного объяснения» утверждали, что,

кроме 11-й статьи о Пушкине, ничего из произведений Белинского после 1 апреля 1846 г. не появилось в «Отечественных записках»? Совершенно ясно, что Краевский не мог назвать «Ответ на Ответ г-на Д.» статьей Белинского по той же причине, по которой, по его собственным словам, он не назвал 11-й статьи о Пушкине: «потому что статья не была подписана г. Белинским» (там же, стр. 118). Он, как редактор журнала, не имел права открывать инкогнито своего сотрудника, хотя бы и бывшего. Сам же Белинский сознательно этого не сделал, так как вся полемика прошла анонимно, и у него не было никаких оснований раскрывать свое авторство.

В этом же № 5 «Отечественных записок» была напечатана и другая анонимная статья Белинского о «Воспоминаниях Ф. В. Булгарина». Она претерпела ряд посмертных мытарств, так как авторство Белинского неоднократно то принималось, то отвергалось исследователями его критической деятельности. Но этот факт участия Белинского в майской книжке «Отечественных записок» ни в коей степени не меняет всего хода нашей аргументации, так как статья о Булгарине была дана в редакцию Н. А. Некрасовым, как его собственная статья (см. В. Спиридонов. «Кто же был автор второй статьи о „Воспоминаниях Фаддея Булгарина“: Белинский или Некрасов?» — Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. Покровского. Факультет языка и литературы. Вып. 1, Л., 1938, стр. 78—85).

11

«Грамматические разыскания» Васильева послужили Белинскому лишь поводом высказать свои мысли о русской грамматике и языке. Непосредственно Васильеву и его труду посвящена только пятая часть рецензии. На книжку Васильева появились в печати еще три коротких и совершенно неинтересных анонимных отзыва («Библиотека для чтения», 1845, № 5—6, отд. VI, стр. 12; «Современник», 1845, № 9, стр. 310—311; «Москвитянин», 1846, № 1, стр. 243—244). Ни в одном из них мы не находим ни отклика на анонимную рецензию Белинского, ни простого упоминания о ней. Единственный человек, выступивший против анонимной статьи Белинского, был Д. П. Голохвастов. Ни «Разыскания» Васильева, ни правила писания буквы ё его не интересовали. Это был повод для политической полемики. Нападая на Белинского с обвинениями в недостаточном патриотизме и неуважении к допетровской Руси, Голохвастов выступал трибуном славянофильского реакционного органа «Москвитянина» против ненавистного ему прогрессивного духа «Отечественных записок». Голохвастов не был «партийным» славянофилом и человеком близким к славянофильскому кругу. Он был типичным представителем николаевской бюрократии, охранителем-идеологом пресловутой «официальной народности». Член богатой и аристократической семьи, двоюродный брат Герцена, Голохвастов ярко обрисован в «Былом и думах» (ч. III, гл. XXII и ч. IV, гл. XXXI), как гордость и «оратор семьи» («l'orgueilleux de la famille»), «большой педант и формалист» (Полн. собр. соч. и писем Герцена. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919, стр. 162). «Я впоследствии не раз встречал эти натуры, эти „гладенькие“ умы, эти светло понимающие — на известном пространстве и в известную глубину — головы. Они умно рассуждают, не отступая от данных; они еще умнее глупуют, не сходя с торной дороги; они — настоящие современники своего времени, своего общества. Всё, что они говорят, — истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; всё, что они делают хорошо, но они могли бы делать что-нибудь иное. Они обыкновенно нравственны, но вам нечистая сила шепчет на ухо: «Да могут ли они быть безнравственны?»... Всё у этих господ исправно, чинно, на месте; они правильно любят добродетель и бегут порока; всё у них не лишено известной прелести серенького летнего дня, без дождя и солнца, а чего-то нет... а без того и всё остальное не в честь» (Ч. IV, гл. XXXI. — Цит. изд. Т. XIII, стр. 169).

Голохвастов в ноябре 1831 г. был назначен помощником попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына. У него, по мнению Герцена, было всё нужное для этой роли, с точки зрения высшего начальства того времени: «образование, хорошая фамилия, богатство, агрономия и не только отсутствие „завиральных идей“, но и во-

обще всяких происшествий в жизни. Голохвастов не имел ни одной любовной интриги, ни одной дуэли, не играл отроду в карты, ни разу не напивался допьяна, но часто по воскресеньям ездил к обедне, и не просто к обедне, а к обедне в домовую церковь кн. Голицына» (Ч. IV, гл. XXXI.— Цит. изд. Т. XIII, стр. 174).

Гончаров в своих воспоминаниях пишет о том, как на университет «легла какая-то тень» в виде Голохвастова, державшая себя «осанисто и гордо», «с надменным и внушительно-строгим без надобности взглядом». Человек этот был прислан явно для того, чтобы «подтянуть университет» (И. А. Гончаров. Полн. собр. соч. Т. XII. СПб., 1899, стр. 39—41). Современник Белинского, в 1830 г. учившийся в университете, П. Вистенгоф, вспоминает о Голохвастове и гр. Панине: «Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага, считая нас всех опасною толпою, как для них самих, так и для целого общества. Они всё добились что-то сломить, искоренить, дать всем внушительную острастку. Голохвастов был извительного, надменного характера. Он ялордствовал всякому случайному, незначительному студенческому промаху и, раздув его до *taхimum'a*, находил для себя особого рода наслаждение наложить на него свою кару» («Из моих воспоминаний». — «Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 335).

Сам Белинский в письме к родителям 20 апреля 1833 г. очень резко выражается по адресу Голохвастова за его «грубое» и «подлое» обращение со студентами и пишет, что он «ругается как извозчик» («Письма», I, 48—49). В письме к матери 21 мая 1833 г. Белинский рассказывает историю своего исключения из университета и обвиняет Голохвастова в том, что ему не разрешили держать особый экзамен после длительной болезни (там же, 50—51). Любопытно, что Чернышевский в письме к А. С. Зеленому от 26 сентября 1856 г., кратко излагая биографию Белинского, упоминает об исключении его из университета Голохвастовым, сообщившим во все университеты, чтобы Белинского никуда не принимали («Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым». М.—Л., 1925, стр. 121).

В 1847 г. Голохвастов был назначен вместо гр. С. Г. Строганова попечителем Московского учебного округа. Блестящая характеристика его в этой роли сделана С. М. Соловьевым: «Это был человек знающий, умный, честный и любивший честность в других, но ум этого человека отличался особенным складом, именно удивительною форменностью... у Голохвастова всё внимание было обращено на формы мышления; в разговоре своем он хлопотал только об одном, чтобы мысли являлись в законной форме и чтоб эта форменность как можно яснее обнаружилась... Он ненавидел университет, считая его учреждением опасным для существующего порядка вещей, и не скрывал этих мнений своих» («Записки С. М. Соловьева». Пг., «Прометей», б. г., стр. 40). По поводу назначения Голохвастова Белинский писал Анненкову в начале декабря 1847 г.: «Строганов был уволен. На место его утвержден скотина Голохвастов. То и другое — большое несчастье для московского университета» («Письма», III, 318).

С таким человеком столкнулся Белинский в полемике 1846 г. Если судить по тому, что в частной переписке с друзьями и единомышленниками Белинский и Голохвастов, касаясь своей полемики, ограничивались всегда только наименованиями журналов и ни разу не обмолвились именем противника, можно, как будто, сделать вывод, что они полемизировали анонимно, оставаясь неизвестными друг другу. Однако правильное будет, вероятно, противоположное предположение.

III

Главная мысль, положенная Белинским в основу рецензии на книгу Васильева, сводится к тому, что русская грамматика еще «не обработана» и не может быть обработана на данной стадии развития русского языка, несмотря на огромные успехи, достигнутые в этом развитии за последнее столетие. «Русский язык еще не установился, — и дай бог, чтоб он еще как можно долее не установился, потому что чем долгие будет он устанавливаться, тем лучше и богаче установится он» (IX, 476). Давая обзор развития русского языка от Ломоносова до Пушкина, Белинский пишет: «И всё это сделалось в какие-нибудь *девять* лет, считая от первой оды Ломоносова — *На взятие Хотина*,

написанной правильным тоническим размером, навсегда утвердившимся в русской поэзии (1739), до *Полтавы* Пушкина (1829)!.. Какая же могла тут явиться грамматика? Ведь грамматика есть абстракция языка, существующего в созданиях литературы, а литература изменялась с каждым годом? При таких условиях, какую ни напишите грамматику, — она успеет отстать от языка литературы, пока вы будете печатать ее (там же, 477).

Подробно останавливаться на содержании рецензии на книгу Васильева нет необходимости, так как Белинский в начале «*Ответа на Ответ г-на Д.*» сам сделал краткое изложение своих основных положений. Кроме того, он дал в рецензии обзор всех русских грамматик, очень положительно отозвался о «*Филологических наблюдениях над составом русского языка*» Г. П. Павского, представил Васильева последователем

В СТАРОЙ ПЕНЗЕ

Рисунок В. И. Лебедева, 1947 г.

Собрание художника, Пенза

Павского и, сделав ряд небольших замечаний на его книгу, противопоставил ее брошюре К. М. Кординского «Упрощение русской грамматики», вскоре им уничтоженной («*Отечественные записки*», 1845, № 12).

В своей статье «Голос в защиту русского языка» Голохвастов мимоходом обвиняет современных рецензентов в необоснованном самомнении и пишет: «Рецензент может быть автором одних рецензий, и те писать языком небрежным, неправильным. Для него нет законов, он сам закон для всех. Неумолимый, как *fatum* древних, он изрекает свои приговоры без разысканий и без доказательств, на основании своего собственного произвола. Он уверен в своей непогрешительности — довольно этого для него, должно быть довольно и для читателей» («*Москвитянин*», 1845, № 11, стр. 50).

Он упрекает Белинского в унижении им русского языка перед французским, невнимании к духовному красноречию и языку «законов и правосудия» и дает такую оценку рецензии Белинского: «Рецензия, ничем собственно не отличающаяся от дру-

гих рецензий, замечательна тем, что автор ее, не стесняясь никаким систематическим порядком и последовательностью в изложении своих мнений, не обременяя легкую прозу свою ни доводами, ни доказательствами, нападает на русский язык в *рассыпную*, отчего и следовать за ним довольно трудно» (там же, стр. 50). Далее Голохвастов выражает обиду на якобы небрежный отзыв Белинского о «мужицком слоге», протестует против введения критиком иностранных слов в русский язык и приводит в виде примера духовного красноречия длинейшие цитаты из речей митрополита Филарета.

Ответная статья Белинского «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“» была написана между 5 и 20 января 1846 г. В этой статье Белинский настаивает на том, что русский язык еще не установился, не находя в этом утверждении ничего унижительно-го для национального самолюбия. Он уличает, вместе с тем, полемиста «Москвитянина» в отсутствии единства мнения и отвечает на все пункты обвинения, предъявленные Голохвастовым. Статья написана, как все полемические статьи Белинского, в очень резком тоне, остро и с личными выпадами по отношению к противнику. Голохвастов был явно задет ответом Белинского. В письме к неустановленному лицу он возмущался: «Наскучивши нелепыми и дерзкими нападками Отечественных записок на русский язык, мне так же родной как и всякому русскому, я решился сказать несколько слов в защиту его. Из этого родилась статья Москвитянина, названная: Г о л о с в з а щ и т у р у с с к о г о я з ы к а и пр.—Отечественные записки отвечали на нее с каким-то странным остервенением и вызвали меня на О т в е т».* К своему «Ответу на статью Отечественных записок: „Голос в защиту от Голоса в защиту русского языка“» Голохвастов ввлял эпиграфом стихи из «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова, посвященные П. И. Кутузову, грызущему зубами бюст Карамзина:

Но напрасно <мрамор> гложет;
Только время тратит в том.
Он вредить ему не может,
Ни зубами, ни пером.

Голохвастов, повторяя все свои прежние доводы, старается задеть Белинского «личностями» и намеками на его профессию журналиста. Между прочим, он обвиняет «Отечественные записки» в неуважении к другим журналам, приводя большое количество цитат из их отзывов о «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле», «Москвитянине» и др. Любопытно отметить, что, желая унижить своего неизвестного противника, Голохвастов противопоставляет его «неумелому» перу мастерство автора анонимной статьи о «Тарантасе» В. А. Соллогуба, принадлежащей самому же Белинскому («Отеч. зап.», 1845, № 6).

По поводу исправлений, внесенных Голохвастовым в свою статью, между ним и Погодиным возник конфликт. Погодин хотел перенести статью Голохвастова в 4-й номер «Москвитянина», чтобы не задерживать выхода 3-го номера. Голохвастов настаивал на помещении статьи в 3-м номере, угрожая в противном случае выпустить ее отдельной брошюрой. 22 марта 1846 г. он писал Погодину: «Отстреливаясь от О. З., я не думал, что и от Васполучу неудовольствие и упреки. Так как обруганная статья есть статья Вашего журнала, я думал, что могу надеяться на какие-нибудь знаки участия и к статье и к автору. Всё дело в том, что 3 № Москвитянина от этого мог бы выйти двумя или тремя днями позже.— Напротив того, Вы хотите меня заставить поместить мою статью в 4 №, и даже хотите отнять у меня свободу напечатать ее особой брошюрой. Или я в самом деле, как намекают О. З., н а е м н и к, который ругает и в д е н е г, литературный к а л е к а и пр., или я могу располагать своим трудом по своей воле, особенно когда эта воля основанием имеет необходимость не сделать этот труд просто посмешищем. Вы этого не хотите видеть. Надобно, чтоб этот труд был очень ничтожен в Ваших глазах, чтоб Вы не хотели почтить его таким небольшим снисхождением. Согласитесь,

* Этот текст написан неизвестной рукой на экземпляре отриски статьи Голохвастова «Голос в защиту русского языка», 1845 г., хранящегося в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр Г 22/34). Под текстом подпись: «Из письма Дмитрия Павловича Голохвастова». Историю этой книги нам не удалось установить. Она поступила в библиотеку неизвестно откуда.

что это для меня не может быть ни лестно, ни приятно... Я уверен, что О. З. опять обругают меня; если, сверх того, вместо спасибо, ругнет и Москвит <янин>, то я не испугаюсь» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VIII. СПб., 1894, стр. 301—302).

Оба журнальных лагеря внимательно следили за ходом полемики: «Увидишь, какой эффект произведет на славянофилов статья во 2 № „Отечественных записок“: „Голос в защиту от голоса Москвитянина*»,—писал Белинский Герцену 6 февраля 1846 г. («Письма», III, 100). «Статья Голохвастова прекрасна, умна и губительна. Я бы Сапожника в сторону*—середина всего лучше, а особливо сравнение мнений Отечественных Записок о других журналах и о самих себе. Это мастерски»,—восхищался С. П. Шевырев в письме к Погодину (Н. Барсуков. Цит. изд., стр. 302). «Я уверен, что О. З. опять обругают меня»,—предупреждал Голохвастов Погодина, как мы видели выше. Предчувствие не обмануло его. Несмотря на свое нежелание иметь дело с Краевским, Белинский не мог не реагировать на вызов Голохвастова. Свое последнее слово он, естественно, поместил в том же журнале, где он начал и провел всю полемику. В своей статье «Ответ на Ответ г-на Д.» Белинский настойчиво и твердо повторил все свои прежние высказывания о русском языке и значении для его развития Карамзина, Жуковского, Пушкина и Крылова. Голохвастов не захотел продолжать полемики, но за него вступился постоянный сотрудник «Москвитянина» А. Е. Студитский (выступивший за подписью: А. С.), охарактеризованный Белинским вместе с Л. В. Брантом, в письме к К. Д. Кавелину 7 декабря 1847 г. одним словом: «дураки» («Письма», III, 306).

После краткого и очень резкого отзыва об анонимной рецензии Белинского на воспоминания Булгарина, Студитский излагает содержание «Ответа на Ответ г-на Д.», пытаясь высмеять «непоследовательность» мнений его автора и неточность его ответов на обвинения противника («Русские литературные журналы. За май 1846 года. Отечественные записки №№ 5 и 6». — «Москвитянин», 1846, № 6, стр. 203—209). Ответа Студитского Белинский, вероятно, не читал, так как во время выхода № 6 «Москвитянина» он находился на юге (в Одессе и Николаеве). На этом эпизоде завершилась история полемики Белинского с Голохвастовым.

IV

Через всю критическую деятельность Белинского прошла линия глубокого и страстного интереса к вопросам изучения русского языка и русской грамматики и оценке их значения в общем процессе развития русской культуры.

Первое известное нам высказывание Белинского о русском языке встречается еще в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» (I, 349—350). Первым отзывом его о русской грамматике была написанная в том же 1834 г. рецензия на грамматику И. Ф. Калайдовича («Молва», № 47—48). Он дает в ней строгий и уничтожающий разбор труда Калайдовича, сопоставляя его с положительными явлениями в этой области — грамматиками Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Вновь упоминает Белинский грамматику Калайдовича, в противовес грамматике Востокова, в рецензии на «Путевые записки Вадима» («Молва», 1835, № 10). В 1835 г. Белинский печатает уже четыре разбора грамматик, в том числе и грамматики Н. И. Греча. В 1837 г. выходят, давно задуманные им, «Основания русской грамматики для первоначального обучения», высоко оцененные современниками: О. И. Сенковским, К. С. Аксаковым, А. Д. Галаховым и позднейшим специалистом по русскому языку—С. К. Буличем (См. Полн. собр. соч. Белинского. Т. III, стр. 514). За период с 1838 г. по 1847 г. Белинским написано пятнадцать специальных рецензий на всевозможные грамматики и словари, не считая постоянных высказываний его о русском языке в критических статьях этого времени.

* Имеется в виду сравнение Голохвастова с доктором Франция, который чуть не повесил парагвайского сапожника за то, что тот не умел починить седло. Это сравнение было сделано в статье Белинского (X, 165) и опровергалось Голохвастовым («Москвитянин», 1846, № 3, стр. 232).

Признание высоких достижений писателей XVIII в.— Ломоносова, Державина и, в особенности, Карамзина в области развития русского языка своего времени и указание на архаичность элементов этого языка для эпохи 1830—1840-х годов — является одной из любимых мыслей Белинского. Он постоянно повторяет ее, начиная с «Литературных мечтаний» и кончая статьей 1847 г. «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Высказывания Белинского о русской грамматике в рецензии на «Грамматические разыскания» Васильева перекликаются с его высказываниями в отзыве о «Русской грамматике» А. Х. Востокова 1844 г. («Отечественные записки», 1844, № 8). Отзыв этот не вошел в Полное собрание сочинений Белинского и впервые опубликован, как принадлежащий ему, В. С. Спиридоновым, доказавшим авторство Белинского именно путем сопоставления рецензии на грамматику Востокова с рецензией на книгу Васильева («Октябрь», 1936, № 6, стр. 179 — 181, прим. В. С. Спиридонова — стр. 188—189).

Неизвестная статья Белинского «Ответ на Ответ г-на Д.» — последняя, завершающая статья этого цикла, подводящая итоги высказываниям Белинского по вопросу русского языка и грамматики. Тема эта, только поставленная советскими лингвистами*, еще ждет своего исследователя.

К. Б о г а е в с к а я

---

* См. В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 334—340; Е. Н. П е т р о в а. Белинский по вопросу о преподавании русского языка в школе. — «Русский язык в школе», 1940, № 6; Н. В. Т р у н е в. Вопросы грамматики в освещении Белинского. — «Ученые записки Омского пед. института». Вып. I. 1941. Он же. Белинский о преподавании русского языка. — «Русский язык в школе», 1947, № 1.